

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 3 • № 4 • 2023

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMİOTİKESKİE İSSLEDOVANİJA. SEMİOTİK STUDIES

Том 3, № 4, 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Журнал включен ВАК РФ в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук с 31.05.2023 г. Журнал включен в библиографическую базу данных РИНЦ (НЭБ eLIBRARY.ru).

Печатное СМИ, журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Тематика журнала

5.7. Философия (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.7.1. Онтология и теория познания
- 5.7.6. Философия науки и техники
- 5.7.7. Социальная и политическая философия

5.9. Филология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.3. Теория литературы

5.4. Социология (Социальные и гуманитарные науки)

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7. Социология управления

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru
www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б, Центр периодических изданий Самарского университета.

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер серии **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г.

Издается с 2021 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85744
ISSN 2782-2966

Корректурa – *И.В. Ахматова*
Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*
Информация на английском языке – *В.Д. Шевченко,*
Л. Ахтамьянова

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 18.12.2023.

Выход в свет 25.12.2023.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 17. Тираж 200 экз.

Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Прайм».

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12. Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Самарский университет, 2023

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Т.Н. Иванова, д-р социол. наук, доц. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Н.Т. Рымарь, д-р филол. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С.А. Судьин, д-р социол. наук, доц. (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.П. Щукина, д-р социол. наук, проф. (Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 3 • no. 4 • 2023

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIJA. SEMIOTIC STUDIES
Vol. 3, no. 4, 2023

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation into the list of peer-reviewed scientific publications, where the main scientific results of theses for the Candidate of Sciences degree, for the Doctor of Sciences degree should be published starting 31.05.2023. The journal is included into the RSCI bibliographic database (eLIBRARY.ru Public Electronic Library).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, signification (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

Remit of the journal

5.7. Philosophy (Social sciences and humanities)

5.7.1. Ontology and theory of knowledge

5.7.6. Philosophy of science

5.7.7. Social and political philosophy

5.9. Philology (Social sciences and humanities)

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.3. Literary theory

5.4. Sociology (Social sciences and humanities)

5.4.2. Economic sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7. Management sociology

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** of **27.11.2020**. The mass media organization was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

ISSN 2782-2966

**The journal has been published since 2021,
4 times a year.**
Subscription index in the United internet-catalog
«Press of Russia» 85744
ISSN 2782-2966

Proofreading – *I.V. Akhmatova*
Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*
Information in English – *V.D. Shevchenko,*
L. Akhtamyanova

Business model: financing of the journal is carried out
by the founder, all articles are published free of charge.
0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the
views of the publisher.
The art works by Karl Eimermacher have been used
while creating the cover design.

Passed for printing on 18.12.2023 The publication
25.12.2023. Format 60x84/8. Litho paper. Instant print.
Print. sheet. 17. Circulation 200 copies. Order No.

**Printed using the ready layout original at OOO
(LLC) Pryme Printing house.**

Printing house address: 12, Baikalskij pereulok,
Samara, 443079, Samara region, Russian Federation.
Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru
© Samara National Research University, 2023

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyati-gorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)
T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)
V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)
M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)
I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T.N. Ivanova, Dr. soc. habil., Associate Professor (Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation)
V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)
V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)
N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)
A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)
Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)
P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)
N.T. Rymar, Dr. philol. habil., Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)
S.A. Sudin, Dr. soc. habil., Associate Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation)
S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Košice, Slovakia)
I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University “Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria)
G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)
N.P. Shukina, Dr. soc. habil., Professor (Samara State Medical University, Samara, Russian Federation)
N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

- Биглари А.** Общее введение к проекту «Открытая семиотика» 8
Дубровский Д.И. К 50-летию дискуссии с Э.В. Ильенковым по проблеме идеального 15
Редникина В.Е., Ястреб Н.А. Типология и специфика философских проблем биологии. 30

Литературоведение

- Шевченко Е.С., Герченова Д.В.** Семиотика художественного языка В. Набокова в свете теории символизации Н. Гудмена. 40
Тютелова Л.Г., Сидоренко Л.С. Роль городского пространства в романе А. Иличевского «Чертеж Ньютона» 48
Левина П.А., Перепелкин М.А. Самара в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» 57
Карпенко Г.Ю. Радуга как «знамение завета» в духовной лирике И.А. Бунина: семиотика сакрального. Статья 1. Введение в проблему. Сакральное в произведениях И.А. Бунина 65
Голубков С.А. Феномен творческой авторефлексии и проблема создания биографии писателя. 72

Социология

- Вандышева Л.В., Васькина Ю.В., Малаканова О.А., Митрофанова С.Ю., Пустарнакова А.А.** Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи 81
Хосуева Е.Д., Колесник Н.В., Хосуева С.Д. О сопряжении визуальных форм в живописи и кино 90
Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Иванов Д.Ю., Нестеров А.Ю., Ткаченко И.С. Факторы трудовой мотивации работников предприятий аэрокосмического кластера в условиях цифровизации и роботизации 100
Требования к оформлению статей. 114

CONTENTS

Philosophy

- Biglari A.** General introduction to the project "Open semiotics" 8
Dubrovsky D. To the 50th anniversary of debates with E.V. Ilyenkov on the problem of the ideal 15
Rednikina V.E., Yastreb N.A. Typology and specificity of biology philosophical problems 30

Literature studies

- Shevchenko E.S., Gerchenova D.V.** Semiotics of V. Nabokov's artistic language in the light of N. Goodman's theory of symbolization 40
Tutelova L.G., Sidorenko L.S. The role of urban space in A. Ilichevsky's novel "Newton's drawing" 48
Levina P.A., Perepelkin M.A. Samara space in Dina Rubina's novel «Petrushka's syndrome» 57
Karpenko G.Y. Rainbow as a covenant in I.A. Bunin's spiritual lyrics: semiotics of the sacred. Article 1. Introduction to the problem. Sacred in the works of I.A. Bunin 65
Golubkov S.A. The phenomenon of creative self-reflection and the problem of creating a biography of the writer. 72

Sociology

- Vandyшева L.V., Vaskina Yu.V., Malakanova O.A., Mitrofanova S.Yu., Pustarnakova A.A.** The strategy of mixing methods in the study of identities and practices of the modern youth consolidation. . 81
Khosueva E.D., Kolesnik N.V., Khosueva S.D. On pairing visual shapes in painting and cinema. 90
Bocharov V.Yu., Vaskina Yu.V., Ivanov D.Yu., Nesterov A.Yu., Tkachenko I.S. Factors of work motivation of aerospace employees in the context of digitalization and robotization 100
Requirements to the design and layout of articles 114

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-8-14

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 1

Дата поступления: 01.09.2023
рецензирования: 02.11.2023
принятия: 12.12.2023

А. Биглари

Университет Париж-Сорбонна,
г. Париж, Франция
Университет Пикардии Жюль Верна,
г. Амьен, Франция
E-mail: amir.biglari@u-picardie.fr

Общее введение к проекту «Открытая семиотика»

Аннотация: настоящая статья представляет собой перевод на русский язык вступительной статьи к четырехтомному проекту «Открытая семиотика», изданному в 2023 году под редакцией Амира Биглари в издательстве Арматтан. Выходные данные оригинала – Biglari, A. (2023), General introduction, A. Biglari (ed.), *Open Semiotics: Epistemological and Conceptual Foundations*, L'Harmattan, Paris, vol. 1, pp. 33–43.

«Открытая семиотика» состоит из четырех томов: (1) Эпистемологические и концептуальные основы, (2) Культура и общество, (3) Тексты, изображения, искусство, (4) Жизнь и её расширения. Проект включает в себя 141 раздел, подготовленный 178 учёными из 58 стран со всех континентов Земли. Разделы представляют широкий спектр тенденций и подходов, многочисленные и разнообразные дисциплинарные пересечения семиотических исследований.

Знаки и значения пронизывают мир в его различных аспектах, семиотика открыта для взаимодействия с другими областями, – от гуманитарных и социальных наук до естественных и математических наук. Открытая семиотика направлена на изучение и расширение этих взаимодействий, на создание новых возможностей для междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, на выявление ресурсов перераспределения дисциплинарных областей.

Ключевые слова: семиотика; знак; значение; междисциплинарность; трансдисциплинарность.

Цитирование: Биглари А. Общее введение к проекту «Открытая семиотика» // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 4. С. 8–14. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-8-14>.

Благодарности: автор выражает благодарность Максиму Алексеевичу Соколову за оказанную помощь в переводе статьи.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Биглари А., 2023 – ассоциированный исследователь Университета Париж-Сорбонна, преподает в Университете Пикардии Жюль Верна, 75005, Франция, г. Париж, ул. Виктора Кузена, д. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

A. Biglari

Sorbonne University, Paris, France
University of Picardy Jules Verne,
Amiens, France
E-mail: amir.biglari@u-picardie.fr

General introduction to the project “Open semiotics”

Abstract: this article is a Russian translation of the General introduction to the four-volume project “Open Semiotics”, published in 2023 under the editorship of Amir Biglari in the L'Harmattan publishing house. The original imprint – Biglari, A. (2023), General introduction, A. Biglari (ed.), *Open Semiotics: Epistemological and Conceptual Foundations*, L'Harmattan, Paris, vol. 1, pp. 33–43.

“Open Semiotics” comprises four volumes: (1) Epistemological and Conceptual Foundations, (2) Culture and Society, (3) Texts, Images, Arts, (4) Life and its Extensions. The project includes 141 chapters authored by 178 scholars from 58 countries spanning all continents, which represent a broad array of trends and approaches as well as numerous and diverse disciplinary crossings.

Given that signs and meanings pervade the world in its different aspects, semiotics is naturally open to interactions with other fields, from the humanities and social sciences to the natural and pure sciences. Open Semiotics aims to explore and expand these interactions, and to facilitate new avenues for interdisciplinary and transdisciplinary research, providing insights into a redeployment of disciplinary fields.

Key words: semiotics; sign; meaning; interdisciplinarity; transdisciplinarity.

Citation: Biglari, A. (2023), General introduction to the project “Open semiotics”, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 8–14, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-8-14>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Maxim Alekseevich Sokolov for his assistance in translating the article.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Biglari A., 2023 – a research associate at the Sorbonne University, and teaches at the University of Picardy Jules Verne, 1, rue Victor Cousin, Paris, 75005, France.

1. Открытая область исследования

Семиотика обеспечивает набор теоретических, концептуальных и методологических схем для изучения знаков и значений вне зависимости от характеристик и модальностей их проявлений. Поскольку у всего в мире есть возможность стать знаком и в таком случае, скорее всего, обрести значение, ничего в априорном порядке не исключается из области исследования семиотики, вне зависимости от того, принадлежит ли это сфере живого или неживого, природы или культуры, разума или чувства, действия или сознания.

Более конкретно семиотика стремится описать и объяснить то, при каких условиях, как и почему знаки и значения мыслятся (или не мыслятся!), порождаются, организуются, направляются, общаются, распространяются, воспринимаются, понимаются, интерпретируются, опредмечиваются, ощущаются, проживаются, преобразуются, переводятся и так далее. Действительно, семиотика стремится выявить механизмы, процессы и закономерности, которые лежат в основе этих операций и способствуют их определению. Она также изучает эффекты, возникающие в получателе-толкователе, – условия, способы и причины их возникновения, – независимо от того, относятся ли эти эффекты к сфере действия, аффекта, знания или к другим. Важно отметить, что получатель-толкователь рассматривается здесь в самом широком смысле: им могут быть человеческие индивиды (включая младенцев, детей и людей с тяжёлыми психическими расстройствами), группы людей (например, культуры, социальные классы, идеологические сообщества), другие живые существа (например, животные, растения, бактерии) и объекты, наделённые свойствами, напоминающими свойства живых существ (например, машины с искусственным интеллектом).

При таком рассмотрении каждый знак определяется не только в системе знаков и, следовательно, во взаимодействии с другими знаками, но и каждая система знаков определяется по отношению к другим системам знаков и во взаимодействии с ними. Аналогичным образом любой элемент или сеть значений определяются по отношению к другим элементам и сетям значений, с которыми они взаимодействуют. Это особенно очевидно на ранних стадиях мышления и знакопорождения, а также позднее – на стадии интерпретации и осо-

бенно в наведённых эффектах и последствиях, когда каждая система или сеть включает в себя другие системы/сети и приводит к появлению новых. Более того, поскольку эти взаимодействия постоянно подвергаются изменениям – по характеру, интенсивности, темпу, направлению и т.д. – знаки и значения не статичны, а находятся в состоянии постоянной эволюции. А поскольку такие взаимодействия и эволюции могут продолжаться до бесконечности, то все знаки и все значения по самой своей природе и по своему происхождению обречены на открытость¹.

2. Множественность области исследования

Учитывая обширность и изменчивость знаков и значений, множественность теоретических направлений в семиотике не должна вызывать удивления. На самом деле каждое направление воплощает определенную точку зрения на знаки и/или значения, фокусируясь на одном из аспектов, характеризующих их. Если учесть, что точка зрения является определяющей для любого объекта исследования, то, соответственно, меняются и постановка вопросов, и цели, и процедуры. Аналогичное разнообразие прослеживается и внутри каждого из таких направлений.

При внимательном рассмотрении становится ясно, что эта множественность, по крайней мере отчасти, является отражением социокультурных вариаций, которые влияют не только на концептуализацию и теоретизацию, но и на выбор направлений и тем исследований, и даже на письменный стиль, задаваемый, как правило, ведущими авторитетами. Эти направления имеют разную степень сближения, которая бывает иногда более, иногда менее выражена. Когда между отдельными направ-

¹ Первый параграф представляет собой попытку предложить такое обозначение, которое было бы одновременно достаточно широким, чтобы в нем были представлены все подходы, и достаточно конкретным, чтобы четко очертить контуры дисциплины. Для того чтобы быть точным, необходимо, конечно, определить, что понимается под знаком и значением. В разных подходах они понимаются не в одних и тех же терминах, не наделяются одними и теми же свойствами и объемами значений, не признаётся их взаимозависимость на одном и том же уровне. Сопоставление и анализ этих концепций были бы весьма полезны, но это задача, выходящая за рамки задач общего введения. Чтобы избежать ненужных осложнений, другие термины из того же лексического поля, что и «значение» («смысл», «означивание», «значимость» и т.п.), также оставлены в стороне, поскольку они не имеют ни единого определения, ни одинакового статуса в разных подходах.

лениями возникает несовместимость на каком-то уровне, их вклад в изучение знаков и значений становится взаимодополняющим, каждое из них раскрывает те или иные нюансы знаков и значений. Кроме того, противостояние направлений – это ценный шанс выявить возможные несоответствия и недостатки, тем самым способствуя подлинному прогрессу. Таким образом, плюрализм не означает диспропорции и несоответствия, но свидетельствует о богатстве и плодотворности. В связи с этим можно ожидать, что в будущем плюрализм даже возрастет. Любая попытка создать общую теорию знаков и значений неизбежно потребует определенного взаимодействия между уже существующими и ещё не возникшими направлениями.

3. Диалектика между теорией и реальностью

Различные существующие семиотические направления не являются чисто теоретическими конструкциями, замкнутыми на самих себе: они открыты миру, непосредственно связаны с конкретной реальностью (очевидно, под ней следует понимать не онтологическую реальность, а реальность, воспринимаемую органами чувств живых существ).

Более того, непрерывное снование между теорией и реальностью, по-видимому, является неотъемлемой чертой функционирования направлений науки: с одной стороны, реальность может предстать в наиболее объективном и достоверном виде благодаря строгости метода, предоставляемого теорией. С другой стороны, теория, чтобы развиваться, должна постоянно подвергать себя определенным испытаниям по отношению к реальности во всей её сложности: реальность позволяет оценить актуальность и эффективность теории, и, более того, из сложностей, составляющих реальность, и в соответствии с ними теория может конструировать новые объекты и вводить новую проблематику.

Разумеется, научная достоверность требует, чтобы в случаях, когда воспринимаемая реальность сопротивляется теории, корректировалась бы именно теория, чтобы она охватывала большее число явлений, но никак не реальность вписывалась бы в заранее установленные рамки. Таким образом, этот процесс позволяет постоянно проверять и перепроверять теорию, причем результат может варьироваться между подтверждением, опровержением и модификацией. Только благодаря такой неустанной самокритике теория может укрепить свой концептуальный фундамент и максимально повысить свою аналитическую эффективность. Двигаться в таком направлении особенно важно, поскольку современный мир претерпевает колоссальные трансформации, возникают новые острые проблемы: демография, совместное проживание, права человека и гражданина, безопасность, мир, миграция, устойчивое развитие, биоразнообразие, доступ к водным

ресурсам, глобальное изменение климата и т.д. Чтобы повысить свою легитимность и реализовать свои возможности, семиотика должна ответить на эти вызовы решительным и всеобъемлющим видением, ведущим к концептуальной, методологической и эпистемологической переориентации.

К тому же такой процесс позволит семиотике хотя бы на гипотетическом уровне провести разграничение между универсальными характеристиками знаков и значений и их специфическими характеристиками, проявляющимися в том или ином контексте. Естественно, что, поскольку некоторые характеристики ограничены определенным числом контекстов, можно выделить, например, культурные особенности, которые представляют собой нечто среднее между универсалиями и единичными вещами. Таким образом, это единственный способ создания надежных типологий знаков и значений по таким различным критериям, как способы производства, способы обращения, условия восприятия и т.д.

4. Взаимодействие с другими областями

Поскольку знаки и значения присутствуют во всех областях знания, семиотика, естественно, открыта для взаимодействия с другими областями – от гуманитарных и социальных наук до естественных и математических наук. Возникнув в различных социально-исторических контекстах, существующие семиотические направления изначально создавали тесные связи с различными дисциплинарными областями, рассматривая другие области как подчинённые или даже исключая их в основном по методологическим причинам, с тем, чтобы избежать ловушек теоретической и концептуальной гетерогенности. Однако в настоящее время можно наблюдать усилия по восстановлению баланса: каждое направление так или иначе стремится расширить свою исследовательскую деятельность за счет тех областей, которые до сих пор оставались неизученными или недостаточно изученными. Очевидно, это дает благоприятный повод для объединения и сотрудничества этих направлений.

Главный вопрос о связях между семиотикой и другими дисциплинами заключается в том, как они взаимно дополняют друг друга. Для подробного ответа на этот вопрос необходимо изучать его отдельно для каждой конкретной отрасли науки и в каждом случае уточнять, какое именно семиотическое направление наталкивается на какое именно направление данной дисциплины, поскольку, как известно, в рамках каждой дисциплины сосуществуют несколько направлений, порой несовместимых и даже противоречащих друг другу. В зависимости от того, какого направления придерживается та или иная сторона, взаимодействие оказывается более или менее простым и/или плодотворным.

На самом общем уровне, однако, возможны некоторые предварительные ответы: что касается вклада семиотики в другие дисциплины, то она позволяет им *мыслить в терминах знака и значения*, прояснять постулаты и предположения, лежащие в их основе, прояснять нюансы этих постулатов и предположений, обращать внимание на то, какую роль играют разнообразные операции, которые в них задействованы. Причём это касается не только теоретизирования, но и текстов, схем и даже практик, которыми руководствуются исследователи. Иными словами, семиотика смещает угол вопрошания и предлагает иным образом проблематизированный взгляд. При этом не следует игнорировать дополнительный вклад, упомянутый выше, в случае гуманитарных и социальных наук: устанавливая сложные формальные ограничения, семиотика способна обеспечить методологическую строгость, а значит, и минимизировать риски, связанные с субъективной интерпретацией.

В свою очередь, другие дисциплины тоже могут по-разному подпитывать семиотику. В целом, это достигается за счет соответствующих им парадигм исследований и результатов таких исследований в отношении к различным феноменам, начиная от их структурирующей глобальности и заканчивая самыми мелочами: чем больше у семиотики будет информации об изучаемых явлениях, тем быстрее она сможет работать, и тем точнее и надежнее будут её результаты. Некоторые дисциплины, особенно естественные и математические науки, осуществляют свою деятельность как раз таки посредством своих теорий и моделей. Всё это помогает семиотике уточнить и развить собственные концепции, пересмотреть и укрепить свои основы, переоценить и оптимизировать области своего влияния.

Поскольку каждая дисциплина уже имеет свои определенные методы, конкретные инструкции и установленные процедуры, то, разумеется, любое сотрудничество требует уважения, терпения и взаимопонимания.

5. Особая роль в междисциплинарности

Сложный и меняющийся мир, в котором мы живем, побуждает исследователей постоянно выходить за пределы институционализованного знания и формировать междисциплинарные проекты. Подчеркнем, что междисциплинарность, в отличие от простой мультидисциплинарности, когда объект рассматривается с нескольких точек зрения, расположенных рядом, а дисциплинарные компоненты сохраняют свою идентичность, предполагает обмен и сотрудничество, направленные на создание новых подходов к объектам исследования, которые сами по себе становятся новыми объектами. На эпистемологическом уровне это предполагает выведение мышления из-под условных рамок и смещение искусственных границ

институционализованного знания, которые, как правило, принимались в результате стратегической или тактической необходимости на протяжении всей истории и которые иногда скрывали общность знания.

Помимо непосредственного взаимодействия с любой другой дисциплиной, семиотика может сыграть уникальную роль в междисциплинарных проектах: (1) выявить проблемы, общие для нескольких дисциплин, изучающих один и тот же тип явления, при одновременном признании специфического вклада каждой из них, и (2) предложить последовательную метаметодологию, способствующую передаче результатов между этими дисциплинами. Действительно, предоставляя формальный язык и общую концептуальную базу, семиотика позволяет объединить дисциплины и наладить между ними новый диалог, который может привести к интересному сближению специалистов из самых разных дисциплин и беспрецедентным междисциплинарным пересечениям. Помимо совершения новых открытий и установления связей, семиотика способна также оценивать их актуальность, контролировать и ориентировать их, давать объяснения интересам и смыслам их существования.

6. Нахождение золотой середины

Трансдисциплинарность знаков и значений, обусловленная тем, что они пересекают все области знания, могла бы стать настоящим благом для семиотики. Однако, как это ни парадоксально, она стала серьезным вызовом, поскольку очень трудно найти баланс между двумя крайними тенденциями, угрожающими ей: с одной стороны, сложностью технического аппарата, необходимого для проведения точных демонстраций на высоком уровне абстракции, что требует создания сложного метаязыка; с другой стороны, упрощением семиотического дискурса, стремящимся устранить строгость и точность демонстраций, стремление к абстракции, а следовательно, и возможность создания метаязыка.

Первая тенденция заслуживает одобрения с научной точки зрения и даже необходима для дискуссий между семиотиками, но препятствует знакомству семиотиков с исследователями из других дисциплин и может ещё больше маргинализировать их. Вторая тенденция имеет то преимущество, что она легко понимается другими, но несет в себе риск размывания семиотики до такой степени, что в итоге останется только задаться вопросом о том, что же от неё осталось. Поэтому очень важно найти золотую середину между самоубийственным одиночеством и выхолащиванием, между понятийной и терминологической закодированностью и расплывчатостью. Это хрупкое равновесие между строгостью и открытостью необходимо для развития и даже выживания семиотики.

7. Проблема институционализации

Трудность нахождения золотой середины и утверждения себя по отношению к другим областям негативно сказалась на институционализации семиотики. Положение семиотики сегодня отличается от страны к стране, но несомненно, что в целом она страдает от настораживающей маргинальности: исследовательские центры и университетские должности, равно как и возможности трудоустройства вне академических кругов, встречаются редко. Для того чтобы область исследований утвердилась в качестве дисциплины, признанной научным сообществом, недостаточно иметь стройную теоретическую базу, набор концепций и конкретный метод: необходима институциональная структура, способная обеспечить академическую известность и подготовку будущих исследователей. Иначе как можно надеяться, что семиотика будет преподаваться должным образом, что студенты будут стремиться заниматься ею, имея четкое представление о дисциплине и уверенную профессиональную перспективу, что дисциплина будет принята обществом в целом? С другой стороны, помимо специализированных кафедр, с учетом изложенных выше особенностей, семиотика могла бы занять вполне законное место и в программе любой другой дисциплины, главным образом в качестве методологического дополнения.

8. На службе у всех

Актуальность семиотики не ограничивается узкой академической сферой. Благодаря непредвзятому взгляду и ретроспективному анализу семиотика может быть полезна любому человеку и гражданину: она способна привести нас к более беспристрастному восприятию себя и мира, избавляя нас хотя бы частично от постоянно навязываемых нам индивидуальных и коллективных форм идентичности. В частности, она способна обуздать силу наших привычек, пресечь наши психические и психологические автоматизмы и обусловленности, приостановить различные убеждения, вытекающие из нашего опыта и практики, подвергнуть сомнению догмы, предрассудки и всё то, что на первый взгляд кажется само собой разумеющимся. В этом смысле семиотика способна пролить свет на двусмысленности и тёмные пятна, противостоять межличностным и социально-политическим манипуляциям, с которыми нам приходится сталкиваться каждый день, развенчать ценности и символы, навязываемые обществом потребления, выявить парадоксы и противоречия, которые влияют на нас. А ещё лучше дать объяснение смысла этих парадоксов и противоречий, условий их возникновения, их «как» и «почему», что является единственным способом начать их разрешать, бороться с иллюзиями, ложью и ошибочными рассуждениями. Иными словами, семиотика способна снабдить нас средствами ис-

тинного вопрошания и критического мышления, что может стать одной из основных функций дисциплины. Такая семиотика будет заинтересованной и освобождающей, то есть той семиотикой, которую так долго ждали в обществе, в котором с учетом технологического прогресса и расширения цифровой вселенной, трансформации происходят всё быстрее, а риски и приманки становятся всё менее заметными.

Что может быть прекраснее ясно мыслящего и свободного человека? Что может быть интереснее дисциплины, способной дать нам больше ясности и свободы? Подобная семиотика полезна и даже необходима всем². Цена, которую необходимо заплатить за то, чтобы она заняла свое место в обществе и СМИ, – дополнительное смягчение абстракций и терминологии – больше, чем необходимо для обмена с исследователями из других областей в университете, без искажения, но эта цена необходима, чтобы сделать семиотику доступной для неакадемической аудитории, позволяя этой части общества оценить силу и полезность такой деятельности.

9. Содержание и состав проекта

Как уже говорилось, открытость жизненно важна для будущего семиотики как в эпистемологическом и концептуальном, так и в институциональном и социологическом планах. Проект «Открытая семиотика» призван открыть эту дисциплину одновременно изнутри и снаружи: чем больше человек углубляется вовнутрь, тем больше расширяются его возможности по разработке эффективных инструментов для их устремления во внешний мир; чем больше исследуется внешний мир, тем больше возможностей для углубления внутрь.

В принципе, данный проект призван дать ответы на следующие вопросы. Какие взаимодействия возможны между семиотикой и другими областями? При каких условиях может происходить этот диалог? Чем семиотика может быть полезна для других дисциплин? Каковы неизведанные возможности семиотики? В каких еще областях она может продемонстрировать свою эффективность? Как другие дисциплины могут способствовать обогащению и развитию семиотики? Каким образом семиотика может способствовать междисциплинарным и трансдисциплинарным исследованиям, и как такие исследования могут способствовать развитию семиотики? В целом, как и с помощью каких средств

² То, что здесь утверждается, относится, конечно, к людям добросовестным! К сожалению, семиотика может служить и недобросовестным людям, но совсем в другом направлении: создавать нездоровые и извращённые манипулятивные стратегии, придумывать самозванства и мистификации, тривиализировать восприятие катастроф и бедствий, омертвлять пробудившуюся совесть и критическое мышление. Этот прискорбный дрейф ещё раз подчеркивает важность того, что добросовестным людям необходимы знания семиотики: они могли бы эффективно помочь им выявить вредоносные процедуры и нейтрализовать их.

семиотика может стать более открытой для мира, тем самым обеспечив себе прочное и ценное место в академической среде?

Этот проект включает в себя оригинальные обобщения, опирающиеся на предыдущие исследования, а также на новые разработки и творческие подходы. Поскольку семиотическая практика, не говоря уже о семиотическом видении, не везде одинакова, мы не можем возлагать одинаковые надежды на различные вклады: помимо плюрализма подходов, в зависимости от географического региона, откуда родом автор, и в зависимости от основного дисциплинарного поля и/или привилегированного дисциплинарного пересечения, существует разнообразие записей, ориентаций и перспектив. В связи с этим задача состояла в том, чтобы по возможности найти баланс между, с одной стороны, излишне жёсткой теоретизацией и концептуализацией, противоречащей целям проекта, и, с другой стороны, таким отсутствием строгости, при котором любая псевдорerefлексия о знаках и значениях, пусть даже легкомысленная и приблизительная, подпадала бы под сферу семиотики!

«Открытая семиотика» состоит из четырёх томов. Первый том посвящён основам семиотики. Вначале рассматривается эпистемология этой дисциплины, в первую очередь – вопросы, связанные с её трансдисциплинарностью, а также её потенциал для развития междисциплинарности в целом. Следующие затем несколько углубленных исследований концепций знака и значения обогащают эти предварительные дискуссии. Ещё один аспект, рассматриваемый в томе, – взаимоотношения семиотики и философии – древней дисциплины, которая, как и семиотика, является трансдисциплинарной и, следовательно, может быть одним из главных собеседников семиотики в построении общей проблематики, а также её важным попутчиком. Не следует забывать и о том, что некоторые семиотические подходы зародились в философии и иногда рассматривались как часть этой дисциплины. Ещё одной родительской дисциплиной, чьи связи с семиотикой здесь рассматриваются, является математика, которая послужила образцом для некоторых семиотических подходов, прежде всего благодаря своему стремлению к формализации и импульсу развития, который она придает многим дисциплинам. В конце тома рассматриваются связи между семиотикой и информатикой – одной из областей применения математики, которая наиболее явно повлияла на образ жизни человека и которая таким образом вновь обращается ко вселенной знаков и значений.

Кроме того, в данном томе исследуется сквозной вопрос, получивший продолжение во всех других томах, а именно: особенности естественных языков человека во всех их аспектах, в частности, в отношении языковой способности. Как хорошо известно, естественные языки относятся к числу наи-

более развитых семиотических систем, присущих человеческому мышлению, играющих особую роль в ментальных операциях и, кроме того, наделённых несомненной прагматической силой. Не случайно на базе лингвистики возник ряд семиотических подходов как инициатив по расширению её границ за пределы собственно языка.

Во втором томе рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные с культурой и обществом. Здесь задействовано несколько областей и дисциплин: от культурологии и культурной географии до социологии и этнологии, от истории и историографии до религии и теологии, от политики и политологии до юриспруденции и права, от этики и морали до города и урбанизма, от спорта и игр до коммуникации и СМИ, от обучения и образования до экономики и бизнеса. Обращаясь ко множеству примеров из разных культур и разных социальных реалий, этот том раскрывает культурный потенциал и социальные функции семиотики, а также объясняет, как эта дисциплина позволяет каждому исследовать время, в котором он живёт, и осмысливать свою эпоху. Также становится ясно, что спектр и разнообразие социокультурных практик представляют собой реальные вызовы для семиотики: они являются увлекательной питательной средой для оценки актуальности её теорий.

Более того, в этом томе подчеркивается знаменитое пересечение универсального и культурного. Действительно, несмотря на универсальность семиотических теорий, знаки и значения, от их порождения до восприятия, в значительной степени формируются и ориентируются социокультурными вариациями, в частности, соответствующими привычками и формами жизни. Поэтому для сохранения своей жизнеспособности и эффективности семиотика должна учитывать эти вариации и интегрировать их в свои концептуализации и теоретизирования.

Третий том посвящен текстам, изображениям и художественным сферам: от литературы и стилистики до перевода и риторики, от отношений между текстами и изображениями до интерсемиотики искусств (особенно когда речь идёт о различных каналах восприятия), от истории искусства и антропологии искусства до эстетического опыта и эстетической практики, от визуальных искусств (архитектура, проектирование, скульптура...) до исполнительских искусств (театр, опера, танец...), от аудиовизуальных и киноведческих исследований до музыки и музыковедения. Одной из особенностей этого тома, как и предыдущего, является разнообразие и богатство типов дискурсов, практик и материалов, а также разнообразие теоретических подходов (включая реже встречающиеся подходы к этим типам объектов, такие как биосемиотика, нейросемиотика, зоосемиотика). Если во втором томе подчеркивается дихотомия универ-

сальное/культурное, то в этом – дихотомия универсальное/уникальное. Литература и искусство, изначально определяемые своей неповторимостью, возникающей в результате актуализации ранее не исследованного потенциала семиотической системы, представляют собой идеальные домены для проверки состоятельности и интереса семиотических теорий: оказывая сопротивление этим теориям, они способствуют их развитию и обновлению. Поиск подхода к трихотомии универсальное/культурное/уникальное несомненно является одним из наиболее существенных вопросов семиотики.

В четвертом, последнем томе рассматривается жизнь в многочисленных и разнообразных смыслах, охватывающих человека, животных, природу, окружающую среду, объекты, обладающие некоторыми качествами живых существ. В нём также рассматриваются взаимоотношения и взаимодействия между этими различными формами жизни. Основными областями, в которых рассматриваются эти вопросы, являются биология, медицина, психология, этология, экология, когнитивные науки и искусственный интеллект. Главы, сгруппированные здесь, расширяют первые три тома на концептуальном, методологическом и эпистемологическом уровнях. Во-первых, они раскрывают взаимосвязь и взаимовлияние семиотики и вышеупомянутых дисциплин. Во-вторых, благодаря неожиданным комбинациям они создают инновационные подходы, которые могут быть использованы в различных областях знания, а также оригинальные междисциплинарные и трансдисциплинарные направления. Таким образом, данный том подчёркивает преемственность и взаимозависимость наук и показывает, насколько учёт этой преемственности выгоден и даже необходим для разрешения сложности явлений мира. Наконец, в нём показано, как знаки и значения возникают, организуются, постигаются, интерпретируются и переживаются на элементарных биологических, неврологических и психологических уровнях, и как условия их проявления и использования определяются когнитивными механизмами, характерными для живых организмов.

Таким образом, этот проект, призванный принести пользу всему научному сообществу, указывает на перспективные направления сотрудничества, позволяя представить себе набросок перераспределения ролей между научными дисциплинами. Более того, он ставит новые проблемы и вопросы, что соответствует принципу функционирования семиотики, поскольку эта дисциплина, собственно, и позволяет ставить новые задачи и вопросы, а иногда и предлагать на них ответы. За каждой проблемой и каждым вопросом стоят другие, требующие раскрытия и тщательного изучения. Этот процесс будет продолжаться до бесконечности: пока существует человек, горизонты знаков и значений будут оставаться открытыми.

10. Открываем вместе

Любая попытка создания более открытой семиотики без расширения рамок во всех направлениях была бы заранее обречена на неудачу. С самого начала работы над проектом в его основе лежал ключевой принцип: мы должны открывать семиотику вместе! Поэтому были предприняты все возможные усилия для того, чтобы (1) были представлены все существующие семиотические подходы; (2) кроме семиотиков, в работе принимали участие учёные из других областей, знакомые с семиотикой; (3) был представлен максимально широкий спектр стран. При этом не ставилась цель отдать предпочтение какому-либо одному семиотическому подходу, пересечению дисциплин или географическому региону; если какой-либо из них представлен большим или меньшим числом участников, это в значительной степени отражает особенности современного положения семиотики в мире, по крайней мере, в англоязычных средах или в практике ученых, знакомых с английским.³

Следует также отметить, что редактирование томов было в равной степени коллективным делом: для обеспечения объективности и достижения оптимального результата все тексты прошли анонимное рецензирование и при необходимости были доработаны. Вклад консультативного совета, чьи имена указаны в начале томов, был поистине решающим и ценным. Выражаем теплые и сердечные слова благодарности всем авторам, а также всем членам консультативного совета!

Наконец, выразим надежду, что этот международный и полифоничный труд можно рассматривать как приглашение к солидарности и миру между людьми, в чем современный мир нуждается больше, чем когда-либо, помимо всех других систем знаков и сетей значений.

References

Biglari, A. (2023), General introduction, A. Biglari (ed.), *Open Semiotics: Epistemological and Conceptual Foundations*, vol. 1, pp. 33–43.

Submitted: 01.09.2023

Revised: 02.11.2023

Accepted: 12.12.2023

³ Исходя из этого же принципа, в данном введении не упоминаются никакие имена. Выбор стоял между тем, чтобы ссылаться на всех в абсолютно эгалитарной форме, и тем, чтобы не ссылаться ни на кого. Первый вариант в данном контексте по понятным причинам невозможен, поэтому был принят второй. Само собой разумеется, что данное введение в значительной степени опирается на труды всего научного сообщества – от работ первопроходцев до самых новейших достижений. Более того, что касается языка текстов, то авторам была предоставлена свобода выбора между двумя наиболее распространёнными на сегодняшний день разновидностями академического английского языка – британским и американским.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 111+165

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-15-29

Дата поступления: 25.08.2023
рецензирования: 08.10.2023
принятия: 10.12.2023

Д.И. Дубровский
Российская академия наук,
Институт философии,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ddi29@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4392-2526>

К 50-летию дискуссии с Э.В. Ильенковым по проблеме идеального

Аннотация: в статье рассматривается ряд сохранивших актуальность вопросов этой давней дискуссии. Среди них значительное место занимала проблема слепоглухоты и истолкование результатов знаменитого «Загорского эксперимента». В конце 70-х гг. прошлого века Э.В. Ильенков, его сторонники, а также массовая пресса и официальные органы называли его «выдающимся достижением советской науки мирового уровня»: четверо слепоглухих от рождения, лишённые психики и сознания, благодаря марксистским методам воспитания смогли окончить психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. На этом основывалась концепция Э.В. Ильенкова о формировании личности с «психического нуля», как сугубо социального образования, исключая роль генетических факторов, что использовалось для широких философских выводов о природе сознания и познания. Однако вскоре выяснилось, что все четверо утратили зрение и слух в довольно позднем возрасте, имея уже развитое сознание и сформированную речь. Эти решающие факты опровергали концепцию Э.В. Ильенкова, однако скрывались им и его сторонниками, что находило поддержку со стороны официальных органов. Во времена перестройки эта фальсификация была публично разоблачена. Тем не менее до сих пор во многих философских публикациях сторонников Э.В. Ильенкова эта фальсификация замалчивается и «Загорский эксперимент» превозносится как выдающееся достижение науки. В статье критически рассматриваются эти публикации под углом анализа биосоциальной проблемы, ставшей особенно острой в условиях глобального экологического кризиса. Подчеркивается, что в условиях роста технологических возможностей протезирования зрения и слуха необходима разработка новых методологических, педагогических и психологических подходов к решению проблем слепоглухоты.

Ключевые слова: идеальное; психическое; субъективная реальность; слепоглухота; психофизиологическая проблема; личность; биологическое и социальное; «Загорский эксперимент» и факты его фальсификации.

Цитирование: Дубровский Д.И. К 50-летию дискуссии с Э.В. Ильенковым по проблеме идеального // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 15–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-15-29>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубровский Д.И., 2023 – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.I. Dubrovsky
RAS Institute of Philosophy,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ddi29@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4392-2526>

To the 50th anniversary of debates with E.V. Ilyenkov on the problem of the ideal

Abstract: the article examines a number of issues that remain relevant in this long-standing debate. Among them, a significant place has been occupied by the deaf-blindness problem and the interpretation of the results of the famous “Zagorsky experiment”. In the late 1970s, E.V. Ilyenkov, his followers, as well as the mass press and official bodies called it “an outstanding achievement of the world-class Soviet science”: four congenitally

deaf-blind people, bereft of psyche and consciousness were able to graduate from the Lomonosov Moscow State University faculty of psychology, thanks to Marxist methods of education. This was the basis for E.V. Ilyenkov's concept of the personality formation from "the mental scratch", as a purely social formation, excluding the role of genetic factors, which was used for broad philosophical conclusions about the nature of consciousness and cognition. However, soon all the four were found out to have lost their sight and hearing at a fairly late age, having already developed consciousness and formed speech. These decisive facts refuted the concept of E.V. Ilyenkov, but were hidden by him and his followers that was supported by the official bodies. During perestroika, this falsification was publicly exposed. However, this falsification is still suppressed in many philosophical publications by E.V. Ilyenkov's followers, and the Zagorsk experiment is extolled as an outstanding scientific achievement. The article critically examines these publications in terms of the biosocial problem analysis, which has become especially acute in the context of the global environmental crisis. It is emphasized that in the context of developing technological capabilities for vision and hearing prosthetics, it is necessary to develop new methodological, pedagogical and psychological approaches to solving the problems of deafblindness.

Key words: ideal; mental; subjective reality; deaf-blindness; psychophysiological problem; personality; biological and social; "Zagorsky experiment" and facts of its falsification.

Citation: Dubrovsky, D.I. (2023), To the 50th anniversary of debates with E.V. Ilyenkov on the problem of the ideal, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 15–29, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-15-29>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Dubrovsky D.I., 2023** – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, building 1, 12, st. Goncharnaya, Moscow, 109240, Russian Federation.

Некоторые общие замечания о начале дискуссии, о моих оппонентах и фальсификациях, связанных с «Загорским экспериментом»

Дискуссия по проблеме идеального была начата моей статьей в журнале «**Вопросы философии**» (1968. № 8) и касалась на первом этапе только двух вопросов: критики 1) категорического отрицания Ф.Т. Михайловым и Э.В. Ильенковым психофизиологической проблемы как якобы сугубо «позитивистской псевдопроблемы» и 2) столь же категорического отрицания ими роли генетических факторов в формировании личности. В дальнейшем основным вопросом дискуссии стала собственно проблема идеального.

Я уже не раз отмечал, что в ходе дискуссии Э.В. Ильенков и особенно его сторонники всячески исказили мою позицию. Чтобы показать это и представить ее действительные положения, я привожу ссылки на две мои статьи, опубликованные тогда в журнале «Вопросы философии». Первая из них положила начало дискуссии (Дубровский 1968). Вторая представляла собой ответ Э.В. Ильенкову на его критику указанной статьи (Дубровский 1969). Эти статьи доступны на моем сайте <http://dubrovsky.info/>. Что касается указанной ответной статьи Э.В. Ильенкова, то она тоже доступна в сборниках его сочинений.

Несмотря на то, что со времени дискуссии прошло столько лет, вопросы, обсуждавшиеся в ней, во многом сохраняют свою актуальность. Об этом свидетельствуют более двух десятков статей, опубликованных в самые последние годы, в том числе в журналах «Вопросы философии», «Логос» и др. В них сторонники Э.В. Ильенкова по-прежнему

защищают ультрасоциологизаторскую концепцию развития общества, начисто отрицают роль генетических факторов в формировании личности, игнорируют значение биосоциальной проблемы, которая приобрела сейчас для земной цивилизации судьбоносное значение. Они обвиняют меня, как и полвека тому назад, в «биологизаторстве», «позитивизме», «вульгарном материализме», «субъективизме», «софистике» и прочих смертных грехах.

При этом они произвольно излагают мои взгляды, не утруждают себя приведением цитат из моих работ и ссылок на них, а просто приписывают мне заведомо несостоятельные положения и затем гордо, одним махом их ниспровергают. Обычно они даже не упоминают мою книгу «Проблема идеального» (Дубровский 1983), кстати, первую в нашей философской литературе монографию по этой проблеме, и ее второе дополненное издание (Дубровский 2002), не говоря уже о большом числе статей, опубликованных за прошедшие годы в «Вопросах философии», «Вестнике Российской академии наук» и в других ведущих журналах.

Но, пожалуй, самое интересное состоит в том, что сторонники Э.В. Ильенкова в качестве чуть ли не самого главного аргумента в пользу его концепции воспроизводят, как ни в чем не бывало, давно разоблаченные его фальсификации, касающиеся знаменитого «Загорского эксперимента». Эти разоблачения были сделаны и жестко осуждены еще в 1989 году в книге материалов конференции, специально посвященной проблемам слепоглухоты, на которой наряду с философами и психологами выступали ведущие специалисты в области дефектологии и тифлосурдопедагогики во главе с дирек-

тором Института дефектологии академиком АПН В.И. Лубовским (Слепоглухонемота 1989). Книга вышла небольшим тиражом тридцать лет тому назад. Ее легко было игнорировать. Но опубликованные в ней материалы представляют и сегодня значительный интерес. Я уверен, что, ознакомившись с ними, в этом убедится каждый непредвзятый читатель. Поэтому возникла необходимость переиздания указанной книги. Ее второе издание вышло в 2018 году с некоторыми дополнениями и приложениями (Слепоглухонемота 2018).

Несмотря на фальсификации Э.В. Ильенкова, разоблаченные еще в 1989 году, они весьма активно поддерживаются до сих пор его сторонниками. Приведу один выразительный пример. Перед нами доктор философских наук, профессор Белгородского университета А.Д. Майданский, пожалуй, самый ярый защитник фальсификаций «Загорского эксперимента». Будучи давним и страстным апологетом концепции Ильенкова, он ярко демонстрирует ментальный уровень, характерный для многих нынешних активных сторонников Ильенкова, те их способы и средства, которые они используют в дискуссии.

Все это четко выражено в его статье и не может быть оставлено без внимания (Майданский 2019). И дело не в том, что он не без оснований называет меня «главным критиком» концепции Ильенкова и обрушивает на меня град эмоционально накаленных инвектив. Подобные обвинения, часто оскорбительного характера, он возводит на многих наших видных ученых и философов, выступавших против Ильенкова.

Вначале Майданский обвиняет в указанной статье крупного представителя генетики А.А. Малиновского в том, что он в корне неправильно понимает «сущность человека», к которой «генетика не имеет никакого отношения», ссылаясь на позицию Ильенкова и «Загорский эксперимент». При этом Майданский (обратите внимание!) использует только одну его статью, опубликованную еще в 1970 году в популярном журнале. И далее автор заявляет, что после этой статьи Малиновского «научный уровень полемики устремился к нулю», а «Дубровский со-товарищи сместили дискуссию в этическую плоскость» (Майданский 2019, с. 84). Всем им – продолжает он – «и в голову не пришло поразмыслить над тем, что такое психика вообще» (Майданский 2019, с. 91), так как они не понимают «теоретического уровня науки», не понимают «сущности теоретического мышления», «силы абстракции» (Майданский 2019, с. 94). «Только не у всякого эта сила абстракции между ушами имеется в нужном количестве» (Майданский 2019, с. 94). А тем, кто говорит о сокрытии Ильенковым противоречащих его концепции фактов, тем – «от науки как до Луны» (Майданский 2019, с. 94). У Майданского же «между ушами» все «в нужном количестве».

Перечень таких разнуданных, высокомерных, примитивных, часто оскорбительных восклицаний можно продолжить. Как будто после 1970 года не было десятков публикаций, посвященных критическому разбору концепции Ильенкова и его трактовки «Загорского эксперимента». Неоднократно называя меня в качестве главного критика, он одним махом ниспровергает мои оценки и выводы, *но нигде, ни разу не приводит ссылок на мои работы*, даже не упоминает о них (а по этой тематике мною написано 7 книг и несколько десятков статей, – как раз в связи с размышлениями «над тем, что такое психика вообще»).

Однако Майданский, судя по всему, все-таки прочел указанный выше сборник докладов конференции, посвященный столь подробно критическому рассмотрению фальсификаций Ильенковым «Загорского эксперимента». И что же? Наш «высоко нравственный» борец за правду начисто игнорирует все факты и многочисленные критические аргументы видных философов, психологов и, главное, специалистов-дефектологов. Он не оставляет камня на камне от основного доклада Сироткина и Шакиной, не обращая внимания на слова директора Института дефектологии В.И. Лубовского: «Институт дефектологии поддерживает позицию по проблемам слепоглухоты и педагогической практики Загорского детского дома, изложенную в докладе С.А. Сироткина и Э.К. Шакиной... Это нашло отражение в публикации их статьи в журнале «Дефектология», 1988, № 1), основные положения которой разделяет не только редколлегия журнала, но и коллектив ученых нашего института» (Слепоглухонемота 2018, с. 117).

До этого Майданскому нет дела. Он оценивает все оптом, в таких выражениях: «Сборник докладов буквально сочился ядом и научной безграмотностью» (Слепоглухонемота 2018, с. 91). «Яд» и «безграмотность», конечно, относятся к докладам и выступлениям всех главных критиков Ильенкова. А ими были не только такие авторитетные философы, как Батищев, Нарский, но и ведущие психологи Ярошевский, Брушлинский, директор Института психологии АПН Матюшкин, а самое важное – директор Института дефектологии Лубовский и ряд сотрудников его института, т. е. те, кто своим неустанным трудом обеспечивал успешную учебу в МГУ знаменитой четверки. Это они, оказывается, «сочились ядом и научной безграмотностью». Такое злобное оскорбление большой группы специалистов возмутительно. Понятно, что это способ компенсации Майданским своих комплексов, неутоленных амбиций и собственной интеллектуальной ограниченности. Вот вам особенно яркое олицетворение многих нынешних горячих сторонников Ильенкова!

Как тут не «сместить дискуссию в этическую плоскость»? В научном плане с Майданским не о

чем дискутировать. Как можно вести обсуждения с человеком столь недобросовестным, злобным, грубо попирающим элементарные нормы нравственности и научной этики!

О проблеме слепоглухоты и подробнее о «Загорском эксперименте»

Разработка проблем слепоглухонемоты проводилась у нас начиная с 20-х годов прошлого века и связана с успехами исследований профессора А.И. Соколянского, его учеников и специалистов по тифлосурдопедагогике из Института дефектологии РАО. В обсуждении этой проблематики активное участие принимали советские философы. Между ними шли острые дискуссии, которые в том или ином виде воспроизводятся и в наши дни.

Действительно, проблема слепоглухоты содержит важные социальные, философские и теоретико-методологические вопросы, которые приобретают большое значение в условиях конвергентного развития информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий, когнитивных технологий. Это касается, прежде всего, решения междисциплинарных задач восстановления зрения и слуха, требующих объединения усилий нейронаучных исследований с психологическими и технологическими решениями, что предполагает специальную теоретико-методологическую работу, способную стимулировать прорывные подходы к протезированию органов чувств.

Мы вступили в принципиально новый этап, когда на первом плане оказываются не только истонные педагогические и социально-психологические проблемы слепоглухоты, но и технологические проблемы создания средств восстановления зрения и слуха.

Это открывает новый уровень комплексного подхода к проблеме и организации помощи слепоглухим. В столь многоплановой деятельности есть место и для философов социального профиля, и для методологов – специалистов по теоретическим и практическим междисциплинарным проблемам современной науки. Обратимся вначале к вопросам участия философов в разработке проблемы слепоглухонемых и к тем давним событиям, отзвук которых дает о себе знать и сегодня.

Философы молодого поколения, во всяком случае, многие из них, уже, наверное, не знают, что в 70-х гг. прошлого века не только философская литература, но и массовая пресса трубила на всю страну о выдающемся достижении советской науки: благодаря ее марксистским методам четверо слепоглухих от рождения смогли успешно закончить психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. По этой тематике публиковались многочисленные научные статьи, защищались философские и психологические диссертации. Столь впечатляющее достижение получило

название «Загорский эксперимент» – по имени специального интерната в г. Загорске для слепоглухих детей. Главным идеологом, а во многом организатором и практическим руководителем «Загорского эксперимента» был известный философ Эвальд Васильевич Ильенков, который подвел его итоги в своей статье, опубликованной в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист» (Ильенков 1977).

Результаты «Загорского эксперимента» были подняты на высокий идеологический уровень, поскольку они, как писалось тогда повсюду, убедительно доказали истинность марксистской теории формирования личности: все определяется исключительно социальными факторами и средствами воспитания, решающей ролью воспитателя, вооруженного передовыми марксистскими методами формирования личности. Никакие генетические факторы, биологические особенности индивида не имеют здесь какого-либо значения. Ведь «Загорский эксперимент» ясно продемонстрировал социальную **рукотворность** самой психики, так как у четверых выпускников МГУ, достигших высокого уровня интеллектуального развития, **не было вначале не только сознания, но даже малейших проявлений человеческой психики.** Ключевым пунктом «Загорского эксперимента» служило именно то, что все четверо были слепыми и глухими от рождения, целиком изолированными от внешней социальной действительности: формирование личности началось «с нуля», с полного отсутствия психики.

Приведу в подтверждение цитаты из итоговой статьи Э.В. Ильенкова в журнале «Коммунист»: «Редко, но случается, что в руки воспитателя попадает существо, по всем биологическим показателям принадлежащее к виду «Homo Sapiens», но **не обнаруживающее признаков человеческой психики – ни сознания, ни даже примитивных проявлений целенаправленной деятельности.** Такое существо растет – увеличивается в размерах, однако **психическое развитие так и не начинается.** Непосредственная причина этого явления – слепоглухота» (Ильенков 1977, с. 68–69. Курсив мой. – Д.Д.). «Советская наука показала и доказала в данном случае, что научно организованный процесс воспитания даже при таком, казалось бы, непреодолимом препятствии, как **полное отсутствие сразу слуха и зрения,** может вывести ребенка на путь полноценного человеческого развития и сформировать в нем не только психику вообще, но и психику самого высокого порядка... В этом сразу же убеждается каждый, кому удалось познакомиться с четырьмя удивительными людьми – Сергеем Сироткиным, Натальей Корнеевой, Александром Суворовым и Юрием Лернером» (Ильенков 1977, с. 69). «А ведь они как были, так и остались физически слепоглухими и, если бы не специально разработанная наукой система воспитания, были

бы обречены на бессознательное существование в мире мрака и безмолвия, и физического и духовного, и в прямом, и в переносном смысле сих страшных слов. В мире, где есть лишь материя, но нет духа, нет психики, нет сознания и воли, мышления и речи, где есть лишь примитивные органические ощущения собственного тела, его физических состояний, но нет никакого образа внешнего мира. Даже самого смутного» (Ильенков 1977, с. 70. Курсив мой. – Д.Д.). «Исходное условие жесткое: психики нет вообще, и „сама“ она не возникает. Ее надо сделать, сформировать, воспитать» (Ильенков 1977, с. 71. Курсив мой. – Д.Д.). «Исходное условие – то, что дано природой, биологией. Ничтожно мало – одни лишь простейшие органические нужды: в пище, воде да физических факторах известного диапазона. **Больше ничего**» (Ильенков 1977, с. 71).

И вот, благодаря специальным методам воспитания, основанным на марксистской теории личности, они обрели развитую психику, стали полноценными членами общества. Как можно было не восторгаться, не поддерживать всей душой это замечательное гуманистическое достижение!

Но вскоре стали выясняться противоречащие факты. Оказалось, что никто из них не был слепым и глухим от рождения. Они утратили зрение и слух в довольно позднем возрасте, когда у них уже накопился большой психический опыт восприятия мира и сформировалась развитая речь. Например, один из них – Юра Лернер – поступил в Загорский интернат в 17 лет, закончив в свое время третий класс нормальной школы. Более того, у двух из них сохранились остатки слуха, а у двух других – остатки зрения. Благодаря этому, например, Александр Суворов мог самостоятельно передвигаться по Москве, пользуясь общественным транспортом. С еще большим успехом это делал Юра Лернер, курсируя из Загорска в Москву и обратно, разъезжая сам на общественном транспорте по нужным адресам (см. его биографию, опубликованную в Википедии).

Все это круто меняло суть дела. Трудно было поверить, что здесь обычная фальсификация. Ведь «Загорский эксперимент» поддерживали и одобряли не только государственные и партийные органы, но и такие крупные научные авторитеты того времени, как А.Н. Леонтьев, В. В. Давыдов, Н.П. Дубинин, многие известные ученые, философы, общественные деятели. Я тоже верил в это «выдающееся достижение советской науки», хотя у меня и оставались вопросы.

Мои колебания между верой и сомнением неожиданно разрешились. Я познакомился с молодой женщиной – специалистом по тифлосурдопедагогике (сотрудницей московского Института дефектологии), которая являлась не кем иным, как преподавателем знаменитой четверки.

Вернее, не я с ней познакомился, а она со мной. Поводом для этого, как она сказала, послужило ее резкое несогласие с методами воспитания и идеологического руководства, которые авторитарно насаждались Э.В. Ильенковым; это касалось и сокрытия фактов действительной биографии его подопечных, особенно того, что никто из них не был слепоглухим от рождения. Она знала о моей дискуссии с Э.В. Ильенковым в журнале «Вопросы философии», разделяла мою позицию и поэтому обратилась ко мне за поддержкой (очень просила не называть ее фамилии, и я до сих пор выполняю эту просьбу). Она помогла мне познакомиться с подробными документальными данными Института дефектологии, касающимися обстоятельств и времени нарушений зрения и слуха у ее учеников, указала на неизвестные мне литературные источники, в которых подробно излагались их биографические данные, в том числе их искренние рассказы о себе, об остатках зрения и слуха, о своих способностях общения между собой и с друзьями.

Стало ясно, что перед нами идеологически санкционированная фальсификация. Вооружившись фактами, я стал ее разоблачать. Я был тогда профессором философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, читал лекции не только студентам, но также в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук и в других местах. Вопросы о слепоглухоноте и «выдающемся достижении советской науки» были тогда чрезвычайно актуальны. Отвечая на них, я называл вещи своими именами, что производило довольно сильный эффект.

И вскоре последовало событие, которого надо было ожидать. Я о нем уже не раз писал. Но здесь, наверное, стоит повторить. Меня вызвали в партком МГУ. Партийный чиновник протянул мне лист с убористой машинописью и сказал, что я обязан ответить на это письмо. В нем сообщалось в партком, что Дубровский и его сторонники порочат выдающееся достижение отечественной науки, обливают грязью светлые имена Ильенкова и Леонтьева, «льют воду на мельницу буржуазной философии» и т.д. и т.п. Подписи нет. Я сказал, что на анонимку отвечать не буду. Возвращая чиновнику этот листок, я заметил, что под ним есть еще один. Развернул его и вижу бланк журнала «Коммунист» и такой текст: «Посылаем письмо по поводу профессора Дубровского. Оно дает повод для серьезных размышлений и выводов. Зав. отделом, доктор философских наук Г. Волков». Прочтя это, я сказал, что в таком случае готов дать ответ и написал, что советская наука не нуждается в приписках и фальсификациях и что я считаю своим долгом разоблачать эту фальсификацию везде, где буду иметь такую возможность. Погорячился, надо было спокойнее.

Прошло месяца два, и журнал «Коммунист» дал по мне залп из тяжелой артиллерии. Критика в мой адрес (как потом выяснилось) была составлена сотрудниками журнала «Коммунист» и смонтирована в статью академика Н.П. Дубинина, который не возражал, так как громил своих коллег-генетиков, особенно академика Б.Л. Астаурова и проф. В.П. Эфроимсона за «биологизацию» социальных явлений. Он цитировал указанную выше, опубликованную в «Коммунисте» статью Э.В. Ильенкова и ссылался в качестве аргумента на результаты воспитания детей «слепых и глухих от рождения» (Дубинин 1980, с. 64).

Что касается меня, то после цитат из моей книги (Дубровский 1971) и ряда других публикаций в статье говорилось: Дубровский «в своих софистических рассуждениях, отгалкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественнонаучный, но общественно-политический аспект» (Дубинин 1980, с. 72). Провозглашая возможность расшифровки мозговых кодов психических явлений, он заявляет «претензию на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций» (Дубинин 1980, с. 73), игнорирует «азбучные истины исторического материализма» (Дубинин 1980, с. 73). И завершающий аккорд: «Тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания сознания» (Дубинин 1980, с. 73).

Философы старшего поколения хорошо знают, что означали тогда такие аттестации в печатном органе ЦК КПСС. А ведь я тогда был не только профессором философского факультета, но также членом редколлегии и заведующим отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания журнала «Философские науки». Я собрался уже искать работу на заводе по старой своей пролетарской специальности токаря. Меня не выгнали из МГУ и из журнала только благодаря энергичному заступничеству главного редактора журнала «Философские науки» Владимира Спиридоновича Готта, у которого, как у бывшего крупного партийного работника, сохранились связи в высших сферах ЦК КПСС. И дело, к моему удивлению и к еще большему удивлению моих коллег по МГУ, спустило на тормозах. Однако поставленное на мне «Коммунистом» клеймо «ревизионизма» и, значит, «неблагонадежности» еще долго давало знать о себе в моих социальных и философских коммуникациях, особенно когда дело касалось моей концепции о расшифровке мозговых кодов психических явлений и тем более обсуждения взглядов Э.В. Ильенкова.

Концепция Э.В. Ильенкова и биосоциальная проблема

Нетрудно увидеть, что полемика со сторонниками Э.В. Ильенкова по вопросам «выдающе-

гося достижения советской науки» явилась, по существу, продолжением дискуссии, начавшейся с Э.В. Ильенковым, как уже говорилось, по двум вопросам. Я резко критиковал Ф.Т. Михайлова и Э.В. Ильенкова за отрицание ими значения психофизиологической проблемы (которую они считали пережитком позитивизма, а меня, соответственно, «позитивистом»). Но более важным был второй вопрос. Э.В. Ильенков категорически утверждал, что формирование личности зависит исключительно, как он говорил, «на все 100 %» от социальных условий и средств. Я же настаивал на том, что в этом процессе существенную роль играют также и генетические факторы, которые необходимо учитывать в решении проблем воспитания и образования. При этом, ни в коей мере не умаляя роли социальных факторов, я подчеркивал необходимость глубокого анализа биосоциальных взаимозависимостей в развитии социума и личности. Мои же оппоненты изображали дело так, будто я пытаюсь подменить социальное качество биологическим, и называли меня «биологизатором позитивистского толка». Ко времени дискуссии было накоплено огромное число научно обоснованных данных о существенной роли генетических факторов в формировании характера, темперамента, способностей и других свойств личности. Еще за несколько лет до дискуссии была присуждена Нобелевская премия за открытие генетического кода, опубликованы многочисленные работы о поразительных сходствах психики у однояйцевых близнецов, разлученных сразу после рождения и воспитывавшихся в совершенно разных социальных условиях; было известно множество других убедительных свидетельств такого рода. Но мои оппоненты высокомерно игнорировали эти несомненные факты, предпочитая оставаться на «высоте» положений исторического материализма. Они занимали крайнюю социологизаторскую позицию в истолковании биосоциальной проблематики, ставшей уже в то время высоко актуальной, жизненно важной для понимания развития нашей цивилизации. Уже тогда ясно обозначились некоторые существенные черты глобального экологического кризиса, который в последующие годы продолжал неуклонно углубляться и поставил под угрозу само существование социума. На этом фоне очевидна несостоятельность, более того – опасность радикальных социологизаторских установок, столь характерных для Э.В. Ильенкова и его сторонников.

Большинство участников дискуссии, опубликовавших статьи в журнале «Вопросы философии» в 1969 г., однозначно поддержали мою позицию. В течение последующих десятилетий эту дискуссию довольно часто вспоминали, более того, публиковались специально посвященные ей статьи. Их авторами были, как правило, сторонники Э.В. Ильенкова, которые продолжали критиковать

меня в том же духе. Я не отвечал на эту критику, так как считал, что уже ответил на нее в статье, написанной по итогам дискуссии (Дубровский 1969). Как правило, я не читал эти публикации, примерно знал, что там будет написано. Но иногда кое-что просматривал и убеждался, что мои оппоненты ничего нового не сообщают. Все те же абстрактные клише, оторванные от новых реалий социальной жизни и достижений науки, те же превознесения «Загорского эксперимента» и восклицания о несостоятельности моей концепции субъективной реальности, безусловной правоте Э.В. Ильенкова. Уже в новом веке вышло несколько десятков публикаций на эту тему.

Остановлюсь лишь на одной из них (Плеханов 2007), поскольку ее автор, несмотря на предубежденность в безусловной истинности ильенковской позиции, тем не менее довольно подробно и во многом адекватно излагает материалы дискуссии, подчеркивая ее большое значение для развития отечественной философской мысли. В ней отмечаются даже некоторые положительные моменты моей концепции, но критика ведется по тем же пунктам: отрицается роль генетических факторов в формировании личности и общественной жизни, моя концепция субъективной реальности изображается таким образом, что она якобы способствует оправданию субъективизма и индивидуализма. Автор пишет, что она стала особенно востребованной с началом перестройки, «на волне расправы с социализмом» и утверждения «технократической идеологии», «пресловутого представления, что человек – это кибернетическое существо» и т. п. Более того, она якобы способствовала разгулу иррационализма, появлению во времена перестройки множества экстрасенсов, колдунов, ясновидцев, лжецелителей, астрологов, продолжающих размножаться по сей день: «Именно они, в полном соответствии с программой Дубровского, успешно обнаруживали „инварианты субъективных реальностей“: в роскошах, психотипах, архетипах, темпераментах и т.д. и т.п.» (Плеханов 2007, с. 153–162).

Тут у Плеханова явно разыграли эмоции, и он, как и многие сторонники Ильенкова, не удержался от того, чтобы приписать оппоненту нечто явно «зловредное» и тем самым сразу «уничтожить» его. В таком случае я бы мог с еще большим основанием утверждать, что концепция Э.В. Ильенкова способствовала упрочению марксистских идеологических догм, особенно в области «коммунистического воспитания», созидания «нового человека», беспрекословно послушного «Педагогу», воле партии и начальства.

Мои оппоненты, а часто и сторонники, «не замечали» того главного обстоятельства, что развивавшаяся мной концепция идеального как субъективной реальности, изложенная в книге «Проблема идеального» (Дубровский 1983), **имела задачей**

реабилитацию проблемы индивидуального сознания в качестве философской проблемы. Ведь Э.В. Ильенков и его сторонники считали проблему индивидуального сознания психологической, а не философской, и вместе с этим исключали из философии многие важнейшие проблемы, в том числе столь актуальную для человека и общества экзистенциальную проблематику. С их позиции, все определялось общественным сознанием в его марксистском истолковании, и к этому сводилась философская проблема сознания. Мои оппоненты, наверное, уже забыли, что в советские времена индивидуальное сознание жестко контролировалось и ограничивалось рамками официальной идеологии – основой советского общественного сознания. Попробовали бы вы публично говорить тогда что-то такое, что хотя бы в чем-то расходилось с марксистской идеологией или даже с какими-то положениями, которые санкционированы партийными органами. Это можно было позволять себе только в разговорах на кухне. Времена дискуссии с Э.В. Ильенковым были уже сравнительно «мягкими»: могли уволить с работы, а особенно стропами устроить в психиатрическую лечебницу. Тем не менее, разоблачение фальсификаций, связанных с «Загорским экспериментом», оставалось под запретом.

Через 10 лет разоблачение, наконец, состоялось?

Но не будем спешить...

В период перестройки все идеологические запреты были сняты, и можно было, наконец, говорить правду. В начале 1987 г. я создал при Философском обществе СССР секцию «Проблемы психорегуляции и резервных возможностей человека», в состав которой вошли ведущие философы, психологи, нейрофизиологи, психиатры и даже физики; главная задача секции состояла в борьбе против лженаучных поветрий, охвативших тогда страну. Секция провела в Институте философии представительную конференцию (присутствовало более 300 человек), предметом которой было обсуждение телевизионной деятельности Кашпиrowsкого, «лечившего» тогда с экрана всю страну. Именно она сыграла решающую роль в запрете этой противоправной, опасной деятельности, имевшей для доверчивых людей немало тяжелых последствий. Вскоре наша секция организовала и провела вторую научную конференцию, специально посвященную проблеме слепоглухонемоты. В ней приняли участие и выступали директор Института психологии А.М. Матюшкин, директор Института дефектологии В.И. Лубовский, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский, крупные специалисты по тифлосурдопедагогике, ряд ведущих психологов и философов. Были приглашены и приняли участие в обсуждении также

сторонники Э.В. Ильенкова (проф. С.Н. Мареев и др.). С основным докладом на конференции выступили С.А. Сироткин (один из знаменитой четверки слепоглухих, ставший к тому времени заведующим сектором социальной реабилитации слепоглухих Всесоюзного общества слепых) и кандидат философских наук Э.К. Шакинова (известный специалист в области изучения слепоглухоты).

В докладе подробно рассматривались философские методологические вопросы тифлосурдологии, отмечались недостатки концепции Соколянского-Мещерякова и, что особенно важно, резкой критике подвергались установки Ильенкова, отрицавшие роль генетических факторов в формировании личности. Вместе с этим как в самом докладе, так и в большинстве выступлений на обширном документальном материале были решительно раскрыты все подробности фальсификаций и махинаций, связанных с историей и методами воспитания слепоглухих, показана и неприглядная роль в этом Э.В. Ильенкова. Материалы конференции были опубликованы в виде книги (Слепоглухонемота 1989).

Казалось бы, правда, наконец, восторжествовала. Надо пересмотреть сложившиеся в прошлые годы философские истолкования и оценки «Загорского эксперимента», отбросить идеологические наслоения и продолжить научную разработку этой сложной проблемы. Однако для сторонников Э.В. Ильенкова этой книги, в которой столь подробно и доказательно изложено реальное положение дел, как бы не существует. Они по-прежнему продолжают воспроизводить фальсифицированную версию о «выдающемся достижении советской науки», которое якобы доказало несостоятельность «биологизаторских» подходов к формированию личности и, конечно же, концепции субъективной реальности Дубровского. Со времени выхода этой книги прошло 30 лет, и можно было бы не возвращаться к старому. Но ведь проблема слепоглухоты продолжает оставаться предметом обсуждения, к ней то и дело возвращается широкая пресса. Сейчас к этой проблеме привлечено общественное внимание плодотворной деятельностью Фонда поддержки слепоглухих «Соединение». К этой теме постоянно возвращаются сторонники Э.В. Ильенкова. Они весьма активны, энергичны, преподают философию во многих высших учебных заведениях, успешно формируют общественное мнение, особенно у студентов и молодых философов, далеких от событий философской жизни 70-х годов прошлого века.

В последние годы проблема слепоглухоты не раз обсуждалась в наших ведущих философских журналах. Сравнительно недавно в «Вопросах философии» можно было прочесть статью, в которой метод «совместно-разделенной предметной деятельности», используемый в Загорском экспе-

рименте, рассматривается как главное средство «воспитания души, сознания и личности»; и в этой связи автором превозносятся «А.И. Мещеряков и Э.В. Ильенков, сотворившие развитую форму личностного бытия у детей, лишенных слуха и зрения» (Лобастов 2015, с. 90).

В том же журнале опубликованы две статьи Д. Бэкхерста, давнего сторонника Э.В. Ильенкова, который проводит во многом надуманную альтернативу «церебрализма» и «персонализма» в изучении психической деятельности, стремясь показать правоту Ильенкова в давней дискуссии со мной по психофизиологической проблеме. «Церебрализм», по словам Бэкхерста, это концепция, согласно которой «психические характеристики можно на законном основании приписывать мозгу», что в корне неверно; они должны приписываться только личности, ибо «представляют собой аспекты ее способа взаимодействия с миром» (Бэкхерст 2013, с. 50). Такова суть концепции «персонализма», которая, как подчеркивает Бэкхерст, справедливо и дальновидно отстаивалась Ильенковым. Но ведь «церебраллисты» ни в коей мере не отрицают правомерности тезиса о личности как о субъекте психической деятельности. В чем же здесь альтернатива? Бэкхерст, видимо, просто не компетентен в вопросе о характере связи психических явлений с мозговыми процессами и не отдает себе отчета, что прежде чем рассуждать в наше время о «церебрализме» и «персонализме», нужно вначале четко осмыслить и определить эту связь. Скажем, Бэкхерст сейчас увидел лицо знакомой ему женщины. Этот переживаемый им психический образ (как свидетельствует нейронаука) необходимо воплощен в соответствующей нейродинамической системе его мозга и существует для Бэкхерста, пока функционирует данная нейродинамическая система. Почему же это психическое явление нельзя приписывать мозгу Бэкхерста в такой же мере, как и его личности? Вот интересный пример, на котором он поясняет, где именно находится мысль: «Местонахождения мыслей личности – не „в“ ее мозгу, но там, где эта личность находится (например, в библиотеке или в пабе)» (Бэкхерст 2010, с. 93). «Мышление, – продолжает он, – есть движение сквозь мир, навигация в реальности с учетом разумных соображений» (Бэкхерст 2010, с. 93). Пусть будет «навигация», но ведь она тоже есть деятельность мозга, и она продуктивно изучается нейронаукой, особенно таким ее направлением, которое называется «чтением мозга». Д. Бэкхерст целиком повторяет образ мысли «персоналиста» Э.В. Ильенкова, посвящает многие страницы статьи защите его позиции, подчеркивает его правоту в дискуссии со мной о психике и мозге. Понятно, почему он в свое время активно поддерживал официальную версию («каноническую» версию, как ее называют) «Загорского эксперимента». Основа-

тельная критика «персонализма» («ментализма»), включая тот смысл, который ему придавали Ильенков и Бэкхерст, содержится в книге (Губанов, Губанов 2016).

Журнал «Вопросы философии» также опубликовал две большие статьи Ю.В. Пущаева, специально посвященные «истории и теории Загорского эксперимента». Они заслуживают подробного рассмотрения, и я уделю этому внимание позже. А сейчас остановимся на, пожалуй, самом интересном.

«Ильенковские чтения»

Они систематически, много лет проводятся в виде конференций и содержат обширные материалы по обсуждаемой тематике. Честно говоря, я не следил за этими конференциями. Но вот последние, 18-е Ильенковские чтения, материалы которых были изданы в 2016 г., я прочел самым внимательным образом (Чтения 2016). На этих Чтениях были, конечно, все «свои». Никаких, даже малейших критических замечаний в адрес положений Э.В. Ильенкова не было и в помине. Только одобрительные, возвышенные оценки. Весь сборник материалов, объемом в 290 страниц, можно было бы озаглавить по названию статьи одного из авторов – И.Б. Хидиятова «Ильенков – камертон современности для философской мысли» (Чтения 2016, с. 216).

Большинство докладов выдержано в марксистском ключе, посвящено все той же проблеме идеального, вопросам диалектической логики, формирования личности, задачам образования и воспитания. И, конечно же, не забыта наша с Ильенковым дискуссия. Мне достается при этом по полной программе. По словам В.А. Рыбина, в дискуссии со мной «победа Ильенкова выглядела безусловной» (Чтения 2016, с. 100). И сейчас «Дубровский эксплицирует те установки биологического редукционизма, которых он придерживался и прежде и которые на тот момент, почти 50 лет назад, казалось, окончательно были опрокинуты Ильенковым в их споре о соотношении биологического и социального в человеке, особенно имея в виду результаты Загорского эксперимента» (Чтения 2016, с. 101). Обратите внимание, автор не знает или не хочет знать о фальсификации этих результатов, для него «Загорский эксперимент» остается главным аргументом против позиции Дубровского. Обыгрывая используемое мной понятие «антропотехнологической эволюции», Рыбин заявляет, что моя концепция «ведет к модели „покруче“ миров Хаксли, Оруэлла, Замятина» (Чтения 2016, с. 100). Большая часть критики в мой адрес относится к концепции идеального как субъективной реальности. Р.Р. Вахитов считает, что в моих взглядах выражается «вульгарный материализм» (Чтения 2016, с. 3) и что критика Э.В. Ильенковым моей концепции – «это критика новой исторической формы философской софистики» (Чтения 2016, с. 52). Именно

Э.В. Ильенков понял, что в ней заложена «тенденция к философскому релятивизму, скрытая в трактовке идеального по Дубровскому» (Чтения 2016, с. 52). Общая же оценка Вахитова такова: «Дубровский и его сторонники... создали некий абрис современной криптопозитивистской софистической гносеологии... в рамках которой все идеалы и ценности латентно сводились к текучим, мимолетным и субъективным психическим феноменам» (Чтения 2016, с. 53). При этом у моих критиков – только одни декларации, ни одного аргумента, ни одной сноски на определенные положения в моих работах. Как будто не было моей монографии «Проблема идеального» (Дубровский 1983). В ней подробно анализировались все ее основные аспекты, в том числе проблема индивидуального и общественного сознания, их соотношение, роль социокультурных структур и коммуникаций, соотношение понятий идеального и психического, идеального и деятельной активности, идеального и идеала и др. Не существовало для участников «Ильенковских чтений» и второго, дополненного издания этой книги (Дубровский 2002), а также доброго десятка моих статей в главных наших философских журналах по различным аспектам проблемы идеального. То же самое, что и с книгой о слепоглухоноте, разоблачающей фальсификации Э.В. Ильенкова. Этого не хотят видеть, и, значит, этого не существует. Хорошо известный феномен ментальной слепоты и глухоты для немалого числа философских дискуссий (можно считать его своеобразным аспектом проблемы слепоглухоноты).

Во всех материалах «Чтений», где речь идет о Загорском эксперименте, по-прежнему утверждается, что все четверо были тотальными слепоглухими от рождения. Вот, что пишет М.С. Готовкина: «Э.В. Ильенков называет поступающих в Загорский интернат слепоглухонемых детей „человекообразными растениями, лишенными психики“... так как слепоглухота начисто перерезает все обычные каналы общения мозга с миром человеческой культуры» (Чтения 2016, с. 135). И далее: «Э.В. Ильенковым было доказано на практике: дети, *страдающие слепоглухотой от рождения*, способны овладевать не только специфическими навыками человеческой деятельности, но и могут проявлять достаточно высокие умственные способности» (Чтения 2016, с. 136). М.В. Загоруйко подчеркивает, что Загорский эксперимент проводился со слепоглухими детьми, «*не имевшими практически никакого контакта с внешним миром*» (Чтения 2016, с. 139). «Удачное окончание эксперимента подтвердило практикой теорию о трудовом происхождении человека» (Чтения 2016, с. 139). Подобные суждения о Загорском эксперименте, на таком же «теоретическом» уровне, демонстрируют К.М. Лауфер (Чтения 2016, с. 96–99), А.Е. Мальчонок (Чтения 2016, с. 127–130) и др.

Что же получается? Одно из двух: либо здесь мы тоже имеем дело с прямой фальсификацией, либо перед нами проявления невежества, нарушение элементарных условий профессиональной деятельности. А ведь эти докладчики преподают философию в высших учебных заведениях, учат молодежь.

Учитывая все изложенные выше обстоятельства, особенно же факты «слепоглухоты» довольно большой группы философов к фактам фальсификаций в «Загорском эксперименте», я решил переиздать книгу 30-летней давности, которая сохранила свою актуальность для современного осмысления проблемы слепоглухоты, вопросов, касающихся формирования личности и ряда важных аспектов биосоциальной проблемы (Слепоглухонемота 2018).

«Загорский эксперимент» и принципы марксизма. О «рукотворстве» человеческой психики «с нуля», генетических факторах, «позитивизме» и «биологизме»

Обратимся теперь к названным выше статьям Ю.В. Пуцаева. В первой из них подробно излагается история изучения проблемы слепоглухоты, представленная в мировой литературе, и на этом фоне рассматривается история «Загорского эксперимента». В аннотации прямо говорится, что этот эксперимент «рядом философов и психологов трактовался как имеющий фундаментальное значение, поскольку он раскрывает, как они считали, тайну рождения человеческой личности» (Пуцаев 2013а, с. 132). По словам Ю.В. Пуцаева, четверо слепоглухонемых, тогда еще студентов МГУ, для Ф.Т. Михайлова, как он выразился, «предстали живым ответом на вопрос о загадке человеческого Я» (Пуцаев 2013а, с. 133). «Советские психологи, педагоги, и философы, вознесшие Загорский эксперимент на беспрецедентную высоту, утверждали, что на примере воспитания и обучения слепоглухих детей впервые ни много ни мало экспериментально продемонстрировано, «откуда берется ум», строго научно и окончательно подтверждено марксистское понимание человеческой личности, тайны ее возникновения и сущности» (Пуцаев 2013а, с. 133).

Автор, разумеется, не разделяет столь возвышенные оценки, стремится реалистично подойти к рассмотрению ситуации с «Загорским экспериментом» и его действительных результатов. Он прямо говорит: «Загорский эксперимент проводился во многом из идеологических побуждений» (Пуцаев 2013, с. 138), и признает, что Ильенков и его сторонники замалчивали ключевой факт, что никто из четверых участников «Загорского эксперимента» не был слепым и глухим от рождения. Но то, что они окончили психологический факультет МГУ, было действительно большим достижением, большой заслугой работы с ними тифлосурдо-

педагогов. Это, конечно, не подлежит сомнению. Ю.В. Пуцаева беспокоит вопрос: справедливо ли обвинять Э.В. Ильенкова в фальсификации (этот вопрос специально обсуждается во второй статье).

Ю.В. Пуцаев подробно анализирует смысл и задачи «Загорского эксперимента» и разные значения в его названии самого термина «эксперимент». По его словам, «самый амбициозный смысл термина „эксперимент“ в данном контексте состоял в том, что Ильенков и Мещеряков придали этому термину уже философское, а именно универсальное и фундаментальное значение. Этот, казалось бы, особый случай, касающийся лишь узкой дефектологической проблемы, по Ильенкову, *научно* открывает главную тайну мироздания: показывает, как вообще возникает человеческая психика, т. е. как возникает сама человеческая личность во всей ее многосложности и многосторонности» (Пуцаев 2013а, с. 138). Автор рассматривает спор о том, что является главным фактором «очеловечения» слепоглухого ребенка: «совместно-разделенная деятельность» или обучение языку. Сторонники «канонической» версии «Загорского эксперимента» (Ильенков, Мещеряков и др.) были убеждены, что не обучение языку, а именно обучение элементарным навыкам практической деятельности (взятие ложки, вождение рукой ребенка при простейших действиях с предметом и т. п.) позволяет сделать первые шаги в развитии психики; формирование речи – производная задача. Такой подход якобы правильный, потому что соответствует марксистскому пониманию решающей роли практики.

«Почему вообще слепоглухота, обучение слепоглухих детей были так важны для Ильенкова? – спрашивает Ю.В. Пуцаев. – Почему он, с позволения сказать, так ухватился за тему Загорского эксперимента? Для него как философа-марксиста непререкаемой истинностью обладали идеи, что труд создал человека, что практика – основа человеческого общества» (Пуцаев 2013а, с. 141). Отсюда же и главный тезис концепции Э.В. Ильенкова о решающей роли воспитания и воспитателя, как «рукотворца» человеческой души. Если в обычных условиях нельзя устранить факторы «педагогической стихии» (результаты общения ребенка с другими детьми и взрослыми), то в случае слепоглухого ребенка «все условия и факторы формирования психики можно строго зафиксировать и поставить под контроль. За все в ответе ты один – педагог-воспитатель. Само собой тут ничего не возникает и не разовьется. Таковы условия задачи» (Ильенков 1991, с. 33). Здесь, конечно, исключается влияние биологических факторов, пресекаются влияния «чуждых» педагогических воздействий, все определяется исключительно социальными факторами, наставлениями идеологически зрелого педагога, руководителя (решениями партии и правительства?). Знакомая ситуация!

Со всеми оценками и интерпретациями концепции Э.В. Ильенкова, которые были приведены Ю.В. Пуцаевым выше, я согласен. Они носят критический характер и показывают, как в угоду марксистским идеологическим догмам фабрикуются «нужные» концепции. Ю.В. Пуцаев справедливо отмечает, что критика «канонической версии» Загорского эксперимента, высказанная на Конференции 1988 г. и зафиксированная в ее опубликованных материалах (Слепоглухонемота 1989), явилась продолжением дискуссии между мной и Э.В. Ильенковым (и нашими сторонниками), которая началась за 20 лет до этого. Но изложение этой дискуссии Ю.В. Пуцаевым вызывает у меня ряд существенных возражений. Он пишет, например, будто я «доказывал, что в формировании личности решающую роль играют генетические и биологические особенности ее мозговых структур» (Пуцаев 2013а, с. 143). Я нигде и никогда не доказывал этого, а утверждал лишь то, что эти факторы играют существенную роль в формировании личности и их нужно учитывать в решении вопросов образования и воспитания. Тезис о «решающей роли» – явный нонсенс, ибо означает отрицание или крайнее принижение ведущей роли социальных факторов, т. е. отрицание столь очевидного, всем понятного, важнейшего значения воспитания и образования.

Но кто сегодня может отрицать необходимость учета генетических факторов в формировании личности? Это давно стало общим местом. Но именно это я доказывал в 1968 г., хотя уже тогда и еще на десятки лет раньше это было доказано наукой. Мои критики всегда «передергивали» карту, подменяя «существенную роль» «решающей ролью». И одним махом «уничтожали» своего оппонента. Странно, что этого не заметил Ю.В. Пуцаев. Далее он продолжает: «Стоит отметить, что помимо довольно стандартного позитивизма (утверждение о том, что особенности нейродинамической системы мозга можно адекватно перевести на язык индивидуальных психологических различий), Дубровским отчасти двигал пафос защиты индивидуальности от определяющего влияния социальной среды, неполной податливости социальным факторам. Высказанные Дубровским мысли можно было истолковать и в пользу того, что в человеке есть некий неустранимый остаток, который является своего рода гарантией неподвластности личности внешним социальным влияниям. Правда, это неустранимое личностное ядро Дубровский, в свою очередь, истолковывал в биологическом, позитивистском духе, локализуя его в физиологических характеристиках головного мозга» (Пуцаев 2013а, с. 143). Поэтому, заключает Пуцаев, Ильенков был прав, когда упрекал Дубровского в биологическом детерминизме, неприемлемом с нравственных позиций.

Прошу прощения у читателя за столь длинную цитату. Но в ней содержатся принципиальные вопросы, на которые нужно дать ответ. Вначале, о «стандартном позитивизме», «биологическом, позитивистском духе». Как и Ильенков, Пуцаев называет «позитивизмом» такие подходы к сознанию, психике, личности, когда некоторые их свойства объясняются с позиций науки. Но ведь не только философия, но и наука изучают психику, сознание, личность, и она накопила в этом отношении весьма значительные знания. Почему же налагается запрет, например, на объяснение ряда свойств сознания с позиций нейробиологии или психиатрии или даже генетики. Такие объяснения могут существенно корректировать абстрактные и замшелые философские клише, которыми привычно оперируют некоторые мои оппоненты. Пуцаеву, поскольку он все же далек от изучения современной нейронауки и психоневрологии, наверное просто не известно, что исследования в этих дисциплинах позволяют «адекватно перевести» некоторые нейродинамические системы мозга на психологический язык (достаточно ознакомиться с соответствующими результатами такого направления нейронауки, которое именуют «Чтением мозга», или с выдающимися психоневрологическими исследованиями В. Рамачандрана (Рамачандран 2014). Генетика тоже накопила весьма существенные данные о влиянии на формирование нравственных свойств личности – моим оппонентам достаточно познакомиться хотя бы с книгой знаменитого отечественного генетика В.П. Эфроимсона (Эфроимсон 2004).

Но я не буду дальше заниматься ликбезом. Скажу лишь о том, что отрыв философии от науки нередко ведет к явной схоластике. Правда, изучать науку, следить за ее развитием – дело трудное. Гораздо проще использовать вместо основательной аргументации бирку «позитивизм» в уничижительном значении этого слова. Кстати, презрительно говоря о позитивизме как способе объяснения сознания и личности с позиций данных науки, Ильенков сам грешит позитивизмом. Как заметил Пуцаев по поводу истолкования роли «Загорского эксперимента», «Ильенков в каком-то смысле занял тут позитивистские позиции, поскольку стал считать, что научный эксперимент может разрешить тайны человеческой личности» (Пуцаев 2013а, с. 144). Интересно, не правда ли?

В отношении моей позиции Пуцаев тоже верно подметил, что при акцентировании роли биологических факторов мною «двигал пафос защиты индивидуальности от определяющего влияния социальной среды». Надо было уточнить «от влияния негативных факторов», «неприемлемых факторов» социальной среды. В каждом из нас действительно есть «неустранимое личностное ядро», которое определяется в своей основе

генетическими факторами, задающими неповторимость индивида, его сопротивляемость определенным социальным воздействиям, в том числе воспитательного характера. Над этим «ядром» надстраиваются и укрепляют его (или в известной мере разрушают его) социально значимые ценностно-смысловые диспозициональные структуры, которые определяют основные свойства личности, ее ведущие деятельно-волевые интенции. В нашем человеческом высокомерии мы иногда забываем, что биологическое первично, а социальное вторично, производно от биологической самоорганизации, накопившей за многие сотни миллионов лет эволюции колоссальный информационный опыт самоорганизации, на фоне которого опыт социальной самоорганизации нередко выглядит, мягко выражаясь, не в лучшем свете. И нельзя забывать, что такие главные человеческие ценности, как жизнь, здоровье, семья, дети, любовь, биологически обусловлены.

Оценивая нашу с Ильенковым дискуссию, Пущаев далек от того, чтобы выступать апологетом концепции Ильенкова. Он видит ее недостатки, отмечает даже ряд положительных сторон моей концепции, готов согласиться, что «социальное» не является на 100 % социальным «продуктом», что «никакое социальное влияние или воспитание не всесильно» (Пущаев 2013а, с. 143–144). Но вот его упреки в «позитивизме» неуместны и могут быть обращены и в его сторону, поскольку он тоже ссылается на научные данные, когда рассматривает философские оценки психики и личности.

После дискуссии с Ильенковым, как считает Пущаев, у меня со временем дела пошли лучше, стал убавляться «позитивизм»: «Позже Дубровский несколько отошел от своего естественно-научного позитивизма и стал толковать идеальное (основная тема его многолетнего спора с Ильенковым) как субъективную реальность» (Пущаев 2013а, с. 143). Вот здесь Пущаев сильно ошибается. Не «позже», а уже в статье, открывшей дискуссию с Ильенковым и Михайловым, я исхожу из понимания идеального как субъективной реальности (Дубровский 1968, с. 126). Концепцию идеального как субъективной реальности я развивал с середины 60-х гг. Это отражено в ряде статей тех лет и наиболее полно в докторской диссертации; кратко же – в ее автореферате, изданном в начале 1968 г., накануне дискуссии с Ильенковым. Кстати, из-за нее мне пришлось защищать докторскую диссертацию трижды! А четвертый раз – еще и в ВАКе. Вскоре после защиты диссертация была опубликована в виде монографии (Дубровский 1971). Пущаев может легко обнаружить свою ошибку, поскольку эта старая книга легко доступна – выставлена на моем сайте. К тому же она недавно, ровно через 50 лет, переиздана (Издательство ЛЕНАНД, М., 2021. 400 с.).

«Ошибка» Э.В. Ильенкова... а не «фальсификация»?

Перейдем теперь ко второй статье Ю.В. Пущаева, поставившей задачей доказать, что в концепции Э.В. Ильенкова не было сознательной фальсификации. «Мы думаем, – заявляет он, – что вряд ли люди масштаба Ильенкова способны опуститься до прямого обмана» (Пущаев 2013б, с. 125). Тут, продолжает он, если и была «вина», то не было «злого умысла» (Пущаев 2013б, с. 125). Действительно, умысел был «добрый» и «возвышенный» – доказать непреклонную истинность марксистского понимания формирования личности. Именно этот «добрый» умысел, как подробно пишет далее Пущаев, послужил причиной сокрытия ключевых фактов, опровергающих на корню «Загорский эксперимент». Автор изобретательно ведет свою линию защиты, постулирует принцип «презумпции невиновности», поскольку, как он считает, «прямых доказательств того, что Ильенков сознательно лгал, нет», и пытается выступать, как он говорит о себе, «отчасти» в роли «адвоката дьявола». Во-первых, говорит он, в книге А.И. Мещерякова «Слепоглухие дети» эти факты были опубликованы. Далее речь ведется о том, что сторонники «канонической» версии считали, что можно приравнять тотальную слепоту и глухоту от рождения к утрате зрения и слуха в раннем детском возрасте. Поэтому, мол, не столь важно было специально и подробно говорить о том, что участники «Загорского эксперимента» не были слепыми и глухими от рождения. Однако хорошо известно (в том числе, конечно, и Ильенкову), что они утратили зрение и слух не в раннем детском возрасте, а тогда, когда у них уже был накоплен значительный сознательный опыт и сформировалась речь. Кроме того, тифлосурдопедагогика категорически опровергает попытку отождествления слепоглухоты от рождения с утратой зрения и слуха даже в самом раннем возрасте (она показывает, что результаты развития ребенка будут тут существенно различными).

Пущаев прямо ставит вопрос: скрывалось ли то, что они не были слепыми и глухими от рождения? И отвечает: «В каком-то смысле, на наш взгляд, и да, и нет. Эти сведения в принципе были известны, но чтобы до них добраться, нужно было проявить изрядную дотошность и заинтересованность (как их проявил, например, давний оппонент Э. Ильенкова Д. Дубровский)» (Пущаев 2013б, с. 126). Сам он, говорит, тоже верил в «каноническую» версию, пока не познакомился с материалами нашей Конференции 1988 г., которые произвели на него «почти шокирующее впечатление». И тогда он стал выяснять, в чем же суть дела. Все оказывается просто. С одной стороны, Ильенков стремился с помощью «Загорского эксперимента» доказать истинность положений марксистской теории формирования личности, как об этом уже

говорилось выше, а с другой – использовал эти положения для собственной, весьма произвольной интерпретации фактов (искажения их) с позиций этих марксистских положений. Этот «круг в доказательстве», собственно, и демонстрирует нам Пущаев. «На наш взгляд, – пишет он, – идея авторов „канонической версии“ насчет равнозначности слепоглухоты врожденной и наступившей в раннем возрасте имеет свои истоки в марксистской философии, в ее духе и общих идеях» (Пущаев 2013б, с. 127), а постольку эти идеи не вызывают сомнения и служат опорой для «Загорского эксперимента». «Другой фактор, который повлиял на то, что они закрыли глаза на отсутствие тотальной слепоты с рождения у своих воспитанников, заключался в том, что они очень хотели верить в то, во что верили. И тут мы, возможно, имеем дело со своего рода революционным нетерпением, которое внушало, что новый мир и новый человек – вот они, уже совсем рядом. Это психологически подталкивало к тому, чтобы не видеть какие-то огрехи в собственной концепции, закрывать на них глаза» (Пущаев 2013б, с. 128). Что тут скажешь! Человек видит то, что хочет видеть, а чего не хочет, не видит. Очень хочет верить, и верит, а когда очень не хочет, не верит. Обычное дело. Но причем здесь наука, эксперимент и теория?

И вот, наконец, заключительный вердикт: «Действительная, фактическая сторона Загорского эксперимента не соответствует тому, как она излагалась авторами „канонической версии“» (Пущаев 2013б, с. 133). Однако, считает Пущаев, «сознательной фальсификации авторы „канонической версии“ не допускали, поскольку устраняли это несоответствие фактических данных своим теоретическим построениям при помощи ad hoc гипотезы», которая «органично вытекает из марксистской философии» (Пущаев 2013б, с. 133). А потому «мы можем в данном случае говорить об ошибочности их построений, но не о „злом умысле“ и сознательной фальсификации с их стороны» (Пущаев 2013б, с. 133–134).

Задачу адвоката Пущаев выполнил добросовестно. Он доказал, что не было «злого умысла», сполна использовал для оправдания мотив «благого намерения», но это вряд ли может смягчить участь его подзащитных, ибо само стремление скрыть и переиначить решающие факты имело место. Это делалось сознательно. Такое действие называют не ошибкой, а **фальсификацией**.

Пущаев слишком снисходителен в своих оценках. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочесть доклад С.А. Сироткина и Э.К. Шакиновой на конференции, где все расставлено по местам без излишней дипломатии. Замечу, что этот доклад был полностью одобрен директором Института дефектологии Академии педагогических наук В.И. Лубовским. Он подчеркнул, что доклад

отражает содержание недавно опубликованной в журнале «Дефектология» статьи докладчиков (Сироткин, Шакинова 1988), «основные положения которой разделяет не только редколлегия журнала, но и коллектив ученых нашего Института» (Слепоглухонемота 1989, с. 75).

Я хочу обратить внимание на те места доклада и ответов С.А. Сироткина на вопросы, которые обошел вниманием Пущаев. Он писал в своей статье, что Ильенков, говоря о слепоглухих от рождения, якобы нигде не упоминал имена четверых своих подопечных. Но ведь мною уже приводилось то место из его статьи в журнале «Коммунист», где это было сделано: все названы поименно. Но чтобы сразу поставить точку в этом обсуждении, я приведу выдержки из интервью Ильенкова газете «Огни Алатау» от 15 ноября 1977 г. под названием «Право на творчество», которое воспроизведено в докладе Сироткина и Шакиновой: «В том, что способности, талант можно развить у каждого человека, меня окончательно убедил Загорский эксперимент, имеющий мировое (!) звучание. Вы, конечно, знаете суть эксперимента, позволяющего как в замедленной киносъемке проследить узловые этапы становления человеческой личности, сознания, самосознания, воли, эмоционального строя и нравственных начал... Четверо ребят только что защитили дипломы на психологическом факультете МГУ. Они выросли на моих глазах. Я видел, как свершилось педагогическое чудо рождения души и становления таланта. Это потрясающие факты. Те, кто были *отгорожены от мира непроницаемой стеной слепоглухоты, не имели ни психики, ни самосознания*, стали высокообразованными, талантливыми людьми» (Цит. по: Слепоглухонемота 1989, с. 102. Курсив мой. – Д. Д.).

Оказывается, у С.А. Сироткина, А.В. Суворова и остальных до «Загорского эксперимента» не было «ни психики, ни самосознания». По словам С.А. Сироткина, в концепции Ильенкова «слепоглухой предстает „tabula rasa“, на которой пишет всемогущая рука педагога» (Слепоглухонемота 1988, с. 93). Приведа множество фактов фальсификации из благих побуждений, докладчики говорят: «К сожалению, „святая ложь“, „ложь во спасение“ неизбежно перерастает в настоящую ложь со всеми негативными для слепоглухих последствиями» (Слепоглухонемота 1989, с. 102).

Э.В. Ильенков не только переиначивал факты, скрывал правду, но и активно боролся за сохранение этой неправды. Вот слова С.А. Сироткина: «У нас с Эвальдом Васильевичем был тяжелый конфликт, и это свидетельствует о том, что он сознательно скрывал определенные факты во имя чистоты концепции и Эксперимента» (Слепоглухонемота 1989, с. 26). Эти «определенные факты», о которых затем подробно рассказывает С.А. Сироткин, являются решающими: они

не оставляют камня на камне от концепции «Загорского эксперимента» Ильенкова. Это давно и многократно публично представленные факты, что никто из замечательной четверки не был слепоглухим от рождения, и особенно факты о том, что у них были остатки зрения и слуха. Пожалуй, главным подтверждением того, что здесь была не ошибка, как считает Пущаев, а именно сознательная фальсификация, служит то, что Ильенков не просто скрывал эти факты и активно боролся за их сокрытие, но и принуждал к этому своих учеников. Об этом тоже подробно рассказано в докладе и в ответах на вопросы. На этом стоит остановиться подробнее. Конфликт начался с попыток Ильенкова запретить Александру Суворову самостоятельное передвижение по городу, самостоятельные переезды из Загорска в Москву и обратно. Это наглядно и вопиюще противоречило его концепции. «Однако одновременно с этой причиной, говорится в докладе, появилась другая, более серьезная и принципиальная, углубившая конфликт: была опубликована небольшая публицистическая повесть „Выход в мир“ (Простор, 1977. № 7. С. 106–127), в которой Э.К. Шакенова (тогда Сериккалиева) рассказала о знакомстве с „четверкой“ слепоглухих... Именно эта публикация вызвала гнев Эвальда Васильевича и все его последующие действия (гонения на автора, требование к слепоглухим порвать с ней под угрозой расправы, заявления в высшие инстанции). Нелегко было понять причины такого взрыва страстей. А объяснялось все тем, что в повести слепоглухие... представлены видящими и слышащими (слушающими симфоническую музыку, разглядывающими автомобили и т. п.), что принципиально подрывало престиж эксперимента, концепции **целенаправленного формирования человеческой психики с „нуля“**» (Слепоглухонемота 1989, с. 97). «Была нарушена та логика и традиция изложения, интерпретации фактов из жизни и развития слепоглухих, в которой выдержаны все публикации самого Э.В. Ильенкова, его сторонников и по сей день» (Слепоглухонемота 1989, с. 97–98).

В это время докладчики и А.В. Суворов готовили к печати книгу «Обретешь друзей» (1978). В ней Сироткин и Суворов рассказывали о своей жизни и, в частности, упоминали о том случае, когда, находясь в разных городах, они общались друг с другом по телефону. Читаем далее: «Еще в процессе подготовки книги к выпуску продолжались гонения, попытки ее запретить, постоянно предъявлялись требования к слепоглухим авторам не участвовать в ней. Были угрозы, что они не получат дипломов МГУ, работы по специальности в Москве, будут направлены в Алма-Ату и т.д. и т.п. Естественно, выход книги вызвал новую волну гнева Э.В. Ильенкова и усиление давления на авторов» (Слепоглухонемота 1989, с. 98).

Теперь должно быть все достаточно ясно, чтобы изменить приговор Пущаева: **не ошибка, а фальсификация!** При этом надо особо подчеркнуть, что ответственность за столь явную фальсификацию несут ведущие научные авторитеты того времени: А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов, Н.П. Дубинин, которые хорошо знали реальное положение дел, но под флагом борьбы за гуманизм, правду, высокие научные и нравственные ценности лицемерно превозносили «Загорский эксперимент» (как известно, сам термин «создание психики с нуля» принадлежит А.Н. Леонтьеву, и этот термин широко использовался в своих целях Ильенковым). Вот вам ответ на сильное сомнение Пущаева в том, что люди такого масштаба «способны опуститься до прямого обмана».

Обо всем этом надо говорить прямо, без всякой философической политкорректности, ведь до сих пор, как мы видели выше, эта фальсификация выдается за истину. Высокая активность сторонников Э.В. Ильенкова в этом отношении мешает глубокому теоретическому и методологическому осмыслению проблемы слепоглухоты, которая сохраняет значительную актуальность как в нейронаучном, психолого-педагогическом и социальном планах, так и в свете нынешних успехов НБИКС-конвергенции, открывающих возможности протезирования зрения и слуха, возвращения слепоглухим способности видеть и слышать. Именно развитие медицинских и технологических возможностей возвращения слепоглухим зрения и слуха является сейчас главным стратегическим направлением разработки и решения проблемы слепоглухоты.

Библиографический список

- Бэкхерст Д. Еще раз о «Загадке человеческого я» // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 88–96.
- Бэкхерст Д. Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 50–65.
- Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Ментальное и физическое пространство. Москва: Этносоциум, 2016.
- Дубинин Н.П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 62–74.
- Дубровский Д.И. Мозг и психика (О необоснованности философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 125–135.
- Дубровский Д.И. По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 142–146.
- Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. Москва: Издательство «Наука» 1971. 386 с. (Второе издание: Москва: ЛЕ-НАНД. 2021. 400 с.).

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Москва: Мысль, 1983.

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Москва: Канон+, 2002.

Ильенков Э.В. Психика и мозг (Ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.

Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79.

Лобастов Г.В. Э.В. Ильенков: философия и педагогика // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 83–92.

Майданский А.Д. Воспитание и природа: Уроки Загорского эксперимента // Философская антропология. 2019. Т. 5, № 1. С. 81–101.

Плеханов И.А. Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков: неоконченный спор о природе психики и идеальном // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 153–162.

Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента. Начало (1) // Вопросы философии. 2013а. № 3. С. 132–147.

Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента. Была ли фальсификация? (2) // Вопросы философии. 2013б. № 9. С. 124–134.

Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. Москва: Карьера Пресс, 2014.

Сироткин С.А., Шакенова Э.К. О концепции «искусственного формирования» человеческой психики в тифлосурдопедагогике // Дефектология. 1988. № 1. С. 16–22.

Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. Москва, 1989. 120 с.

Слепоглухонемота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность / Издание второе, дополненное; ред., Д.И. Дубровский. Москва: Интелл, 2018. 196 с.

Материалы XVIII международной научной конференции «Ильенковские чтения». Белгород, 28–29 апреля 2016 г. Белгород, 2016.

Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. Москва: Тайдекс Ко, 2004.

References

Bakhurst, D. (2010), Once again about the “Mystery of the Human Self”, *Voprosy Filosofii*, vol. 8, pp. 88–96.

Bakhurst, D. (2013), Psyche, brain and education, *Voprosy Filosofii*, vol. 11, pp. 50–65.

Gubanov, N.I., Gubanov, N.N. (2016), *Mental and physical space*, Ethnosocium, Moscow, Russia.

Dubinina, N.P. (1980), Inheritance biological and social, *Communist*, vol.11, pp. 62–74.

Dubrovsky, D.I. (1968), Brain and psyche (On the groundlessness of philosophical denial of the psy-

chophysiological problem), *Voprosy Filosofii*, vol. 8, pp. 125–135.

Dubrovsky, D.I. (1969), Regarding the article by E. V. Ilyenkov “Psyche and Brain”, *Voprosy Filosofii*, vol. 3, pp. 142–146.

Dubrovsky, D.I. (1971), *Mental phenomena and the brain: philosophical analysis of the problem in connection with some current problems of neurophysiology, psychology and cybernetics*, Nauka, Moscow, Russia. (Second edition: (2021), LENAND, Moscow, Russia).

Dubrovsky, D.I. (1983), *The problem of the ideal*, Mysl, Moscow, Russia.

Dubrovsky, D.I. (2002), *The problem of the ideal*, Kanon+, Moscow, Russia.

Ilyenkov, E.V. (1968), Psyche and brain (Response to D.I. Dubrovsky), *Voprosy Filosofii*, vol. 11, pp. 145–155.

Ilyenkov, E.V. (1977), Personality formation: to the results of a scientific experiment, *Communist*, vol. 2, pp. 68–79.

Lobastov, G.V. (2015), E.V. Ilyenkov: philosophy and pedagogy, *Voprosy Filosofii*, vol. 3, pp. 83–92.

Maydanskaya, A.D. (2019), Nurture and nature: Lessons from the Zagorsk experiment, *Philosophical anthropology*, vol. 5, iss. 1, pp. 81–101.

Plehanov, I.A. (2007), D. I. Dubrovsky and E.V. Ilyenkov: an unfinished dispute about the nature of the psyche and the ideal, *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after: N.I. Lobachevsky*, vol. 1 (6), pp. 153–162.

Pushchaev, Yu.V. (2013a), History and theory of the Zagorsk experiment. Beginning (1), *Voprosy Filosofii*, vol. 3, pp. 132–147.

Pushchaev, Yu.V. (2013b), History and theory of the Zagorsk experiment. Was there falsification? (2), *Voprosy Filosofii*, vol. 9, pp. 124–134.

Ramachandran, V.S. (2014), *The brain tells. What makes us human*, Karyera press, Moscow, Russia.

Sirotkin, S.A. and Shakenova, E.K. (1988), On the concept of “artificial formation” of the human psyche in typhlosurdopedagogy, *Defectology*, vol. 1, pp. 16–22.

Deafblindness: historical and methodological aspects. Myths and reality (1989), Moscow, Russia.

Deafblindness: historical and methodological aspects. Myths and reality (2018), Intell, Moscow, Russia.

Materials of the XVIII international scientific conference “Ilyenkov Readings” (2016) Belgorod, April 28–29 th 2016, Belgorod.

Efroimson, V.P. (2004), *Genetics of ethics and aesthetics*, Taydeks Co, Moscow, Russia.

Submitted: 25.08.2023

Revised: 01.10.2023

Accepted: 10.12.2023

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-30-39

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 101.1Дата поступления: 05.09.2023
рецензирования: 15.11.2023
принятия: 11.12.2023**В.Е. Редникина**Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Российская Федерация
E-mail: valentina-8107@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0021-8726>**Н.А. Ястреб**Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Российская Федерация
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Типология и специфика философских проблем биологии

Аннотация: в статье рассматривается проблема нового уровня сложности онтологии, вызываемой к жизни техническими вмешательствами в живые системы. Объектом выступают философские проблемы биологии, предметом исследования – выявление специфики и типологии философских проблем биологии.

Развитие экспериментальной техники предопределило переход биологии на молекулярный (геномный) уровень, что сделало её одним из лидеров в ряду естественных наук. Биология изменяет научную картину мира в рамках кибернетической онтологии, новой парадигмы, в которой молекулы используются в качестве средств передачи информации, а науки о жизни превращаются в «технобиологическое искусство». Характер научного познания трансформирует субъект-объектные отношения, познание определяется техно-научными методами и приёмами в области биомедицинских и информационных технологий. Практические и теоретические схемы биологии выступают как особая модель экспериментально-измерительной практики и как проект технического действия.

Технологии затрагивают множество социально-этических вопросов, выходящих за пределы компетенции естествоиспытателей и инженеров. Как философов, так и естествоиспытателей беспокоит мысль о том, что развитие естествознания изменило или в ближайшем будущем изменит цивилизацию и судьбы человечества.

Ключевые слова: биология; молекулярная биология; целостность; кибернетика; методологические исследования; технологии; ДНК; NBIC-технологии; CRISPR; техника.

Цитирование: Редникина В.Е., Ястреб Н.А. Типология и специфика философских проблем биологии // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 30–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-30-39>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Редникина В.Е., 2023 – аспирант кафедры философии, Вологодский государственный университет, 160035, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15.

© Ястреб Н.А., 2023 – доктор философских наук, доцент, директор института социальных и гуманитарных наук, Вологодский государственный университет, 160035, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.E. Rednikina Vologda State University,
Vologda, Russian Federation
E-mail: valentina-8107@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-0021-8726>**N.A. Yastreb**Vologda State University,
Vologda, Russian Federation
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Typology and specificity of biology philosophical problems

Abstract: the article examines a new complexity problem of ontology brought to life by technical interventions in living systems. The object is the philosophical problems of biology, the subject of the research is to identify the specifics and typology of the philosophical problems of biology.

The development of experimental technology predetermined the transition of biology to the molecular (genomic) level, which made it one of the leaders among the natural sciences. Biology is changing the scientific picture of the world within the framework of cybernetic ontology, a new paradigm, wherein molecules are used as vehicles for transmitting information, and life sciences are transformed into “technobiological art.” The nature of scientific knowledge transforms subject-object relations, knowledge is determined by techno-scientific methods and techniques in the field of biomedical and information technologies. Practical and theoretical schemes of biology act as a special model of experimental measurement practice and as a project of technical action.

Technology raises many socio-ethical issues that go beyond the purview of natural scientists and engineers. Both philosophers and natural scientists are disturbed by the idea that the development of natural science has changed or will change in the nearest future civilization and the destinies of mankind.

Key words: biology; molecular biology; integrity; cybernetics; methodological research; technology; DNA; NBIC-technologies; CRISPR; technics.

Citation: Rednikina, V.E. and Yastreba, N.A. (2023), Typology and specificity of biology philosophical problems, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 30–39, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-30-39>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Rednikina V.E., 2023** – post-graduate student, Department of Philosophy, Vologda State University, 15, Lenin st., Vologda, 160035, Russian Federation.

© **Yastreba N.A., 2023** – Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Head of the Institute of Human and Social Sciences, Vologda State University, 15, Lenin st., Vologda, 160035, Russian Federation.

Введение

Содержание актуальных философских проблем биологии изменилось, прежде всего, в результате развертывания взаимодействия современных методов различных наук в познании живой природы. Традиционные биологические методы стали малоэффективны, когда исследователи столкнулись с обработкой гигантских объемов данных. Биологи всё чаще прибегают к возможностям техники, что превращает биологические исследования во всё более точные, глубокие и вместе с тем сложные. Вскрываются новые аспекты сущности жизни, возникают новые отрасли биологии и существенно преобразуются старые. Сложность современных социотехнических систем связана в первую очередь не с техническими, а с социальными факторами. В этом и состоит особенность очередного витка эволюции сложности технических систем в условиях роста технологических рисков. Система становится настолько сложной, что не в состоянии не только рефлексировать над своей деятельностью и развитием, но и предсказывать негативные последствия и способы их преодоления (Горохов 2015). Разрыв между исследованием и внедрением результата исследования сократился, повысилась опасность распространения хотя и продвинутой в техническом и естественнонаучном плане, но социально не апробированных технологий. Конвергенция различных порядков знания в еди-

ной исследовательской перспективе ведет к пересмотру категории ответственности в новом ключе (Гребенщикова 2010).

История науки знает немало примеров интеллектуальных достижений, которые обернулись против человека, самым ярким из которых является атомная энергия. Нельзя не обратить внимание на то, что феномен биотехнологий может быть приравнен именно к такого рода явлениям. Философ-антрополог А.П. Назаретян вывел закон техно-гуманитарного баланса: «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества» (Назаретян 2019). Если раньше вопрос о рисках рассматривался лишь в рамках теории принятия решений, то сегодня в обсуждение этой темы включились юристы, психологи и социологи, подчеркивающие, что технические инновации являются гипотетическими социальными структурами, создаваемыми не в лабораториях, а в рамках социотехнической деятельности, вторгающейся в профессиональную, общественную и даже частную сферы (Горохов 2015).

Большинство открытий совершается в той сфере исследований, которая определяется как молекулярная биология, и является результатом проникновения в биологию новых методов физики, химии, математики, кибернетики и т.д. Проблемы,

с которыми сталкивается человечество в XX–XXI веках – глобальные техногенные катастрофы, масштабные проблемы в экологии и демографии, активное развитие нейросетей – требуют для своего решения интеграции когнитивных схем разных дисциплинарных областей. По прогнозам известного футуролога Рея Курцвейла, в 2044 году искусственный интеллект станет в миллиарды раз более разумным, чем биологический, а в 2099 году процесс технологической сингулярности распространится на всю Вселенную (Курцвейл 2018).

Переоценка роли науки в системе научных знаний как фактора человеческого отношения к миру привела к появлению различных мировоззренческих подходов, форм знания и методов, обозначающих кризис доверия к науке. Наука становится источником риска, экспертом и средством решения возникающих проблем.

В молекулярной биологии возникают всё более широкие возможности познания элементарных взаимодействий и процессов, протекающих на молекулярном и смежных с ним уровнях. С исследованиями на геномном уровне связаны самые крупные успехи, достигнутые во второй половине XX – начале XXI века, способствовавшие выдвиганию биологии на передовые позиции в естествознании. Именно применение молекулярно-генетических методов (метод секвенирования, полимеразной цепной реакции, клонирования ДНК, создание библиотеки генов, амплификации и т.д.) дало возможность раскрыть тайну кода, посредством которого в полимерах нуклеиновых кислот (ДНК и РНК) фиксируется и воспроизводится генетическая информация как о формировании конкретных признаков и белков, так и об управлении онтогенезом многоклеточных организмов. С молекулярной биологией справедливо связывается познание самых фундаментальных уровней организации живого. Важная роль принадлежит ей, кроме того, в раскрытии путей и способов («механизмов») перехода от неживого к живому, от организации вещества (атомов и молекул) к организации живых систем.

Прогресс экспериментального и теоретического знания в биологии постоянно видоизменяет содержание того класса объектов, который охвачен познанием и служит цели научного воспроизведения сущности жизни. И наоборот – расширение круга объектов, изменение представления о традиционных объектах биологии оказывают воздействие на характер экспериментальной и теоретической деятельности биологов (Карпинская 1984, с. 34). В общей стилистике постнеклассической науки биология обозначилась как трансдисциплинарное направление исследований и входит в систему NBIC-технологий. NBIC-конвергенция при таком понимании приведет к почти мгновенному в историческом масштабе высвобождению потен-

циала человека – потенциала как разрушительного, так и созидательного¹.

Возникает необходимость решать острые дилеммы биоэтического характера. Недостаточность экспертного мнения специалистов-биологов обозначила потребность в дополнении профессиональных компетенций знанием, выходящим за дисциплинарную сферу. Ситуация ограниченности опыта, знания и интуиции специалистов в рассмотрении нравственных проблем фиксируется как парадоксальная: проблемы, казалось бы, традиционно рассматриваемые профессионалами, требует иных – непрофессиональных – подходов. На это указывает характер проблем, которые являются скорее философско-мировоззренческими, нежели биологическими (Гребенщикова 2010). Понимание и рефлексия таких проблем неразрывно связаны с социальной оценкой техники как прикладной сферы философии техники.

Выяснение всех этих вопросов имеет важное значение для мировоззрения и само требует правильного понимания таких общеметодологических вопросов, как вопросы о роли наук о жизни в познании сущности жизни, о соотношении и взаимосвязи между различными формами движения материи, объединяемыми в процессах жизнедеятельности и т.д. Всё это составляет круг философских проблем биологии.

Но фундамент – это ещё не всё здание. Новые открытия молекулярной биологии дополняются исследованиями всех уровней биологической организации. Теперь становится яснее, чем когда-либо прежде, что для живой природы характерно не только возникновение нескольких последовательно восходящих ступеней, уровней организации в прогрессивном развитии материи, но также и особенно тесное объединение этих уровней. В ходе прогрессивной эволюции всё больше развиваются взаимосвязи «между уровнями», между процессами, протекающими на различных «этажах» в структурах биологических систем.

Не случайно, что возрастающее влияние на содержание философских проблем биологии оказывает теперь разработка теории структурных уровней биосистем. В ней объединяются, как вокруг единого остова, многие идеи философии и биологии, в том числе и старые, но теперь по-новому освещаемые в связи с изменением их содержания: такие категории, как прогрессивное развитие, целостность и дифференциация, качественное своеобразие и аналогии. Эта область исследований наиболее ярко выражает синтетический характер современного научного познания, основанного вместе с тем на дальнейшем углублении анализа и дифференциации отраслей в биологии.

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67119> (дата обращения 7.11.2023).

Научно-техническая сфера перед учеными по-новому ставит многие старые философские проблемы и выдвигает на первый план целый ряд новых методологических, социальных, когнитивных, аксиологических и т. п. проблем, осмысление которых требует высокого философского уровня, т. е. должно проводиться с участием профессионалов в этой области. Однако и сама философия науки не может существовать без активного взаимодействия с развивающейся наукой.

Поэтому философы, особенно философы науки и техники, обязаны в тесной кооперации и диалоге с учеными-специалистами, особенно биологами, осмысливать вновь возникающие философские проблемы в научно-технической сфере.

Ход исследования

Исследование философских проблем биологии демонстрирует «радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности» (Пригожин, Стенгерс 1986).

Как показывает весь опыт истории науки, всестороннее и глубокое научное знание природы всегда добывается в процессе взаимодействия философских и естественнонаучных методов. Новые философские проблемы биологии возникают в результате развития всего научного познания. Часто бывает так, что те проблемы, которые при одних условиях выступают как естественнонаучные, при других становятся философскими. В процессе познания одна группа философских вопросов утрачивает актуальное значение, а другая возникает, выдвигается на передний край и приобретает главенствующее значение. Таким образом, философские проблемы биологии не являются раз и навсегда фиксированными. Границы между ними и собственно теоретическими проблемами не абсолютны. Тем не менее, в каждый период развития науки необходимо как можно более четкое выделение и правильная постановка её важнейших философских проблем.

Чаще всего общие философские проблемы биологии рассматриваются в плане конкретизации таких категорий, как качественные изменения, целостность, структура и функция, причинность и т.д. В этом случае проблемы исследуются в основном раздельно, что позволяет всесторонне проанализировать каждую из них. Наметим основные группы таких вопросов в их взаимосвязи с наиболее общими теоретическими проблемами современной биологии – взаимосвязи настолько тесной, что над ними, как правило, философы и биологи должны работать совместно.

Первая группа включает самые общие методологические и логико-гносеологические исследования, охватывающие многие направления, методы, понятия и теории современной биологии, а также исследования истории становления биологических понятий.

Ко второй группе относятся методологические и гносеологические исследования взаимодействия наук в познании биологических явлений: проблемы проникновения методов других наук (физики, химии, математики, кибернетики и т.д.) в биологию, их роль в познании живого, а также проблемы моделирования жизненных процессов и функций живого. Среди этих проблем особенно важное значение приобретают сейчас те, которые связаны с кибернетическим моделированием явлений самоорганизации живых систем и их подсистем (органов).

К третьей группе могут быть отнесены проблемы более точного и полного определения понятий или категорий, приобретающих новое содержание: биологическая организация и живая система, органическая целостность и дифференциация; структурные уровни биологических систем, а также соответствующие им различия между типами процессов управления и саморегуляции.

Четвертая группа философских вопросов связана с анализом различных биологических противоречий или объективно существующих противоположностей в их взаимосвязи, взаимодействии и соотношении: внутреннего и внешнего в индивидуальном развитии организма и в эволюции; филогенеза и онтогенеза; высшего и низшего; прогресса и регресса в индивидуальном и эволюционном развитии; относительная целесообразность приспособлений и неприспособительные по своему происхождению изменения; связанная и мобилизуемая информация в живых системах; доминирующее и подчиненное в биологических процессах и пр.

К пятой группе относятся те проблемы, которые связаны с учением о единстве и различиях неорганической и органической природы, с выяснением роли живого в изменении поверхностных сфер земли.

Шестая группа исследований объединяется вокруг проблемы соотношения и взаимодействия биологического и социального, в частности, в человеческом организме. К этой группе, очевидно, должны быть отнесены исследования по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности, а также по тем вопросам медицины, которые непосредственно связаны с биологической проблематикой. Разумеется, в этом случае, абсолютных разграничительных линий быть не может.

Философские вопросы генетики

За последние десятилетия в методах и выборе объектов генетических исследований произошли существенные изменения. Основным методом оставался гибридологический анализ отдельных групп признаков, сравнительно легко наблюдаемых у потомства после скрещиваний, производи-

мых, как правило, между многоклеточными организмами с половым размножением. «Разрешающая сила» этого метода оказалась, как известно, необычайно мощной, чему весьма способствовало применение быстро развивающихся статистико-математических методов. Кроме того, важную роль сыграло широкое сопоставление, увязывание получаемых результатов с данными других отраслей биологии – биохимии, биофизики, цитологии, эмбриологии, анатомии, физиологии, зоологии, систематики, теории эволюции, а также медицины. Во взаимодействии с методами и данными этих наук гибридологический анализ позволил установить единство основных законов наследственности у всех живых организмов, предсказать ряд свойств дискретных материальных носителей наследственности, генов, и вместе с тем яснее выявить как эволюцию хромосомного аппарата, так и различия в характере наследования, зависящие от различий в способах размножения.

Таким образом, уже в первые периоды своего развития генетика представляла яркий пример эффективности взаимодействия методов и результатов исследований разных наук. Но поскольку научное познание еще только начинало проникать в исследование глубинных уровней биологической организации, не удивительно, что стремление связывать результаты гибридологического анализа с данными других отраслей биологии встретило значительные трудности. При проведении генетического анализа с помощью гибридологического метода исследователь сталкивался с рядом трудностей и ограничений. Одно из условий его успешного применения – использование в скрещиваниях гомозиготных форм, что на большом числе объектов практически неосуществимо из-за малой плодовитости, длительного периода полового созревания, невозможности постановки скрещиваний и других причин. Гибридологический метод анализа позволяет обнаруживать только те гены, по аллелям которых различаются родительские формы. Генетический анализ предполагает не только статистическую проверку расщеплений, но и другие виды исследований. Это было препятствием для более детального выяснения природы гена, механизмов действия генов и механизмов их воспроизведения и передачи.

Новые достижения биофизики и биохимии, приведшие к созданию основ молекулярной биологии, использование во взаимодействии с нею понятий и методов кибернетики, увенчавшиеся одним из крупнейших открытий естествознания XX века – расшифровкой генетического кода; дальнейшее изучение у микроорганизмов форм размножения, включающих своеобразный обмен генетической информацией, аналогичный скрещиваниям; открытие во взаимоотношениях между бактериями и бактериофагами неизвестных ранее

форм переноса генетических элементов из одной линии в другую (трандукция) – все эти данные и методы открыли новые пути генетических исследований. Они стали более многосторонними и точными, более тесной стала их связь с непосредственным изучением физико-химических процессов, протекающих при передаче генетической информации (при транскрипции и трансляции) на уровнях групп молекул, молекул и даже участков молекул.

Появились новые возможности выбора в качестве объектов генетических экспериментов не сложных многоклеточных организмов, а простейших – одноклеточных водорослей, грибов, бактерий и вирусов. Открытие у них обмена не только генами, но и участками генов, позволило манипулировать с чужеродной ДНК и исследовать ее функционирование в гетерологичных системах. Такой подход обогатил теорию знаниями о закономерностях механизма передачи генетической информации и послужил основой для создания принципиально новых биотехнологий. Начала чрезвычайно быстро развиваться молекулярная генетика.

В методологическом аспекте значение всех этих достижений и новых перспектив заключается прежде всего в том, что косвенные способы «проецирования» признаков развитого организма на хромосому, иногда приводившие к противоречиям, теперь дополняются более прямыми методами изучения молекулярных и надмолекулярных структур генов и всего аппарата хромосом – материальных носителей главной доли генетической информации у эукариот.

Очень существенно в методологическом отношении то обстоятельство, что благодаря всем отмеченным изменениям появились возможности изучать более непосредственно первичные действия генов и их взаимосвязи. Если раньше в опытах с многоклеточными организмами приходилось выбирать для наблюдения «готовые» признаки, далеко отстоящие от тех субклеточных уровней, на которых проявляются первичные действия генов, то в опытах с простейшими организмами стало возможным в значительной степени устранить этот разрыв, сосредоточивая внимание непосредственно на механизмах первичных генетических процессов, протекающих на субклеточных уровнях. Переход к таким объектам делает методы генетики более точными и позволяет ставить эксперименты непосредственно с генетическим материалом вместо того, чтобы опираться только на косвенные выводы и сопоставления. Вместе с тем важное методологическое значение приобретает в связи с этими изменениями вопрос о том, в какой мере допустимо переносить выводы, основанные на результатах опытов с простейшими, на более высокоорганизованные живые организмы –

иными словами, возникает необходимость дальнейшей разработки вопроса об эволюции форм наследственности.

Развитие молекулярной генетики не означает, конечно, что уже нет необходимости изучать проявления действий генов на более высоких уровнях организации живого. Наоборот, даже самые первые достижения этой отрасли генетики заставляют с ещё большим вниманием отнестись к вопросу о значении «многоярусности» биологических систем, а также о возрастании роли взаимосвязей «между уровнями» в этих системах.

Далее развитие молекулярной генетики создаёт необходимость разработки таких философских проблем биологии, как взаимоотношения целого и частей или системы и её подсистем и компонентов, проблемы соотношений физико-химического и биологического, непосредственного и опосредованного, случайности и необходимости или различных типов детерминации в генетических процессах.

Новое содержание приобретают теперь и те методологические проблемы, которые возникают при изучении процессов индивидуального развития в их взаимосвязи с преобладанием как филогенетической, так и онтологической (например, при делении соматических клеток, регенерации органов и тканей, восстановлении химических компонентов, клеточных органелл и т.д.).

Эти проблемы группируются вокруг старой, но теперь предстающей в новом свете проблемы – соотношения и взаимосвязи преформации и эпигенеза. В этой области хотелось бы привлечь внимание к вопросу о возрастании роли самоорганизации в процессах осуществления унаследованной «программы» индивидуального развития.

Значение проблемы самоорганизации недооценивается в генетике. Если говорить о рамках представимости множества признаков организма в совокупности макромолекул ДНК и РНК, то в принципе ограничений нет: число возможных сочетаний знаков генетического кода в этих молекулах практически не ограничивает «информационную емкость» этого аппарата. Но реальная программа индивидуального развития использует, вероятно, лишь очень малую часть таких возможностей (мы не касаемся здесь вопроса о необходимости её дублирования и о других проявлениях «избыточности», необходимой для обеспечения надежности её передачи). Давно используемое в генетике понятие норм реакций, определяемых генотипом, ближе к понятию самоорганизации, но не совпадает с ним.

В качестве иллюстрации приведу пример из социальной области, где явления такого типа выражены более наглядно, хотя в иных формах и, конечно, с другим содержанием. Составляется программа действий большой армии. Несомненно и

бесконечное число возможных сочетаний букв и слов, и возможность размещения этих сочетаний с достаточной разборчивостью на имеющихся в штабе листах бумаги. Однако ни один командующий армии не прописывает все действия каждого солдата или каждого младшего офицера.

Живые организмы представляют собой сложные «иерархические» системы. Но это – иерархия особого рода, основанная не на одностороннем подчинении, а скорее на взаимодействиях относительно самостоятельных образований, сохраняющих способность к самоуправлению и собственной активности. Это в наибольшей мере присуще тем процессам эмбриогенеза, которые относятся к «регуляционному» типу (например, у позвоночных). Поэтому в процессах такого типа сохраняются более широкие возможности «дорегулировать» исходную программу или отклонения от неё, чем в процессах эмбриогенеза, относящихся к «детерминационному» типу (например, у насекомых). Но если программа должна включать «команды» преимущественно для самоорганизующихся подсистем и компонентов, то ясно, что общее количество информации в такой программе может быть гораздо меньше, чем если бы потребовались направляющие воздействия на развитие всех без исключения мельчайших компонентов. Кроме того, необходимо помнить идею усиления регулирования, которую высказал У.Р. Эшби, имея в виду процессы индивидуального развития: очевидно, использование самоуправляемых автономных подсистем и компонентов – это и есть одна из форм усиления регулирования, производимого относительно малым количеством «команд». Это возможно, как всякое вообще усиление, только за счёт каких-то собственных ресурсов, накопленных в регулируемых частях, – в данном случае за счёт сохранения тех способностей к самоорганизации и саморегулированию, которые были накоплены ещё на ступени одноклеточных, а также за счёт новых приобретений такого типа, выработанных в ходе эволюции эмбриогенеза многоклеточных.

Доведение генетического анализа до элементарных физико-химических взаимодействий, равно как применение идей кибернетики, позволяет теперь уточнить постановку и тех фундаментальных проблем генетики, вокруг которых шли основные дискуссии.

Одним из спорных, ещё с конца XIX века, был вопрос о том, существует ли «вещество наследственности» и является ли оно свойством живого тела во всей его целостности, интеграции, и нет ли в нём особого вещества, выполняющего функции специфического материального носителя наследственности. Давно доказано, что в клетке имеются вещества, идентифицируемые теперь совершенно точно как полимеризованные молекулы ДНК и

РНК, которые выступают в качестве уникального по своим возможностям и по своей роли носителя генетической информации.

Рассматривая этот вопрос в его философском аспекте, надо подчеркнуть, что существование органической целостности не может служить аргументом в пользу отрицания выделенности и специфичности главных вещественных носителей генетических функций. Органическая целостность живого и выделенность его специализированных частей и элементов выступают в диалектическом единстве. То есть в таком единстве, которое включает относительную самостоятельность и опосредованные взаимосвязи этих частей и элементов. В биологии концепция целостности одержала победу. Однако сама эта концепция выходит далеко за пределы биологии. Целое повсюду больше своих частей, части являются упорядоченными членами целого, где они, будучи разъединёнными с единым целым, теряют свой смысл (Дессауэр 2017, с.136).

Таким образом, нет никаких логических и фактических оснований для отказа от понятия дискретных и специализированных единиц и вещественных носителей функции наследственности – генов. Положения о целостности организма и о концентрации специализированных функций наследственности в реально обособленных органах (гонадах) и даже в молекулярных компонентах клетки (то есть именно веществах), очевидно, не исключают, а взаимно дополняют одно другое.

Но само понятие гена не оставалось неизменным. Понятие дискретной вещественной единицы, выполняющей функции корпускулярного носителя наследственности (разумеется, какого-то ее фрагмента), занимало важное место уже в первых научных гипотезах (К. Нэгели, Ч. Дарвина и Г. Спенсера) о природе наследственности, выдвинутых в XIX веке. Термин «ген» введен В. Йогансенем вне связи с какой-либо гипотезой о его природе. Содержание этого понятия существенно изменялось по мере углубления научного познания природы генетических процессов. Классические представления о гене изменились и в том отношении, что он не считается абсолютно неделимой единицей.

Предпосылкой молекулярной биологии явилась конвергенция различных порядков знания в единой исследовательской перспективе. Сегодня легко получают рекомбинантный инсулин, получают терапевтические моноклональные антитела и т.д. Такие методы позволяют взять участок ДНК (ген) из одной клетки, внести его в другую клетку и заставить там работать, например, ген человеческого инсулина вставить в бактерию, и бактерия будет производить человеческий инсулин, который можно будет выделить, запаковать и продать. Наука может производить товары, которые могут обладать огромной стоимостью. Метод ПЦР (по-

лимеразная цепная реакция) позволяет добиться значительного увеличения малых концентраций определенных фрагментов нуклеиновой кислоты ДНК и РНК в биологическом материале (пробе). Он широко используется в биологической и медицинской практике, например для диагностики заболеваний, для установления отцовства, для клонирования генов.

По мере развития научных исследований и техники, был разработан метод CRISPR-Cas² – на сегодня один из наиболее востребованных инструментов генной терапии. «Генетические ножницы» могут воздействовать на геном клеток *ex vivo* и *in vivo*. Хотя может показаться, что вырезание безопаснее вставки, так как ничего нового не добавляется, на самом деле это не так. Риск развития осложнений после применения генотерапии и CRISPR-Cas примерно одинаков: всегда существует вероятность, что генетические ножницы вырежут что-то не там и уберут «ненужное».

Данные проблемно-ориентированные исследования выступают как основание для интегрированного обозначения реальности, в котором предметность естествознания совмещается с возможными мирами гуманитарного знания (Ардашкин 2012).

В таких исследованиях принципиально иной подход к пониманию субъектно-объектных отношений и природы самого субъекта. Сам объект-природа, которым пытаются манипулировать ученый и инженер, не существует отдельно от выросшего и «паразитирующего» на её теле ответственного организма, в интересах которого, в конечном счете, действует или должна действовать любая наука и техника. Поэтому «исследуемый объект» включает в себя и обладающие правом на самостоятельные мнение и действия субъектов, интересы которых могут затрагивать конкретные научные проекты (Латур 2003).

Ученый должен постоянно осуществлять рефлекссию своей собственной научно-технической деятельности, соотнося свои действия с исследуемой им природой не как с безжизненным объектом манипулирования, а как с живым организмом, способным, кроме того, иметь собственное мнение и свободу действий, а иногда и неоднозначно отвечать на некорректно или слишком жестко поставленные исследователем и проектировщиком вопросы, например, катастрофы, вызванные неадекватной технической реализацией, основанной на слишком самоуверенной научной предпосылке.

² Исино Ёсидзуми – японский молекулярный биолог, известный своим открытием последовательности ДНК, состоящей из кластеризованных регулярно расположенных коротких палиндромных повторов (CRISPR). Масштабное изучение CRISPR начал испанский исследователь Франсиско Мохика.

Заключение

Как писал поэт Райнер-Мария Рильке: «...вступает в нас будущее, чтобы стать нами еще задолго до того, как оно обретет жизнь» (Рильке 2020). Мы не должны забывать о том, что эпоха, в которой мы сейчас живем, эпоха-антропоцен, или эпоха человека, первый раз в истории мира свидетельствует о том, что человеческая активность играет существенную роль в формировании всех экосистем Земли. Современные сложности выглядят настолько же устрашающими, насколько захватывающими оказываются открывающиеся возможности (Шваб 2016).

В нанотехнонауке можно перескакивать от одной специализированной картины мира к другой, например, от биологической к физической, а затем к химической онтологии, от одной теоретической схемы к другой, не обращая внимания на то, что они принадлежат различным научным теориям. Например, «группа исследователей из Японии подтвердила осуществимость использования искусственно синтезированных ДНК, снабженных протеиновым мотором, действующим на основе химической энергии, в качестве систем доставки определенных молекул. Этот принцип является типичным для работы мускулов и нервных клеток, которые способны автономно двигаться за счет преобразования химической энергии в механическую работу» (Горохов 2015, с.165).

Такие прыжки от одной теоретической схемы к другой, от одной дисциплинарной картины мира к иной возможны потому, что нанотехнонаука ориентируется на абстрактное представление «гибридных» наносистем. Предельно общие представления о

наносистемах и наноструктурах по сути дела представляют собой нанокартину мира – наноонтологию.

В силу принципиальной трансдисциплинарности нанотехнологий каждый участвующий в разработке специалист выступает как «частичный» эксперт. Кроме того нанотехнологии затрагивают множество социальных, гуманистических, этических вопросов, выходящих за пределы компетенции естествоиспытателей и инженеров и являющихся прерогативой социо-гуманитарных наук.

Вновь возникает конфронтация в применении методологического аппарата нескольких наук и проблема взаимодействия разных методов схватывания одного объекта. Неклассический и постнеклассический типы научной рациональности (Стёпин, с. 332–334) строятся с учётом принципа дополнительности Н. Бора (Порус, 2002), заключающегося в том, что каждая форма знания, каждый метод раскрывает объект только с одной специфической стороны. Когда разные науки концентрируются на одном объекте, им удается на уровне предмета, на уровне того, что с помощью

метода извлекается из объекта, показать разные стороны одной и той же сущности, разные стороны одного объекта и объединить их в междисциплинарном предмете.

Человечество создаёт новые технические объекты из самого себя в оппозиции естественной природе, последовательно подменяя последнюю искусственной природой (Нестеров 2017, с. 99). Наиболее сложная проблема в области оценки биотехнологических рисков заключается в том, что в условиях отсутствия количественных данных заключения делаются на основе опроса экспертов. В силу невозможности проведения эксперимента на человеческом геноме нет однозначных ответов на такие вопросы, как, например, сработают ли репарационные системы в организме человека на искусственно внесенные ошибки?

Сложность возникает тогда, когда внутренняя логика науки сталкивается с внешними факторами, такими как традиционные ценности, политические задачи, задачи, которые ставит технология в интересах социума. Когда наука с ними сталкивается, возникают внешние детерминанты (внешние условия её деятельности), накладывающие ограничения на возможности экспериментирования. Например, практика гуманистической оценки оружия основана на тезисе о том, что технические объекты сами по себе имеют свойства, способствующие или препятствующие реализации ценностей. Запрещенные виды оружия не обладают субъективностью и не участвуют в человеческой деятельности, не транслируют ценности, но при любом своем применении вне зависимости от обстоятельств приводят к необоснованным убийствам военных, бессмысленным жертвам среди гражданского населения (Ястреб 2020).

Трудности с социальными последствиями техники, с этическим самоопределением инженера имели место всегда. Однако сегодня общество находится в принципиально новой ситуации, когда непринятие во внимание последствий внедрения новой техники и технологий способно привести к необратимым негативным результатам для всего человечества и всей биосистемы нашей планеты.

Библиографический список

Bannikov, A.V. and Lavrov, A.V. (2017), CRISPR/CAS9, the King of Genome Editing Tools, *Mol Biol (Mosk)*, Jul-Aug, no. 51(4), pp. 582–594, DOI: <http://doi.org/10.7868/S0026898417040036>.

Gupta, D., Bhattacharjee, O., Mandal, D., Sen, M.K., Dey, D., Dasgupta, A., Kazi, T.A., Gupta, R., Sinharoy, S., Acharya, K., Chattopadhyay, D., Ravichandiran, V., Roy, S. and Ghosh, D. (2019), CRISPR-Cas9 system: A new-fangled dawn in gene editing, *Life Sci*, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.lfs.2019.116636>.

Latur, B. (2000), When things strike back: A possible contribution of «science studies» to the social sciences, *Brit. j. of sociology*, vol. 51, no 1, pp. 107–123.

Mojica, F.J., Díez-Villaseñor, C., García-Martínez J. and Soria, E. (2005), Intervening sequences of regularly spaced prokaryotic repeats derive from foreign genetic elements, *Journal of Molecular Evolution*, vol. 60, no. 2, pp. 174–182, DOI: <http://doi.org/10.1007/s00239-004-0046-3>.

Nägeli, C. (1884), *Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre*, München, Leipzig, 822 p.

Searle, John. R. (1980), Minds, brains, and programs, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 3 (3), pp. 417–457.

Wang, S.W., Gao, C., Zheng, Y.M., Yi, L., Lu, J.C., Huang, X.Y., Cai, J.B., Zhang, P.F., Cui, Y.H., Ke, A.W. (2022), Current applications and future perspective of CRISPR/Cas9 gene editing in cancer, *Mol Cancer*, Feb 21, 21(1), 57, DOI: <http://doi.org/10.1186/s12943-022-01518-8>.

Xu, X., Liu, C., Wang, Y., Koivisto, O., Zhou, J., Shu, Y. and Zhang, H. (2021), Nanotechnology-based delivery of CRISPR/Cas9 for cancer treatment, *Adv Drug Deliv Rev*, Sep 176:113891, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.addr.2021.113891>.

Ардашкин И.Б. Онтологические основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 320. № 6. С. 58.

Горохов В.Г. Эволюция инженерии: от простоты к сложности. Москва: ИФРАН, 2015. 199 с.

Гребенщикова Е.Г. Трансдисциплинарная парадигма в биоэтике // Знание. Понимание. Умение. Москва: МосГУ. 2010. № 2. С. 79–83.

Дарвин Ч. Происхождение видов. Изд-во АН СССР, 1939. 287 с.

Дессауэр, Ф. Спор о технике: монография / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.

Йоганнсен В.Л. О наследовании в популяциях и чистых линиях. Москва. Ленинград. ОГИЗ-Сельхозгиз, 1935. С. 6.

Карпинская Р.С. Теория и эксперимент в биологии. Мировоззренческий аспект. Москва: Наука, 1984. 160 с.

Князева Е. Трансдисциплинарность: в поисках оснований синтеза научного знания // Трансдисциплинарность в философии и науки: подходы, проблемы, перспективы. Под.ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. Москва: Издательский дом «Навигатор», 2015. 564 с.

Курцвейл Р. Эволюция разума или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. Москва: «Эксмо», 2018. 352 с.

Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология. Москва, Саратов: ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. 240 с.

Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. С. 99.

Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. Москва, 2002. 352 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс, 1986. 432 с.

Рильке Р.М. Письма к молодому поэту. Москва: АСТ, 2020. С. 13.

Степин В.С. Теоретическое знание. Москва, 1999. 472 с.

Спенсер Г. Основные начала. С.-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелева, 1897. С. 467.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва: Эксмо, 2016. 138 с.

Эшби У.Р. Введение в кибернетику. Москва: Ленанд, 2021. 432 с.

Ястреб Н.А. Оружие и современный искусственный интеллект: два варианта отрицания ценностной нейтральности технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 58. С. 6.

Официальный сайт Президента Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67119> (дата обращения 8.11.2023).

References

Bannikov, A.V. and Lavrov, A.V. (2017), CRISPR/CAS9, the King of Genome Editing Tools, *Mol Biol (Mosk)*, Jul-Aug, no. 51(4), pp. 582–594, DOI: <http://doi.org/10.7868/S0026898417040036>.

Gupta, D., Bhattacharjee, O., Mandal, D., Sen, M.K., Dey, D., Dasgupta, A., Kazi, T.A., Gupta, R., Sinharoy, S., Acharya, K., Chattopadhyay, D., Ravichandiran, V., Roy, S. and Ghosh, D. (2019), CRISPR-Cas9 system: A new-fangled dawn in gene editing, *Life Sci*, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.lfs.2019.116636>.

Latur, B. (2000), When things strike back: A possible contribution of «science studies» to the social sciences, *Brit. j. of sociology*, vol. 51, no 1, pp. 107–123.

Mojica, F.J., Díez-Villaseñor, C., García-Martínez J. and Soria, E. (2005), Intervening sequences of regularly spaced prokaryotic repeats derive from foreign genetic elements, *Journal of Molecular Evolution*, vol. 60, no. 2, pp. 174–182, DOI: <http://doi.org/10.1007/s00239-004-0046-3>.

Nägeli, C. (1884), *Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre*, München, Leipzig, 822 p.

- Searle, John. R. (1980), Minds, brains, and programs, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 3 (3), pp. 417–457.
- Wang, S.W., Gao, C., Zheng, Y.M., Yi, L., Lu, J.C., Huang, X.Y., Cai, J.B., Zhang, P.F., Cui, Y.H., Ke, A.W. (2022), Current applications and future perspective of CRISPR/Cas9 gene editing in cancer, *Mol Cancer*, Feb 21, 21(1), 57, DOI: <http://doi.org/10.1186/s12943-022-01518-8>.
- Xu, X., Liu, C., Wang, Y., Koivisto, O., Zhou, J., Shu, Y. and Zhang, H. (2021), Nanotechnology-based delivery of CRISPR/Cas9 for cancer treatment, *Adv Drug Deliv Rev*, Sep 176:113891, DOI: <http://doi.org/10.1016/j.addr.2021.113891>.
- Ardashkin, I.B. (2012), Ontologicheskie osnovaniya problemno-orientirovannyh issledovaniy, *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 320, no. 6, pp. 58.
- Gorohov, V.G. (2015), *Evolyuciya inzhenerii: ot prostoty k slozhnosti*, IFRAN, Moscow, Russia.
- Grebenshchikova, E.G. (2010), Transdisciplinarnaya paradigma v bioetike, *Znanie. Ponimanie. Umenie*, MosGU, Moscow, Russia, no. 2, pp. 79–83.
- Darvin, C.H. (1939), *Proiskhozhdenie vidov*, Izdvo AN SSSR.
- Dessauer, F. (2017), *Spor o tekhnike*, monografiya, translate A.Yu. Nesterov, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.
- Iogannsen, V.L. (1935), *O nasledovanii v populyatsiyah i chistyh liniyah*, OGIZ-Sel'hozgiz, Moscow, Leningrad.
- Karpinskaya, R.S. (1984), *Teoriya i eksperiment v biologii. Mirovozzrencheskij aspekt*, Nauka, Moscow, Russia.
- Knyazeva, E. (2015), Transdisciplinarnost': v poiskah osnovaniy sinteza nauchnogo znaniya, *Transdisciplinarnost' v filosofii i nauki: podhody, problemy, perspektivy*, V. Bazhanova, R.V. SHol'ca ed., Izdatel'skij dom Navigator, Moscow, Russia.
- Kurcvejl, R. (2018), *Evolyuciya razuma ili beskonechnye vozmozhnosti chelovecheskogo mozga, osnovannye na raspoznavanii obrazov*, Eksmo, Moscow, Russia.
- Nazaretyan, A.P. (2019), *Civilizacionnye krizisy v kontekste Universal'noj istorii: sinergetika, psihologiya i futurologiya*, PER SE, Aj Pi Er Media, Moscow, Saratov, Russia.
- Nesterov, A.Yu. (2017), *Semioticheskie osnovaniya tekhniki i tekhnicheskogo soznaniya: monografiya*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.
- Porus, V.N. (2002), *Racional'nost'. Nauka. Kul'tura*, Moscow, Russia.
- Prigozhin, I. and Stengers, I. (1986), *Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s pri-rodoy*, Progress, Moscow, Russia.
- Ril'ke, R.M. (2020), *Pis'ma k molodomu poetu*, AST, Moscow, Russia.
- Stepin, V.S. (1999), *Teoreticheskoe znanie*, Moscow, Russia.
- Spenser, G. (1897), *Osnovnye nachala*, Izdanie L.F. Panteleva, S.-Peterburg, Russia.
- SHvab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya*, Eksmo, Moscow, Russia.
- Eshbi, U.R. (2021), *Vvedenie v kibernetiku*, Lenand, Moscow, Russia.
- Yastreb, N.A. (2020), Oruzhie i sovremennyy iskusstvennyy intellekt: dva varianta otricaniya cennostnoj nejtral'nosti tekhnologii, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 58, pp. 6.
- Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossijskoj Federacii*, [Online], available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67119> (Accessed 8 November 2023).

Submitted: 05.09.2023

Revised: 15.11.2023

Accepted: 11.12.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47

Дата поступления: 01.09.2023
рецензирования: 13.10.2023
принятия: 30.11.2023

Е.С. Шевченко

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: e.shevchenko@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

Д.В. Герченева

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: parphenos@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0244-5954>

Семиотика художественного языка В. Набокова в свете теории символизации Н. Гудмена

Аннотация: статья посвящена проблемам авторского стиля В. Набокова, рассматриваемого с позиций семиотики. В качестве материала исследования привлекается русскоязычная проза, созданная В. Набоковым в берлинский период его жизни: романы «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Подвиг», «Камера обскура», «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар» и рассказы из сборника «Возвращение Чорба». Рассматриваются особенности словесного знака в набоковском тексте, а также изобразительно-выразительные возможности словесных образов в произведениях писателя. Благодаря привлечению в качестве методологического обоснования всеобщей теории символов Н. Гудмена и теории интермедиальности О.А. Ханзена-Лёве, открываются возможности интерпретации набоковской поэтики как «мерцающей», метафорической, «поликодовой». В качестве «кода» набоковских образов рассматриваются не только словесные знаки сами по себе, но и перевод их в знаки других искусств, прямо со словом не связанных, – живописи, кинематографа, архитектуры. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что у В. Набокова словесный знак стремится к максимальной зрительной выразительности, перенимая на себя некоторые свойства знака иконического. Благодаря избранному подходу были достигнуты новые результаты в изучении художественного языка В. Набокова, исследован визуальный метафорический потенциал его слова.

Ключевые слова: В. Набоков; Н. Гудмен; О.А. Ханзен-Лёве; литература русского зарубежья; символические системы; синестезийное мировосприятие; интермедиальность.

Цитирование: Шевченко Е.С., Герченева Д.В. Семиотика художественного языка В. Набокова в свете теории символизации Н. Гудмена // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 40–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Шевченко Е.С., 2023 – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Герченева Д.В., 2023 – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.S. Shevchenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: e.shevchenko@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2400-6856>

D.V. Gerchenova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: parphenos@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0244-5954>

Semiotics of V. Nabokov's artistic language in the light of N. Goodman's theory of symbolization

Abstract: the article is devoted to the problems of V. Nabokov's author's style, considered from the standpoint of semiotics. Russian-language prose created by V. Nabokov during the Berlin period of his life is used as research material: the novels "Mary", "King, Queen, Knave", "The Luzhin Defense", "Glory", "Camera Obscura", "Despair", "Invitation to a Beheading", "The Gift" and stories from the collection "The Return of Chorb". The features of the Nabokov's text verbal sign, as well as the visual and expressive capabilities of the verbal images in the writer's works are considered. Thanks to the use of N. Goodman's general theory of symbols and Aage A. Hansen-Löwe's theory of intermediality as a methodological basis, the possibility of interpreting Nabokov's poetics as "flickering," metaphorical, "polycode" opens up. As a "code" of Nabokov's images, not only verbal signs themselves are considered, but also their translation into signs of other arts that are not directly related to words - painting, cinema, architecture. As a result of the study, the authors come to the conclusion that V. Nabokov's verbal sign strives for maximum visual expressiveness, taking on some of the properties of the iconic sign. Thanks to the chosen approach, new results were achieved in the study of V. Nabokov's artistic language.

Key words: V. Nabokov; N. Goodman; O.A. Hansen-Löwe; Russian literature abroad; symbolic systems; synesthetic worldview; intermediality.

Citation: Shevchenko, E.S. and Gerchenova, D.V. (2023), Semiotics of V. Nabokov's artistic language in the light of N. Goodman's theory of symbolization, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 40–47, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Shevchenko E.S., 2023** – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Gerchenova D.V., 2023** – post-graduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

При проведении литературоведческого исследования важно учитывать множество составляющих. В первую очередь, это сам текст, являющийся предметом исследования, со всеми его особенностями – композиционно-структурными, стилевыми, семантическими. Перед исследователем постоянно возникает вопрос, как интерпретировать текст, какая интерпретация в полной мере открывает его смысл. Важно понимать также то, в какую эпоху текст был создан, каково было на тот момент состояние культуры, какие социальные события имели место, каким было развитие общества, какие открытия совершались в то время.

Произведения Владимира Набокова, которым посвящено наше исследование, относятся к эпохе модернизма. В этот период шел поиск новых форм художественной выразительности, нового творческого инструментария. В своих поисках писатели обращались к возможностям других искусств. Исследователю же для верной интерпретации приемов, заимствованных из других искусств и переведенных на язык литературы, необходимо знать,

по каким законам эти искусства существуют и развиваются. В этом неоценимую помощь способна оказать герменевтика – наука о понимании текста и его интерпретации, а также теория интермедальности, которая это понимание углубляет в случае взаимодействия литературы с другими искусствами или творческими практиками (Давиденко 2023, Илунина 2023, Хаминаова, Зильберман 2014, Хаминаова 2016). Безусловно, для того, чтобы лучше понимать, что такое интермедальность и на чем это явление основывается, необходимо разобраться в том, что такое «медиа». В переводе с английского "media" означает «знаковая система, код», «изобразительные средства». Если принять «медиа», «медиальность» за способ воспроизведения мира, то представляется целесообразным обратиться не только к рецептивной эстетике и теории интерпретации текста, но и к теории американского философа Нельсона Гудмена о способах создания миров.

При работе с текстами писателей-модернистов учет социальных и культурных особенностей крайне важен, так как время их творчества

пришлось на поиск новых способов обращения со словом. Для них оказались тесными традиционные формы и приемы, они желали большего, обратив свой взгляд на другие искусства, заимствуя их инструментарий и адаптируя его к литературным произведениям, что было обусловлено новым художественным зрением, новым видением мира (Лавлинский 2005).

Цель работы заключается в изучении изобразительно-выразительных возможностей слова у В. Набокова. Художественный язык писателя при этом рассматривается не столько в собственно лингвистическом ракурсе, сколько в плане символической перспективы, что обусловлено природой модернистского мировидения в целом и особенностями набоковского зрения в частности. Для достижения поставленной цели были использованы уже применявшиеся к творчеству В. Набокова подходы, как, например, интермедialная поэтика, границы и понимание которых в отношении рассматриваемого материала – русскоязычных романов писателя «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Подвиг», «Камера обскура», «Отчаяние», «Приглашение на казнь», «Дар» и рассказов из сборника «Возвращение Чорба» – были расширены, так и не применявшаяся ранее теория символизации Н. Гудмена. В ходе исследования были использованы структурно-описательный, сравнительно-сопоставительный и герменевтический методы. Потенциал литературы как искусства, оставляющего простор для воображения и зрения, помогли раскрыть работы Н. Гудмена «Способы создания миров» (Гудмен 2001) и «Языки искусства: подход к теории символов» (Goodman 1976), посвященные проблемам символизации и созданию «возможных миров» в литературе и искусстве, и теория интермедialности Оге А. Ханзена-Лёве, изложенная им в книге «Интермедialность в русской культуре. От символизма к авангарду» (Ханзен-Лёве 2016). Оба исследователя разработали новые принципы интерпретации текста и методики его анализа, которые оказались чрезвычайно полезны в отношении модернистских текстов В. Набокова.

Ход исследования

До 60-х годов XX века литературное произведение было принято рассматривать замкнуто, изолированно от всего, при этом не учитывалось, как искусство воспринимается и как воздействует. Современная герменевтика опирается на структуралистские, лингвистические и коммуникативные концепции, поскольку в них учитывается реципиент. Н. Гудмен рассматривает вопрос о цитировании как о способе взаимодействия различных миров. Когда речь идет о цитировании литературных текстов, проблем не возникает: есть прямое цитирование (прямая речь), есть косвенное (косвенная

речь). Когда же Н. Гудмен обращается к вопросу о цитировании в музыке или живописи, то обнаруживает проблему. В музыке он считает возможным ввести кавычки: так же, как и в литературных текстах, письменно кавычки существовать будут, а при исполнении музыкального произведения можно, например, делать паузу, как это происходит в речи. Труднее дело обстоит с живописью. Во-первых, что в живописи принять за аналог кавычек? Во-вторых, насколько точно должна быть воспроизведена цитируемая картина, чтобы было понятно, что это цитата? И как быть, если цитируется не отдельная картина, а ряд картин одного художника или картины определенного периода? Как разграничить цитирование прямое и косвенное? В случае с интертекстуальностью – присутствием одного текста в другом в рамках одного искусства – возникает много проблем. Еще больше их обнаруживается в случае с интермедialностью – взаимодействием разных видов искусства (разных «медиа»). Какие способы цитирования приемлемы в этом случае? Учитывая то, что искусства сосуществуют долгое время, исследователю нужно знать инструментарий каждого из них, чтобы суметь выявить черты разных видов искусства в одном. И в таком случае оказывается возможно наблюдать за способами взаимодействия, то есть за способами цитирования одним произведением другого или одним искусством другого. И даже тогда цитирование, о котором пишет Н. Гудмен, будет носить условный характер: полное разграничение цитируемого и цитирующего представляется невозможным.

В произведениях В. Набокова размытие этой границы особенно ощутимо. В. Набоков, как и другие писатели-модернисты, в поисках нового зрения обращался к приемам и техникам, свойственным другим видам искусства, и адаптировал их к литературному тексту. Поворот в сторону визуальных искусств привел к феномену опространствливания литературы – термин, введенный Д. Фрэнком (Фрэнк 1987), когда средствами языка писатели стремятся достичь того, чего достигают художники, фотографы, операторы: запечатлевают широкий спектр событий, происходящих в один момент времени в нескольких местах, представляют событие в разных ракурсах, с разных точек зрения. Языку, как известно, свойственно обращаться с материалом во времени: по мере того как читатель следует за строкой, время проходит, и подразумевается, что произведение также выстроено по законам времени, пусть и несколько условно. События происходят одно за другим. Благодаря поиску новых средств, стало возможно запечатлевать происходящее как бы вне времени – пространственно. Еще Г.Э. Лессингом было подмечено, что литература и изобразительные искусства используют разные средства и должны раз-

личаться законами, управляющими их созданием (Лессинг 1985). Это необходимо для осознания того, что, в какой бы степени ни владел писатель приемами, взятыми из другого искусства, заимствование будет носить условный характер: в итоге перед читателем – литературное произведение, перед зрителем – картина, фотография, фильм. Восприятие такого произведения искусства с заимствованными техниками на более глубоком уровне осуществимо только при условии понимания того факта, что более или менее достоверная интерпретация произведения возможна только при обращении к опыту других искусств.

Н. Гудмен пишет о том, что существуют системы координат, в которых что-либо описывается; и когда что-то описано, то больший интерес вызывает сама система координат, в которой это описано, чем сам предмет. Что бы люди ни описывали, они ограничены способами описаний. И эти способы занимают нас больше, чем само описываемое. Н. Гудмен, рассуждая о множестве миров, задается вопросом о том, что считать миром, а что нет. Он предлагает считать разновидностью мира любой мир, реально существующий. Физикалисты опровергали любой мир, не сводящийся к физике, Н. Гудмен же оспаривает их точку зрения, аргументируя собственную позицию противоречивостью и непостоянством, свойственными самой физике. Также он утверждает, что миры, так же, как и их вселенные, могут быть построены разными способами. Существование мира невозможно без слов или каких-либо символов, тогда как обратное возможно: слова могут существовать сами по себе, не будучи отнесенными к определенному миру. Создание нового мира – это переделывание миров, уже существующих (Гудмен 2001). Нечто подобное мы наблюдаем у В. Набокова. Его интермедиальная поэтика предполагает, что приемы, изначально присущие одному виду искусства, ассимилируются в другом виде искусства, перестраивая также и его по своим законам. В результате появляется новый язык, в котором уже становится сложно вычленивать приемы того или другого искусства, настолько соприродными и сопричастными становятся они для этого искусства.

Н. Гудмен отмечает следующие особенности человеческого восприятия: мы можем распознать и воспринять только то, к чему подготовлены. Из ряда того, что человек чувствует или помнит, он дает себе отчет только в том, что может быть полезно ему в его картине мира, что его миру может быть подчинено и в него вписано. И для того, чтобы распознавать интермедиальные взаимодействия, необходимо знать законы, по которым существуют разные искусства, приемы, которыми оперирует каждое из них. В процессе восприятия взаимодействие реципиента с произведением искусства, в том числе и литературным, проходит

три этапа: восприятие – понимание – интерпретация. Понимание в освоении новых явлений следует за восприятием, и поэтому необходимо учитывать личность и сознание реципиента (Гудмен 2001).

В. Набоков создавал свои романы, используя визуальные техники, свойственные живописи, фотографии, кинематографу. «Иное», отличное от общепринятого, зрение и восприятие, подчеркивается в его произведениях и на сюжетно-фабульном уровне. Так, в романе «Дар» обыгрывается синестезийное мировосприятие, которое, как известно, было свойственно и самому писателю. Набоковские герои «наследуют» подобный опыт от автора. К примеру, Годунов-Чердынцев в разговоре с другим героем-писателем – Кончеевым – говорит о том, что с детства наделен цветным слухом – «auditioncoloree»: «...различные, многочисленные “а” на тех четырех языках, которыми владею, вижу едва ли не в стольких же тонах – от лаково-черных до занозисто-серых...», «розовое фланелевое “м”», «сияющее “с”» (Набоков 1990, т. 3, с. 167). Буквы и звуки уподобляются краскам, а сам роман начинает походить на импрессионистическую живопись со свойственной ей эмоциональностью и суггестивностью цвета, формы и фактуры. Читатель одновременно слышит, чувствует и ощущает гладкую или шероховатую фактуру звучащего слова, о чем так проникновенно говорит герой. Как мы помним, роман посвящен «дару» (таланту, гениальности), и здесь упоминание В. Набоковым обостренного восприятия цветов в сочетании со словом не случайно: не только герою оно свойственно, но и биографическому автору. Известно, что мать писателя взращивала в нем это свойство. Она перебирала вместе с сыном свои драгоценные камни, приучая его воспринимать цветовую гамму в тончайших нюансах. Сам В. Набоков умел видеть оттенки цвета, неразличимые глазом обычного человека. Данный фрагмент текста свидетельствует о развитости у Годунова-Чердынцева эстетического чутья (а эта часть текста, безусловно, автобиографична); он воспринимает мир, и даже текст, через цвета, через визуальное.

На ином семантическом полюсе находится, как нам кажется, киномедиальность (Герченева 2018, Шевченко 2018, Шиньёв 2010, Ipshita 2011, Grishakova 2006). Если с живописью связано подлинное, то с кинематографом – пошлое. Наше предположение подтверждает высказывание самого писателя. В интервью 1967 года В. Набоков заметил, что «кинематограф, как правило, опощляет роман, упрощая и искажая его своей кривой линзой» (Nabokov 2000, p. 354). В некоторые моменты действие набоковских романов напоминает воспроизведение кинофильма (Мартьянова 2002). Для того чтобы этого достичь, писателю

необходимо знать некоторые законы создания кино изнутри. Сам Набоков в начале пребывания в Берлине работал статистом на немецкой студии, где зарабатывал до 10 марок в день. Именно в этот период он пробует писать киносценарии, однако идея проваливается из-за постоянных отказов студий, а много позже, уже в Америке, удача, наконец-то, улыбнется ему, и он будет номинирован на «Оскар» за лучший адаптированный сценарий к фильму «Лолита». Хотя кино никогда не было для Набокова самоцелью.

В романе «Машенька» главный герой Ганин живет в дешевом пансионе в Берлине, при этом автор, описывая его жизнь, использует сравнение с кинопроизводством: «Вся жизнь ему представлялась той же съемкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует» (Набоков 1990, т. 1, с. 50). Так же сам автор работал статистом в кино, по его собственным словам, «продавая свою тень». В том числе и из этого опыта и появилось у В. Набокова знание законов построения кино.

Н. Гудмен говорит о понятиях экземплификации и экспрессии. Музыка воздействует на человеческий слух, но этим ее воздействие не ограничивается. Начинает работать воображение, и создаются вербальная и визуальная версии мира. То есть получается, что формы и чувства музыки звуком не ограничиваются. Литературное, музыкальное произведения и картина могут нести в себе одни и те же признаки, которые не находятся в пределах их среды. Музыка влияет на зрение, картины – на слух, и оба эти искусства влияют на танец и, в свою очередь, испытывают его воздействие. Представление, выражение, экземплификация являются важными составляющими искусства. Хотя бы одна из них в искусстве должна присутствовать, иначе оно перестает быть таковым. Согласно Ж. Женетту, метафорическая экземплификация – это не что иное, как то, что в обиходе именуется выразительностью (Женетт 1998). Во всех случаях к метафорической экземплификации В. Набоков прибегает для большей выразительности. Кинематографическая техника применяется им в моменты откровенно пошлые или готовые «деградировать» в близкие к пошлости состояния. В рассказе «Возвращении Чорба» разворачивается метафора искусственности происходящего перед глазами читателя (зрителя): «А за поворотом, над сырой панелью, – так неожиданно! – бриллиантами зыблется стена кинематографа. Там увидишь на прямоугольном, светлом, как луна, полотне более или менее искусно дрессированных людей; и вот с полотна приближается, растет, смотрит в темную залу громадное женское лицо с губами, черными, в блестящих трещинках, с серыми мерцающими глазами, – и чудесная глицериновая слеза, продолговато светясь, стекает

по щеке. А иногда появится, – и это, разумеется, божественно, – сама жизнь, которая не знает, что снимают ее, – случайная толпа, сияющие воды, беззвучно, но зримо шумящее дерево» (Набоков 1990, т. 1, с. 285). Автор использует кинематограф в качестве образа, способного запечатлеть жизнь, но не утверждающего реальность этой жизни. В «Машеньке» Ганин не чувствует своей причастности к происходящему, он отчужден от самого себя и от событий собственной жизни, наблюдает за собой со стороны, причем «равнодушно». В «Камере обскуре» разворачивается похожая метафора искусственности происходящего перед глазами зрителя (читателя). Греза о прекрасном, пропущенная сквозь «кривую линзу» кинематографа, превращается для набоковских персонажей в настоящий кошмар. Магда с ужасом и отвращением наблюдает за собой на экране: «Неуклюжая девица на экране ничего общего с ней не имела – она была ужасна, она была похожа на её мать-швейцариху на свадебной фотографии» (Набоков 2000, т. 3, с. 327). Автор использует кинематограф в качестве образа, способного запечатлеть жизнь, но не утверждающего реальность этой жизни. Более того: герой бежит от реальности, не хочет признавать очевидного, готов обманывать и обманываться, лишь бы пребывать в плену у собственной мечты. Мир референций возвращается автором через систему двойного искажения: сначала – обманчивым зрением персонажа, затем – «кривой линзой» кинематографа. Двойное искажение реальности приводит к парадоксальному результату: персонажу открывается пугающая правда, от которой он всеми силами старался избавиться. Магда боится походить на свою «мать-швейцариху», причем не в жизни даже, а запечатленную «на свадебной фотографии». Кречмара зрение обманывает, а слепота оказывается прозрением. Кинематографические и фотографические образы в романах Набокова создают метафору искусственности происходящего перед глазами зрителя. Эмоциональные состояния героев, неустойчивая внутренняя реальность передаются при помощи приемов, напоминающих киноэстетику немецкого экспрессионизма (съемку подвижной камерой, съемку «с острого угла», утрированную мимику и жесты, крупные планы, игру света и тени и т.п.), которая, очевидно, В. Набокову была хорошо знакома. При помощи кинематографического кода Набоков выстраивает образы теней и тьмы, которые метафорически отображают внутреннее состояние его героев. Образы Берлина и его русских обитателей в «Машеньке» созданы в духе киноэстетики немецкого экспрессионизма. Набоков играет тенями, искажает и утрирует границы и очертания предметов, выхолащивая суть и смысл происходящего, превращая мир, в котором существуют герои, в бесплотный фантом: «И когда потом он лег

в постель и слушал поезда, насквозь проходившие через этот унылый Дом, где жило семь русских потерянных теней, – вся жизнь ему представилась той же съемкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует» (Набоков 1990, т. 1, с. 50).

Н. Гудмен считал, что при оценивании права на существование того или иного мира важен критерий истинности. Истина может быть буквальной или метафорической, а также просто иллюстрированной примерами. На первый взгляд может показаться, что важна буквальная истина. При этом в ряде случаев, прежде всего в литературном произведении, более важной является истина метафорическая. Истина теоретических законов отнюдь не является самым важным критерием, поскольку, по мысли Н. Гудмена, существуют еще «убедительность, компактность, организующая сила» (Гудмен 2001). Истина не является единственным критерием, которым надо руководствоваться при создании миров, и не является основой в этом создании; ограничиваться ею совсем не имеет смысла. Для человека простого, не подготовленного к восприятию науки и искусства, самым желанным будет отображение того мира, который он видит и к которому привык в повседневной жизни, мира узнаваемого. Однако художнику не стоит потакать интересам такого зрителя. Ему не стоит стремиться к понятности, иначе, помимо популярности, он ничего не добьется, не придет к профессионализму. Чем у человека больше знаний о том или ином виде искусства, тем больше он способен увидеть, распознать, когда он с произведением соприкасается, поскольку понимание и создание протекают совместно (Гудмен 2001). Эти наблюдения Н. Гудмена представляются нам чрезвычайно важными для понимания эстетических и поэтологических основ творчества В. Набокова, который через обращение к различным сферам искусства вовлекал читателя в процесс со-творчества. Он преднамеренно уводил читателя от поиска смысла в самом содержании произведения (Уланек 2023), запутывая нить событий и в то же время обнажая способы построения текста. Он приглашал читателя понаблюдать за формой, за приемами, стать сопричастным созданию текста, поучаствовать в создании тайны, разгадка которой вовсе не является самоцелью.

Полученные результаты и выводы

Итак, в результате проведенного исследования было установлено, что визуальная активность набоковского слова (словесных знаков, образов, символов), его интермедийные свойства связаны с метафорической экземплификацией – наглядной демонстрацией того, на что слово лишь намекает, так что восприятие, ощущение и понимание образов читателем представляет собой непрерыв-

ный процесс, сопряжение мысли, чувства и воли как авторской, так и читательской, их смешение и взаимодействие. Вслед за автором читателю нужно предпринять целый ряд волевых усилий, чтобы воспринять и осмыслить создаваемые писателем «возможные миры». Эта траектория читательского восприятия в свете теории символизации Н. Гудмена была понята нами как путь от «прямого объяснения» – денотации словесного образа к его «объяснению» через другие явления – экземплификацию. Благодаря избранному подходу, в изучении художественного языка В. Набокова, помимо собственно лингвистической перспективы, открывается символическая перспектива, значимые аспекты которой, ранее остававшиеся вне исследовательского внимания, были проанализированы в нашей статье.

Библиографический список

- Goodman, N. (1976), *Languages of Art*. Hackett Publishing Company, Indianapolis, Indiana, USA.
- Grishakova, M. (2006), *The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction: Narrative Strategies and Cultural Frames*, S. Salupere (ed.), Tartu Univ. Press, Tartu, Estonia.
- Jungenfeld Rodo von. Intersubjectivity and Intermediality in the Work of Serra (2011), *Comparative Literature and Culture*, vol. 13, no. 3, DOI: <http://doi.org/10.7771/1481-4374.1798.org/10.7771/1481-4374.1810>.
- Nabokov, V. (2000), *The Annotated Lolita*, Alfred Appel (ed.), Jr. Penguin Books.
- Герченлова Д.В. Киномедийность прозы В. Набокова // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. Т. 24. № 2. Самара, 2018. С. 113–118. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-113-118>.
- Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров. Москва: Идея-пресс: Праксис, 2001. 376 с.
- Давиденко Я.О., Никонов С.Б., Пую Ю.В. Теоретическое обоснование феномена «интермедийность» в современной науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 1 (175). С. 80–84. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50784947> (дата обращения: 17.08.2023).
- Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике / Перевод с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной и др. В 2-х томах. Т. 1-2. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
- Зенкин С.Н. Imago in fabula. Интрадиететический образ в литературе и кино. Москва.: Новое литературное обозрение, 2023. Вып. 249. 620 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52695569> (дата обращения: 17.08.2023).
- Илунина А.А. Интердискурсивность, интертекстуальность, интермедийность: к вопро-

су о дифференциации понятий // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т; науч. ред.: М.А. Стернина. Москва, 2023. Вып. 29. С. 15–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50064548&pff=1> (дата обращения: 17.08.2023).

Лавлинский С.П. О двух стратегиях художественной репрезентации зримости. К проблеме визуального в литературе // Дискурсивность и художественность: Сб. науч. тр. к 60-летию Валерия Игоревича Тюпы. Москва: Изд-во Ипполитова, 2005. С. 60–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22013322> (дата обращения: 17.08.2023).

Лессинг Г.Э. Избранное. Москва: Худож. лит., 1980. 445 с.

Мартьянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. Санкт-Петербург: САГА, 2002. 236 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21294430> (дата обращения: 17.08.2023).

Набоков В. Собрание сочинений в 4-х томах: Т. 1-4. Москва: Правда, 1990.

Набоков В. Собрание сочинений в 5-ти томах: Т.1-5. Москва: Симпозиум, 1999–2000.

Уланек М. О поэтике эмоций и нежности мира в рассказе В. Набокова «Благодать» // Вопросы литературы. 2023. № 4. С. 57–69. DOI: <http://doi.org/10.31425/0042-8795-2023-4-57-69>.

Фрэнк Дж. Пространственная форма в современной литературе / Джозеф Фрэнк // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Москва: МГУ, 1987. С. 194–213.

Хамина А.А., Зильберман Н.Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22907166> (дата обращения: 17.08.2023).

Хамина А.А. Интермедиальность: от метафоры к технологии // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 80–87. DOI: <http://doi.org/10.17223/23046082/9/6>.

Ханзен-Лёве О.А. Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду / Пер. с нем. Б.М. Скуратова, Е.Ю. Смотрицкого. Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2016. 503 с.

Шевченко Е.С. «Визуальное» versus «вербальное»: интермедиальные практики в литературе модернизма и авангарда // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №2 (30). С. 176–182. DOI: [http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-176-182](http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-176-182).

Шиньёв Е.П. Интермедиальность как механизм межкультурной диффузии в литературе (на примере романов В.В. Набокова «Король, дама, валет» и «Камера обскура») // Вопросы культурологии. № 1. 2010. С. 82–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15237884> (дата обращения: 17.08.2023).

Ipshita, Ch. (2011), An Intermedial Reading of Paley's Sita Sings the Blues, *Comparative Literature and Culture*, vol. 13, no. 3, DOI: <http://doi.org/10.7771/1481-4374.1798>.

References

Goodman, N. (1976), *Languages of Art*. Hackett Publishing Company, Indianapolis, Indiana, USA.

Grishakova, M. (2006), *The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction: Narrative Strategies and Cultural Frames*, S. Salupere (ed.), Tartu Univ. Press, Tartu, Estonia.

Jungenfeld Rodo von. Intersubjectivity and Intermediality in the Work of Serra (2011), *Comparative Literature and Culture*, vol. 13, no. 3, DOI: <http://doi.org/10.7771/1481-4374.1798.org/10.7771/1481-4374.1810>.

Nabokov, V. (2000), *The Annotated Lolita*, Alfred Appel (ed.), Jr. Penguin Books.

Gerchenova, D.V. (2018), Kinomedialnost prozy V. Nakobova, *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia. Pedagogika. Filologiya*, vol. 24, no. 2, pp. 113–118, DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-113-118>.

Gudmen, N. (2001), *Fakt, fantaziia i predskazanie. Sposoby sozdaniia mirov*, Ideia-press: Praksis, Moscow, Russia.

Davidenko, I.O. (2023), Teoreticheskoe obosnovanie fenomena “intermedialnost” v sovremennoi nauke, *Etnosotsium i mezhnatsionalnaia kultura*, no. 1 (175), pp. 80–84, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50784947> (Accessed 17 August 2023).

Zhenett, Zh. (1998), *Figury: Raboty po poetike*, E. Vasileva, E. Galtsova et all. (translate), vol. 1–2, Izd-vo im. Sabashnikovykh, Moscow, Russia.

Zenkin, S.N. (2023), *Imago in fabula. Intradi-eticheskii obraz v literature i kino*, Novoe literaturnoe obozrenie, vol. 249, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=52695569> (Accessed 17 August 2023).

Ilunina, A.A. (2023), Interdiskursivnost, intertekstualnost, intermedialnost: k voprosu o differentsiatsii poniatii, *Iazyk i natsionalnoe soznanie: sb. nauch. tr.*, Voronezh. gos. un-t, Sterнина M.A. (ed.), vol. 29, pp. 15–18. [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50064548&pff=1> (Accessed 17 August 2023).

Lavlinskii, S.P. (2005), O dvukh strategiiakh khudozhestvennoi reprezentatsii zrimosti. K probleme vizualnogo v literature, *Diskursivnost i khudozhestvennost: Sb. nauch. tr. k 60 letiiu Valerii Igorevicha Tiupy*, Izd-vo Ippolitova, pp. 60–70, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22013322> (Accessed 17 August 2023).

Lessing, G.E. (1980), *Izbrannoe*, Khudozh. lit., Moscow, Russia.

- Martianova, I.A. (2002), *Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoi kinematografichnosti*, SAGA, St.-Perersburg, Russia, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21294430> (Accessed 17 August 2023).
- Nabokov, V. (1990), *Sobranie sochinenii*, vol. 1–4, Pravda, Moscow, Russia.
- Nabokov, V. (1999–2000), *Sobranie sochinenii*, vol. 1–5, Simposium, Moscow, Russia.
- Ulanek, M. (2023), O poetike emotsii i nezhnosti mira v rasskaze V. Nabokova «Blagost», *Voprosy literatury*, no. 4, pp. 57–69, DOI: <http://doi.org/10.31425/0042-8795-2023-4-57-69>.
- Frenk, Dzh. (1987), Prostranstvennaia forma v sovremennoi literature, *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX*, MGU, pp. 194–213.
- Khaminova, A.A. and Zilberman, N.N. (2014), Teoriia intermedialnosti v kontekste sovremennoi gumanitarnoi nauki, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 389, pp. 38–45, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22907166> (Accessed 17 August 2023).
- Khaminova, A.A. (2015), Intermedialnost: ot metafory k tekhnologii, *Gumanitarnia informatika*, no. 9, pp. 80–87, DOI: <http://doi.org/10.17223/23046082/9/6>.
- Khanzen-Leve, O.A. (2016), *Intermedialnost v russkoi kulture: Ot simbolizma k avangardu*, B.M. Skuratov, E.Iu. Smotritski (translate), Rossiiskii gos. gumanitarnyi un-t, Moscow, Russia.
- Shevchenko, E.S. (2018), «Vizualnoe» versus «verbalnoe»: intermedialnye praktiki v literature modernizma i avangarda, *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 2 (30), pp. 176–182, DOI: [http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-176-182](http://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-176-182).
- Shinev, E.P. (2010), Intermedialnost kak mekhanizm mezhkulturnoi diffuzii v literature (na primere romanov V.V. Nabokova «Korol, dama, valet» i «Kamera obskura»), *Voprosy kulturologii*, no. 1, pp. 82–88, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15237884> (Accessed 17 August 2023).
- Ipshita, Ch. (2011), An Intermedial Reading of Paley's Sita Sings the Blues, *Comparative Literature and Culture*, vol. 13, is. 3, DOI: <http://doi.org/10.7771/1481-4374.1798>.

Submitted: 01.09.2023

Revised: 13.10.2023

Accepted: 30.11.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.00

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-48-56

Дата поступления: 21.08.2023
рецензирования: 13.10.2023
принятия: 28.11.2023

Л.Г. Тютелова

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tyutelova.lg@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

Л.С. Сидоренко

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lilsidorenko@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-8363-5782>

Роль городского пространства в романе А. Иличевского «Чертеж Ньютона»

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию особенностей городского пространства в современном романе. Целью работы является анализ пространственно-временной организации художественного мира произведения и ее роли в изучении поэтики субъектной сферы произведений Александра Иличевского. В статье предметом исследования служит городское пространство в романе «Чертеж Ньютона» как внесубъектная форма выражения авторского сознания. Оно создается из архитектурных доминант, микромира бытового пространства и макромира города, которые взаимодействуют друг с другом.

Пространство является динамической моделью взаимодействия автора, героя и читателя. Смена пространства в романе отражает внутренние изменения персонажей, указывает на их причины и основные особенности.

Важной для понимания мысли автора, лежащей в основе целостности его художественного мира, становится оппозиция городского и не-городского пространств. Герой на этапе зрелости ощущает потребность в уединении и бежит от людей. Ведя мысленный диалог с отцом и пытаясь пройти его маршрутами, он находит свой собственный путь. И это отражается в динамической картине смены пространств в романе.

Ключевые слова: современный роман; Александр Иличевский; городское пространство; автор; герой; читатель.

Цитирование: Тютелова Л.Г., Сидоренко Л.С. Роль городского пространства в романе А. Иличевского «Чертеж Ньютона» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 48–56. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-48-56>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Тютелова Л.Г., 2023** – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Сидоренко Л.С., 2023** – аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.G. Tutelova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: tyutelova.lg@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

L.S. Sidorenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: lilsidorenko@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0006-8363-5782>

The role of urban space in A. Ilichevsky's novel "Newton's drawing"

Abstract: this article is devoted to the study of the urban space features in the modern novel. The purpose of the study is to analyze the spatial-temporal organization of the work artistic world and its role in the study of the subject sphere poetics of Alexander Ilichevsky. The subject of the study is the urban space in the novel "Newton's Drawing" as an extra-project form of expression of the author's consciousness. It is created from architectural dominants, the microcosm of everyday space and the macrocosm of the city, which interact with each other.

Space is a dynamic model of interaction between the author, the hero and the reader. The change of space in the novel reflects the internal changes of the characters, indicates their causes and main features.

The opposition of the urban and non-urban spaces becomes important for understanding the author's thought underlying the integrity of his artistic world. The hero at the stage of maturity feels the need for solitude and runs away from people, having a mental dialogue with his father and trying to follow his routes, he finds his own way. And this is reflected in the dynamic picture of changing spaces in the novel.

Key words: modern novel; Alexander Ilichevsky; urban space; author; hero; reader.

Citation: Tutelova, L.G. and Sidorenko, L.S. (2023), The role of urban space in A. Ilichevsky's novel "Newton's drawing", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 48–56, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-48-56>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Tutelova L.G., 2023** – Dr. philol. habil., Docent, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Sidorenko L.S., 2023** – post-graduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Город в литературном произведении – это пространство, субъективно представленное романом. Поэтому он способен показать читателю особенности авторской концепции мира и человека.

В теории автора Б.О. Кормана (Корман 1992, с. 59–66) пространство рассматривается как внесубъектная форма выражения авторского сознания. С одной стороны, об авторе говорит модельность этого образа. С другой – в романистике нового времени оно показано как кем-то воспринятое. Художественное пространство становится местом встречи сознаний автора и героя. Отсюда перспективы исследования пространственных романов образов. Они позволяют говорить и о поэтике субъектной сферы произведения, и о путях рождения смысла, и о специфике авторских идей, предлагаемых читателю.

В исследовании городского пространства мы опираемся на работы В.В. Абашева (Абашев 2000), Ю.М. Лотмана (Лотман 1984), А.П. Люсого (Люсий 2013), Н.Е. Меднис (Меднис 2003), Н.Л. Потаниной и М.А. Гололобова (Потанина, Гололобов 2012), Т.Л. Рыбальченко (Рыбальченко 2012), М.В. Селемёновой (Селемёнова 2008, 2017), В.Н. Топорова (Топоров 2009).

Следуя семиотической традиции научной школы Ю.М. Лотмана, мы определяем «городское» пространство по ряду признаков. Во-первых, важна его выраженность в знаках, отличающих его от не-городского пространства – улицы, дома, чер-

даки, подвалы, квартиры, площади и т.п. Во-вторых, ограниченность. В-третьих, отдельные знаки городского ландшафта выстраиваются в единую систему городского текста.

В современных исследованиях – это особая цепочка знаков, которая семантически выражает принадлежность к феномену городского пространства. Ученые определяют его как «совокупность личностно-биографических, историко-культурных, топографических, топонимических, ландшафтных, климатических и др. урбанистических элементов, которые детерминируют процесс порождения художественных образов» (Потанина, Гололобов 2012, с. 35). А в свое время В.Н. Топоров писал о культурном феномене города, включающем не только знаки (природные и культурные образы, топонимы, сюжеты) и их способы изображения, но и особую философию, которая связана с восприятием образа города и его внетекстового содержания.

Вышеизложенное позволяет выбрать в качестве цели исследования определение городского пространства романа как части авторской модели мира, состоящей из системы пространственных знаков, обладающих авторским смыслом, возникающим, тем не менее, в диалоге с читательским сознанием. Важным аспектом является сюжетная роль городского пространства. Материалом выступает отмеченный первой премией «Большой книги» в 2020 году роман «Чертеж Ньютона» Александра Иличевского.

Ход исследования

Образ городского пространства – это некий план объективной среды, окружающей героя, это череда улиц и зданий, из которых автор складывает реальную среду существования героя. В романе «Чертеж Ньютона» городское пространство представлено локусами Москвы, Иерусалима, Сан-Франциско, небольших американских городков и складывается из микро- и макромиров. Микромир – это бытовое пространство квартиры, комнаты, лаборатории (главный герой романа Константин Викторович Вайс – физик). Макромир – это города, которые главный герой воспринимает по-своему, выделяя личные архитектурные доминанты. Эти миры взаимопроникаемы. И знаки одного включаются в систему другого, что является одной из общих особенностей городского пространства.

Так, бытовым мир «коммуналок» (коммуналки на Преображенке, в которой рос Константин; легендарной коммуналки Гудованцева, где прошло детство отца – Виктора Вайса; коммуналки в Долгопрудном переулке, где жил отец после ухода из семьи; общежития физтеха по соседству с местом обитания отца; квартиры тещи, расположенной недалеко от парка Сокольники, которая из-за авторитарности хозяйки фактически описана как коммуналка) и лаборатории в московском институте, где работает главный герой романа, не только самостоятельные миры, но и части системы Москва. А сама эта система оказывается включенной в еще больший мир – макромир вселенной героя, не только не ограниченный одним городом, но и вообще не сводимый к городскому пространству.

По мысли М.В. Селемевой, московский локус «воспринимается героями как привычная среда обитания и, вместе с тем, как фактор внешнего давления, побуждающий к активным действиям, к преобразованию действительности и отбирающий частное время, заставляющий существовать в ускоренном темпоритме мегаполиса» (Селемеева 2008 А, с. 281). Взгляд на Москву героя романа Константина, коренного жителя столицы, выросшего на Пресне, на привычные и родные места на утренней пробежке позволяет увидеть изменения в окружающем его городском пространстве. Появляются новые дома внутри привычных кварталов и новые персонажи, приметы определенного времени: охранники, «жир столицы». Это проникающее новое в привычную и знакомую среду раздражает героя: «Единственным неприятным на всей Пресне для меня оставался дом, в котором я имел свой угол; мне неприятен был даже двор, где тусовались охранники» (Иличевский 2021, с. 64), «Венцом неприятных обстоятельств места был выход из подъезда в сторону Малой Грузинской; тут редко, но могло случиться самое гадкое, ибо через несколько шагов по панели я попадал к парадно-

му входу ресторана “Карузо”. Здесь обедал самый значный “жир” столицы» (Иличевский 2021, с. 65). Именно от этих изменений герой «убегает» в воспоминания, в мир, близкий с детства, или к отцу в Иерусалим. В центре настоящего столичного локуса Константина – Пресня и окружающие улицы, в центре его воспоминаний о столице из детства и юности – мир коммуналок на Преображенке и в Долгопрудном переулке и студенческое общежитие физтеха. В настоящем у героя два своих места в Москве: это угол в новой квартире, которая является символом статичности, отсутствия возможности менять пространство и действовать. И герой испытывает несвободу в этом «зафиксированном» пространстве. Второй угол – в научном институте, где располагается оборудование. Там обстановка более чем скромная, но именно в ней герой по-настоящему свободен и увлеченно занимается научной деятельностью, с полным погружением и интересом. Московская лаборатория – одно из мест героя, где он ощущает себя в привычной среде, занятый любимым делом – физикой высоких материй.

Пространство у Иличевского представлено разно временными знаками, реальными (временными – знаками прошлого, настоящего и будущего; знаками дня и ночи) и метафизическими (вневременными). Появляются они в романе благодаря восприятию себя и мира сразу нескольких субъектов: повествователя, героя и тех, кто этого героя окружает (отец, его друзья, случайные знакомые и т.п.). Все они по-разному взаимодействуют друг с другом.

Отношения повествователя и героя, по сути, отношения «я» и «другого», где «другим» оказывается то же «я», но в иной временной и пространственной точке. Примечательно, что автор дает герою, а следовательно, и повествователю, биографию, близкую его собственной (Иличевский – физик по образованию, работавший в Иерусалиме и Лос-Анджелесе). В итоге возникает сложная схема взаимодействий: герой – повествователь – автор. Их итог – постижение мира, который нас окружает.

Город героя – пространство события; повествователя – пространство рассказывания, а точнее – осмысления события. Повествователь не ограничен историями, прежде всего внешними. Конечно, внутренне свободен от временных рамок и герой. Но автору персонаж интересен в своей ограниченности. Это позволяет подчеркнуть внутреннюю свободу повествователя, которому автором доверено создание образа метафизического мира, открывающегося у Иличевского за образом физического пространства. Именно поэтому исследователи видят за бытописанием Иличевского модернистский сюжет (см.: Рыбальченко 2012, с. 98).

Физическое пространство города наполнено конкретными указаниями места, например, детство отца Константина – Виктора Вайса прошло в доме с мемориальной табличкой памяти экипажа дирижабля Восток-6, погибшего в арктической экспедиции. Это городское пространство Москвы и времени конца 1930-х годов, эпоха дирижаблестроения, покорения воздуха. В тексте романа упомянута фамилия воздухоплователя Гудованцева Николая Семеновича, который погиб в 1938 году при попытке спасения группы Папанина со льдины. Физическое пространство города расширяется до мест рядом с домом и ангаров для хранения дирижаблей. Отец помнит небо в мачтах для фиксации воздушных аппаратов, которых часто не хватало, и аэростаты привязывали к тополям.

Тема дирижаблей повторяется и в городском пространстве Иерусалима. Повествователь вспоминает о «Графе Цепелине», который 11 апреля 1931 года действительно находился в небе над Палестиной и с него был сфотографирован Иерусалим. Геометрия пространства и снимки привлекали внимание отца: он их собирал в своем «Пузырьке» – иерусалимском жилище. Они были развешаны на стенах и говорили о попытке Вайса погрузиться в прошлое, в свое детство, в мир, который пережит и навсегда утрачен физически, но существует в воспоминаниях:

«Дирижабль напоминал Лануту так же, как был похож на нее Иерусалим, обладавший воздухоплавательной вознесенностью, отрешенностью, паривший не над землей, но над временем» (Иличевский 2021, с. 299).

Не случайно Иерусалим *«парит над временем»*. Именно отец героя пишет в дневниках о человеке, парящем между земным и небесным, существе земном, но устремленном вверх. Небеса, по представлениям отца, были полны духами. Они спускались на землю к людям на закате с вечерним ветром: *«Отец считал, что вместе с бризом нисходят на землю большие духи – рефаимы, гиборимы, – до того спасавшиеся от жары в стратосфере»* (Иличевский 2021, с. 297).

В конечном итоге, дирижабль в романе благодаря образу отца – нечто, преодолевающее городское, «земное» пространство и поднимающее человека в высоту. Эти эллипсы, параболы, арки – небесная геометрия науки, которая позволяет приблизиться к создателю, постичь истинный смысл предназначения человека на земле и преодолеть земное.

Физический мир воспринимается героем через призму науки – физики. Сознание учёного позволяет увидеть общность человека и Вселенной, воплощенной в образе дирижабля. И люди в сознании героя – это дирижабли: *«Судя по обилию легких газов, Вселенная напоминает здоровенный цеппелин с микроскопической кабиной из полез-*

ных ископаемых и паразитирующей внутри нее горсткой молекулярной жизни. В то же время количество атомов водорода в нашем теле превосходит число всех остальных элементов вместе взятых. В каком-то смысле мы тоже дирижаблы, но с признаками жизни в виде органики» (Иличевский 2021, с. 265).

Способствует метаморфозам городского пространства у Иличевского не только способность персонажей видеть обычное в необычном свете, но особенности цветового восприятия места. Его мир охристо-красный, с добавлением черно-белых снимков и записей дневника. Отец героя сравнивает чернила с кровью. Это образ пережитого физически и воплощенного в дневниковых записях, архивах, это терабайты личной памяти, носители информации. Константин не случайно разговаривает с коллегой-физиком о примерном объеме человеческой памяти в байтах и приходит к выводу, что 14 терабайт как раз объем памяти ученого и талантливого человека. Именно такой объем информации герой скачал в лаборатории с носителей на высокогорной станции «Памир-Чакалтая». Но архив оказался сжат и непригоден к прочтению, подобно тому, как герой не может открыть и понять самого себя. Это оказывается сложнее, чем попытаться понять «другого». Поэтому и возникает в романе сложная модель взаимодействия разных сознаний, где во взаимоотношения автора, читателя, повествователя и героя вовлечен ещё и отец.

По сути, сюжет романа – поиск пропавшего отца. Но герой занимается метафизическими изысканиями: открывая мир «другого», он не только начинает понимать своего предка, но постигает мир как таковой. Отсюда признание Иличевского: *«Отец в моем понимании – библейская фигура, метафора Бога, метафора крова, дома, обретения странником мира, не слишком отличающегося от Рая. Другое дело, что сам отец в романе – странник. Главный герой решает закончить начатое отцом, довести его идеи до реального воплощения»* (Басинский 2020). Собственно, и исследователи уже заметили: герой Иличевского «осознает важность “эстетического” пути (только путем “чувственности” можно понять мир), поэтому избирает путь странника, чтобы в полной мере почувствовать окружающий мир» (Томилова 2014, с. 101). Причем автору важны цели пути, который выбирает герой.

Именно Вайс-старший «ведёт» Константина в мир метафизики, который столь важен для повествователя, следовательно, и для автора. Восхождение происходит от физического к метафизическому. Сначала появляются физические знаки (отсюда образы фотографий из коллекции отца), которые обнаруживают необычное содержание. За фотографиями появляются дневниковые записи

Вайса-старшего. Сыну предстоит освоить мир «другого» и по-своему понять его. И что важно: выводы героя оказываются вполне самостоятельными. У Иличевского это важная черта постижения истины человеком: можно идти за кем-то, но оказывается, что это только твой путь. А «другой» нужен, чтобы не потеряться.

Отец, «загадочно исчезая», оставляет единственному сыну «сказочное» наследство – вместо мельницы – «Пиллбокс», «Пузырек», капсулу времени и свои архивы, зафиксированную память в вещах и предметах, записях, где течет его кровь-чернила. Вместо осла – машину, защитного цвета: «*тарактящий “жук” с пацификом на капоте, выкрашенный в цвета бронетанковых войск, что делало его незаметнее валуна в запретных зонах, а уж тем более среди полупрозрачных холмов, террас, заросших задичавшими злаками, – по их появлению под ногами археологи определяли близость каких-нибудь руин*» (Иличевский 2021, с. 139), – и вместо кота – собаку по прозвищу Ватсон, а также круг своих знакомых. И все они расширяют образ городского пространства в романе.

Так, Иерусалим показан не только с точки зрения Константина и Виктора Вайса, но мы видим окружающее пространство улочек древнего города и «глазами» Симона Леви, друга отца. Эскурсоводу Сереже-Трубадуру Иерусалим предстает как туристический город, учёному – сэру Айзеку Ньютоу – он позволяет воссоздать чертеж Храма Соломона.

У каждого в городском пространстве свои доминанты, указывающие на индивидуальность героев. Так, Москва Константина – это город знакомых герою с детства мест: Пресня, Планетарий, высотка МГУ, ВГИК, парк Сокольники, Малая Грузинская, Садовое Кольцо. У отца это иные улицы и доминанты: Дворец культуры «Каучук» за Плющихой, ДК Русакова, здания московского Наркомфина и другие памятники московского конструктивизма, Шуховская башня, Донской монастырь, Остоженка. Стоит заметить, что внимание автора к топонимике реальных городов включает и читателя в диалог с ним и его героями: городской текст «выходит» во внетекстовую реальность, которой принадлежит читатель.

Естественно, что основное внимание Иличевский уделяет городу героя, который так же, как и отец, – странник. Поэтому неприязнь у него вызывает все тяжелое, неподвижное. Вот описание новой московской квартиры: «... на двух сотнях квадратных метров некий модный московский дизайнер воплощал интерьеры ее (жены – Л.Т. Л.С.) подсознания, в результате чего все предметы оказались прикручены к полу и стенам намертво; кровати, лежанки и подложки под пуфы, журнальный столик и обеденный стол – все было изваяно из бетона; спальня жены выкраше-

на в цвет шоколада и изображала альков-пещеру, с размашистыми сангинными петроглифами и наскальной охотой на бизона» (Иличевский 2021, с. 61).

Москва Константина Вайса иная: легкая, всегда в движении: «*Осеннее время поднимало меня с места и опускало в кроссовки. Я натягивал штормовку, и Москва трусцой набегала на меня*» (Иличевский 2021, с. 62). «...оггибаем киоск «Колбасный домик», пересекаем Малую Грузинскую, берем курс на “Газеты и журналы” и цветочный киоск, по левую руку оставляем кафе “Айва”, никогда не был там, уж лет пять, как открылось, ой, и тут бы не раскваситься, возраст-то поди уж не младенческий, скелет не гуттаперчевый. На втором круге из подъездов стали появляться работяги, чтобы ввалиться в “газель”, завестись и, хоть стички в глаза вставляй – настолько заспанные, – влиться на ощупь в мерзлый, извергающий клубы выхлопного пара поток Садового кольца, то и дело вспыхивающего заревом стоп-сигналов» (Иличевский 2021, с. 62–63).

Город полон звуков («*За окном гудели, набирая скорость, и грохотали при торможении электрички, щебетали воробьи, студенты перекрикивались и стучали баскетбольным мячом*» (Иличевский 2021, с. 95)), запахов («*На третьем круге, прикрывая рот ладошкой, поспешали офисные девичьи; мне нравился этот момент, потому что, случилось, за какой-нибудь тянулся тонкий след необыкновенного парфюма – я все пытался уловить нотку камфоры, появился недавно в воздухе какой-то новый аромат, что нес в себе вот этот сердечно-обморочный оттенок*» (Иличевский 2021, с. 63)).

Разрозненные знаки становятся частью системы, целостность которой предстоит осознать читателю. Его помощником становится повествователь, в сознании которого встречаются разрозненные версии мира: Вайса-старшего и Вайса-младшего, а также тех, кто их окружает.

Помогает рождению целостности осознание границ. Они возникают у города и тогда, когда герой находится внутри его. Такой границей становится речной вокзал Москвы. Именно рядом с ним автор поселил отца жены героя – Бельского – после его развода. Вокзал в романе становится местом забвения: Бельский окажется рядом с ним, и более о нем читатель ничего не узнает.

Границы города отмечает и Константин. Незнакомые окраинные районы Москвы он воспринимает как преисподнюю с бесконечными пробками, холодный, чуждый мир: «*Медведково, где улицы сплошь были с мрачным ледовитым подтекстом (Полярная, Седова, Амундсена, Студеная)*» (Иличевский 2021, с. 18).

Граница Иерусалима обозначена домом отца. Пузырьком, который когда-то был оборонитель-

ным сооружением: «...*башня отца была своего рода зрящей его, ландшафта, проекцией на самое себя, служба в соответствии с изначальным предназначением – каждый дом в Иерусалиме строился еще и как крепость; а как иначе жить во времена, когда городские ворота закрывались с заходом солнца*» (Иличевский 2021, с. 127–128).

Еще один рубеж городского пространства – время. Время города – день. А на закате пространство заполняется метафизическими существами. При свете дня в многолюдье человек растворен в окружающем мире, обществе, деятельности, а с приходом ночи он остается наедине с собой и миром звезд, символов Вселенной. И это способствует погружению в воспоминания и саморефлексии Константина. По его собственным ощущениям герою легче вне городского пространства, когда он поднимается в стеклянном лифте над Пресней, он признается: «*мне стало легче выносить город, когда я оказался в мире крыши – обители отвлеченной, ненаселенной*» (Иличевский 2021, с. 64).

Но яснее границы городского пространства прорисовываются тогда, когда возникает тема пустыни или высокогорной станции. Невада появляется в романе как препятствие на пути героя. Он «преодолеывает» пустыню Неваду на эквinoxе, легендарной машине 60-х годов. Это своеобразная машина времени. Читатель вспоминает фильм 1970 года – «Эквинокс», где четыре студента отправляются к загадочно исчезнувшему профессору. В пещере они находят полусумасшедшего старика и читают с ним книгу, которая пробуждает потусторонние силы. Поиски в пространстве физическом всегда ведут к метафизическим открытиям. Сюжет фильма, как в зеркале, отражает ситуацию героя на станции «Памир-Чакалтая», где он поднимается на высокогорную станцию и там ищет тайны вселенной с помощью расшифровки массива данных. Духи охраняют свои тайны, а Ашур с Хазратом Персом помогают Константину и оберегают его от странных существ, которые пытаются помешать ему получить данные, находящиеся на свинцовых пластинах на станции. Даже камера фиксирует неких духов и их присутствие в ангаре. Это момент «инициации» героя, его испытание духами небесной сферы.

У Иличевского горы, холмы являются неким рубежом, границей городского и не-городского пространства. В отличие, например, от границ у пермских авторов. Как отмечено В.В. Абашевым, у пермяков границей становится река: «В пермской поэзии последних двух десятилетий довольно широко представлено еще одно, восходящее к мифопоэтике, значение Камы. Нередко она воспринимается как граница, рубеж миров, здешнего и иного» (Абашев 2000, с. 37).

В романе появляется тема границы не только между миром людей и миром духов, обитающих

в свободном, не-городском пространстве. Есть и граница между миром живых и мертвых. Отсюда образ кладбища – локуса конца жизни, города мертвых. Для Константина кладбище – это особый мир, оно похоже на город хоббитов, маленьких человечков, это почти детское представление о погосте: перед читателем возникает образ сказочного пространства. Так же воспринимает кладбище и отец Константина: он в шутку устраивает могилы любимых литературных персонажей.

Локус погоста, могилы не пугает Константина и Виктора, они не боятся смерти, как границы существования и земной жизни. Настоящая граница между земным и небесным лежит в вертикальной плоскости. Их интересует духовный смысл, поиски предназначения человека. Им характерно пренебрежение земными благами. Они аскетичны. По-настоящему значимо для героев только пространство, в котором они занимаются поиском истинного пути. Оно малолюдное или «безлюдное». Время в пустом, как и в пустынном пространстве, меняет свои свойства, теряет традиционный ритм. Герой «выпадает» из городской среды, и время начинает двигаться совершенно иначе: все события разворачиваются в сознании героя.

Появление пограничных пространств говорит о том, что Иличевский не стремится к раскрытию сути конкретного городского пространства Москвы или Иерусалима. В «Чертеже Ньютона», как мы полагаем, важна оппозиция пространств, необходимая для изображения пути героя, его обретения Отца и себя. По сути, уже в тетралогии («Матисс», «Перс», «Математик» и «Анархисты»), как отмечает М.В. Селеменова, его герои «выстраивают особые отношения с урбанизированным миром, противопоставляя себя ему и в переломный момент судьбы выламываясь из него, совершая экзистенциальный побег» (Селеменова 2017, с. 628). При этом дан ответ на вопрос, что такое Москва: «и место притяжения, т.е. город, в котором постоянно происходят судьбоносные встречи и поворотные события, и точка противостояния, место своеобразной дуэли с судьбой» (Селеменова 2017, с. 628). И все приметы Москвы, выявленные в отдельных частях тетралогии, сосуществуют в «Чертеже Ньютона»: маргинальная («Матисс»), имперская («Перс»), женский образ столицы («Математик»), финансовая столица («Анархисты»).

В новом романе важен именно мотив побега, отрицающий возможность найти себя в физическом пространстве города. Герой, даже будучи внутри городского пространства, стремится вне его, поскольку там возможно обретение себя и истинного Творца. Хотя, в конечном итоге, персонаж остается человеком города. Его скитания подобны исходу израильтян из Египта и скитанию по пустыне в поисках истины и свободы, что под-

тверждает наш вывод о важности в романе сюжета пути, следования за «другим».

Заключение

«Локальный» текст в романах А. Иличевского играет важную роль в творческой манере автора и соответствует особому мироощущению героев его произведений. Они путешественники, которые пересекают пространство всего земного шара. В статье мы описали локальные городские топосы микромира, отдельного переживаемого героями пространства в романе А. Иличевского «Чертеж Ньютона». Город являет каждому свои архитектурные доминанты, которые взаимосвязаны с событиями личной жизни, воспоминаниями. Но герои бегут из городского пространства. Это путь странничества, выхода и преодоления пространства города, наполненного бытовыми событиями, людьми, внешней занятостью, но внутренней духовной пустотой.

Константин, как и Виктор Вайс, – путник в поисках собственного жизненного предназначения. Поэтому граница между городским и не-городским пространством лежит для него не в горизонтальной плоскости, как например, в локальном пермском тексте в оппозиции столица – провинция, а в противопоставленности земного и небесного. Так, например, в пространстве Иерусалима Константин чувствует присутствие ребаимов – духов, которые с ветром на закате спускаются с неба на опустевшие от людей ночные улицы города. На Памире мир земной и небесный разделены между людьми и духами верхнего мира, которые могут спускаться с небес на землю. И исследовательская станция находится как раз на границе этих миров, по ощущениям Константина, как в космическом пространстве: «Станция находилась словно в открытом космосе – кругом камни, скалы, сыпучка» (Иличевский 2021, с. 69–70). В московском пространстве граница городского и небесного для героя проходит на уровне крыш или уровне крыльев взлетающего из аэропорта самолета. Не случайна и тема дирижабельного воздухоплавания в романе. Она связана с ощущением полета, устремленности к духовной вертикали героев.

В природном локусе доминанты пространства – горы и холмы – пространственные вертикальные доминанты или их полное отсутствие на бескрайних пустынных пространствах суши или моря. Это ощущение духовных поисков сродни скитаниям Моисея в пустыне и библейской истории человечества. Именно одиночество и погружение в себя, во внутренний мир возможно в пустых, свободных от скученности городских пространств ландшафтах, которые неизменны со времен библейских событий.

И в конечном итоге пространство как внесубъектная форма выражения особенностей авторского сознания позволяет обнаружить взаимодействие

автора, героя и читателя, благодаря которому рождается основная идея романа: человек способен обрести смысл бытия только двигаясь по вертикали, сохраняя при этом связь с земным пространством.

Библиографический список

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.

Анциферов Н.П. «Непостижимый город». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. Санкт-Петербург: Лениздат, 1991. 335 с.

Басинский П. Финалист «Большой книги» Иличевский «Бессмертие возможно, но зачем оно?» // Российская газета. 6.08.2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/06/finalist-bolshoj-knigi-ilichevskij-bessmertie-vozmozhno-no-zachem-ono.html> (дата обращения: 20.08.2023).

Гриднева Н.А. Образ Москвы в книге Наринэ Абгарян «Понаехавшая» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9. № 2 (34). С. 54–68.

Ершова Е. В. Трансформация городского пространства в творчестве писателей «основного потока» второй половины XX века // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы 73-й региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Витебск, 2021. С. 219–221.

Иванова И.Н. Геопэтика новейшей отечественной литературы: опыт художественного освоения городского пространства // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). С. 80–85.

Иличевский А. В. Чертеж Ньютона. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 348 [4] с.

Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. С. 59–66.

Кривонос В.Ш. Б.О. Корман и М.М. Бахтин: Спор об авторе // Новый филологический вестник. 2005. № 1. С. 173–181.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского университета. 1984. Вып. 664. С. 30–45.

Люсый А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. Москва: Вече: Русский импульс, 2013. 320 с.

Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе / науч. ред. Т.И. Печерская. Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.

Потанина Н.Л., Гололобов, М.А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. №1 (7). С. 32–37.

Проблема автора в художественной литературе: Сб. статей. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т, 1969. Вып. 2. 1969. 91 с.

Рыбальченко Т.Л. Вербальный, визуальный и звуковой языки познания онтологии в романе А. Иличевского «Матисс» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 98–114.

Селеменова М.В. Городская проза как идейно-художественный феномен русской литературы XX века. Москва: Изд-во МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2008. 300 с.

Селеменова М.В. Поэтика «московского текста» Ю.В. Трифонова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2008. № 2. С. 129–146.

Селеменова М.В. Своеобразие Московского текста А. Иличевского // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 4. С. 627–639. DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639>

Томилова Н.А. Историческая травма в романе А. Иличевского «Матисс» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 99–103.

Топоров В.Н. Петербургский текст. Москва: Наука, 2009. 820 с.

Шурупова О.С., Попова, Е.А. Московский и провинциальный сверткесты русской литературы в произведениях современных авторов // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. 2014. № 3. С. 41–43.

Gennet, G. (1987), *Seuils*. Paris, France.

Greimas, A.J. (1979), Pour une sémiotique topologique, *Sémiotique de l'espace*, Ed. Jean Zeittoun, pp. 11–43, Paris, France.

Kristeva, J. (1977), *Word, Dialogue, Novel*. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art, Trans. L.S. Roudiez., Columbia UP, New York, USA.

Pellegrino, P. (2020), The Semiotics of Space: Heterotopy and the Meaning of Place, *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 1, Lausanne, Switzerland.

Pellegrino, P. and Jeanneret, E.P. (2009), Meaning of space and architecture of place, *Semiotica*, 175(1/4), Lausanne, Switzerland.

References

Abashev, V.V. (2000), *Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century*, Publishing house of Perm University, Perm, Russia.

Antsiferov, N.P. (1991), "The Incomprehensible city". *The soul of St. Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. Petersburg Pushkin*, Lenizdat, St.-Petersburg, Russia.

Basinsky, P. (2020), Finalist of the "Big Book" Ilichevsky "Immortality is possible, but why is it?",

Rossiyskaya Gazeta, 6.08.2020. [Online] available at: <https://rg.ru/2020/08/06/finalist-bolshoj-knigi-ilichevskij-bessmertie-vozmozhno-no-zachem-ono.html> (Accessed: 20 August 2023).

Gennet, G. (1987), *Seuils*, Paris, France.

Greimas, A.J. (1979), Pour une sémiotique topologique, *Sémiotique de l'espace*, Ed. Jean Zeittoun, pp. 11–43, Paris, France.

Gridneva, N.A. (2023), The image of Moscow in Narine Abgaryan's book "The One Who Came", *Bulletin of the Tyumen State University, Humanitarian studies. Humanitates*, vol. 9, no. 2 (34), pp. 54–68, Tyumen, Russia.

Ivanova, I.N. (2015), Geopoetics of the latest Russian literature: the experience of artistic development of urban space, *Philological sciences: questions of theory and practice*, no. 8 (50), pp. 80–85, Stavropol, Russia.

Ilichevsky, A.V. (2021), *Newton's Drawing: a novel*, Ed. by Elena Shubina, AST, Moscow, Russia.

Korman, B.O. (1992), Results and prospects of studying the author's problem, *Selected works on the theory and history of literature*, pp. 59–66, Izhevsk, Russia.

Krivosos, V.Sh. (2005), B.O. Korman and M.M. Bakhtin: A dispute about the author, *New Philological Bulletin*, no. 1, pp. 173–181, Samara, Russia.

Kristeva, J. (1977), Word, Dialogue, Novel, *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, Trans. L.S. Roudiez., Columbia UP, New York, USA, pp. 64–91.

Lotman, Yu.M. (1984), The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city, *Scientific notes*, issue 664, pp. 30–45, University of Tartu, Tartu, Estonia.

Lyusyy, A.P. (2013), *Moscow text: Textual concept of Russian culture*, Veche: Russian Impulse, Moscow, Russia.

Mednis, N.E. (2003), Overttexts in Russian literature, *Scientific ed. T. I. Pecherskaya. Novosibirsk State Pedagogical University*, NGPU, Novosibirsk, Russia.

Pellegrino, P. (2020), The Semiotics of Space: Heterotopy and the Meaning of Place, *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 1, pp. 11–28, Lausanne, Switzerland.

Pellegrino, P. and Jeanneret, E.P. (2009), Meaning of space and architecture of place, *Semiotica*, 175(1/4), pp. 269–296, Lausanne, Switzerland.

Potantina, N.L. and Golobov, M.A. (2012), Urban text as a theoretical problem, *Philological regionalism*, no. 1 (7), pp. 32–37, Moscow, Russia.

The author's problem in fiction (1969), Voronezh State Pedagogical Institute, issue 2, Voronezh, Russia.

Rybalchenko, T.L. (2012), Verbal, visual and sound languages of ontology cognition in A. Ilichevsky's novel "Matisse", *Bulletin of Tomsk State University*, № 4 (20), pp. 98–114, Tomsk, Russia.

Selemeneva, M.V. (2008 A), *Urban prose as an ideological and artistic phenomenon of Russian literature of the twentieth century*. Moscow: Publishing House of the Moscow State University named after E.R. Dashkova, Moscow, Russia.

Selemeneva, M.V. (2008 B), Poetics of the "Moscow text" by Yu.V. Trifonov, *Bulletin of LSU named after A.S. Pushkin*, no. 2, pp. 129–146, Moscow, Russia.

Selemeneva, M.V. (2017), The originality of the Moscow text of A.Ilichevsky. *Bulletin of the RUDN. Series: Literary Studies. Journalism*, vol. 22, no. 4, pp. 627–639, DOI: <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-4-627-639>, Moscow, Russia.

Tomilova, N.A. (2014), Historical trauma in the novel by A. Ilichevsky "Matisse", *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 6, pp. 99–103, Arkhangelsk, Russia.

Toporov, V.N. (2009), *Petersburg text*, Nauka, Moscow, Russia.

Shurupova, O.S. and Popova, E.A. (2014), Moscow and provincial overtakes of Russian literature in the works of modern authors, *Bulletin of the Voronezh State University. Philology. Journalism*, no. 3, pp. 41–43, Voronezh, Russia.

Yershova, E.V. (2021), Transformation of urban space in the work of writers of the "main stream" of the second half of the XX century. *Science - education, production, economy. Materials of the 73rd regional scientific and practical conference of teachers, researchers and postgraduates*, pp. 219–221, Vitebsk, Belarus.

Submitted: 21.08.2023

Revised: 13.10.2023

Accepted: 28.11.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-57-64

Дата поступления: 23.08.2023
рецензирования: 07.11.2023
принятия: 01.12.2023

П.А. Левина

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Polala2001@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

М.А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mperepelkin@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

Самара в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки»

Аннотация: настоящая статья представляет собой опыт исследования структуры и роли «самарского текста» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки». Исходной предпосылкой данной статьи является убеждение её авторов в том, что именно пространство выступает в названном романе Дины Рубиной в качестве конструктивного принципа жанровой организации художественного произведения и конструирования художественной семиосферы, анализируя которую исследователь может выйти и к сфере смыслов. Самарское пространство – не единственное в романе и входит в большую и сложную систему пространств, образуемую «львовскими», «пражскими», «берлинскими», «израильскими» и «южно-сахалинскими» главами, и за каждым из этих локусов закреплены свои художественные задачи и свои смыслы. В то же время Самара выступает в романе в качестве совершенно особого пространства и смыслового кода, образуемого самарской историей, городским фольклором, художественными и иными текстами, в совокупности образующими городской миф и городской текст, наконец, – возможно, личными впечатлениями Дины Рубиной, очевидно, хорошо знакомой с Самарой и самарцами. Все названные компоненты «самарского текста» и образуют тот самарский код, который находится в центре внимания авторов статьи. Наиболее тщательному анализу в статье подвергается один из самарских мини-топосов – квартира Виси, выступающая квинтэссенцией всего «самарского» в романе.

Ключевые слова: Дина Рубина; «Синдром Петрушки»; Самара; самарский текст; история Самары; городская мифология; городской фольклор; геопэтика; структура; хронотоп; пространство; семиосфера.

Цитирование: Левина П.А., Перепелкин М.А. Самара в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 57–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-57-64>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Левина П.А., 2023 – студентка, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© Перепелкин М.А., 2023 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

P.A. Levina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: Polala2001@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

M.A. Perepelkin

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: mperepelkin@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6102-6947>**Samara space in Dina Rubina's novel «Petrushka's syndrome»**

Abstract: this article is an experience of studying the structure and role of the «Samara text» in the novel «Petrushka's Syndrome» by Dina Rubina. The initial premise of this article is the author's conviction that it is space that appears in the named novel by Dina Rubina as a constructive principle of the literary work genre organization and the construction of an artistic semiosphere, through analysis of which the researcher can enter the sphere of meanings. The Samara space is not the only one in the novel and is included in a large and complex system of spaces formed by the «Lviv», «Prague», «Berlin», «Israeli» and «South Sakhalin» chapters, and each of these loci has its own artistic tasks and own meanings. At the same time, Samara appears in the novel as a very special space and semantic code formed by the Samara history, urban folklore, artistic and other texts, which together form an urban myth and urban text, and finally, perhaps, by Dina Rubina's personal impressions, obviously well acquainted with Samara and the Samara residents. All these components of the «Samara text» form the Samara code, which is the focus of the article authors. The most thorough analysis in the article is one of the Samara mini-topos – Visi's apartment, which is the quintessence of the «Samara» life in the novel.

Key words: Dina Rubina; «The Petrushka's syndrome»; Samara; Samara text; history of Samara; urban mythology; urban folklore; geopoetics; structure; chronotope; space; semiosphere.

Citation: Levina, P.A. and Perepelkin, M.A. (2023), Samara space in Dina Rubina's novel «Petrushka's syndrome», *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 57–64, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-57-64>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Levina P.A., 2023** – student, Samara National Research University, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Perepelkin M.A., 2023** – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Вышедший чуть более десяти лет назад, в 2012 году, роман Дины Рубиной «Синдром Петрушки» до сегодняшнего дня остаётся одним из самых ярких произведений нового столетия, все эти годы находящимся в центре исследовательского внимания. Исследователями замечено и не раз подчёркивалось то обстоятельство, что в качестве конструктивного принципа жанровой организации этого романа и конструирования его художественной семиосферы, анализ которой может вывести исследователя к сфере романских смыслов, выступает пространство. Пространство романа представляет собой большую и сложную систему пространств, образуемую «львовскими», «пражскими», «берлинскими», «израильскими» и «южно-сахалинскими» главами, и за каждым из этих локусов закреплены свои художественные задачи и смыслы. Некоторые из названных пространств уже были рассмотрены учёными, обращавшими своё внимание на «пражский текст» (Цатурян 2013), «сибирский текст» (Иванова 2018), сахалинские страницы в романе (Сухонос 2017), анализировался и феномен городского текста в «Синдроме Петрушки» в целом (Штыгашева

2017). Однако названными работами не исчерпывается анализ всей пространственной семиосферы романа Дины Рубиной, понять которую можно лишь приняв во внимание все локусы, знаковость и символика которых была задействована писательницей при создании романного целого. Так, в стороне от исследовательского внимания до сих пор остаётся «самарский текст» романа, между тем, Самаре принадлежит хоть и не самое большое место в плане связанных с этим городом романских эпизодов и сюжетных линий, но при этом место «самарского текста» в «Синдроме Петрушки» – особое, и эта особенность связана хотя бы с тем обстоятельством, что именно здесь до поры до времени находится родовая кукла, «давным-давно украденный, оплаканный и полузабытый, но всю жизнь <...> разыскиваемый Корчмарь»; здесь живут и многие другие тайны, одни из которых раскрываются после смерти жившей в Самаре тётки героини, а другие так и остаются тайнами, образующими также чрезвычайно значимую для романного целого систему раскрытых, полураскрытых и вовсе нераскрытых тайн и загадок. Приблизиться к пониманию «самарской» семиосферы романа Дины Рубиной мы и попытаемся далее.

Ход исследования

Определяя существо самарского мироощущения, С.А. Голубков пишет следующее: «Самара – город у дороги. А дорога (и великая река, и старинный тракт, и железная дорога, и шоссе) всегда имела и более широкое значение, ассоциировалась с жизненным путём, с путём историческим, с прихотливой линией судьбы. Судьба Самары, её, если хотите, миссия – мощно вбирать огромное окружающее пространство, постепенно его преобразовывать и двигаться от статуса города к статусу мегаполиса, а далее – к огромной агломерации. И это не дань наивной провинциальной амбициозности, а вполне реальный ответ на зовы современной урбанистической эпохи» (Голубков 2014, с. 104–105).

Обратим внимание на три момента в этих рассуждениях исследователя, первый из которых заключается в том, что Самара – это город у дороги, то есть рядом, но на обочине; дороги не ведут в Самару, но тем, кто по ним идёт, редко удаётся миновать этот город, встающий на их пути более или менее неожиданно, некстати. Второй момент – это подчёркивание того обстоятельства, что Самара способна «мощно вбирать огромное окружающее пространство», то есть выступать в роли некой гигантской воронки или «чёрной дыры», поглощающей другие пространства, оказывающиеся не способными сопротивляться силе притяжения самарского «вбирания». И, наконец, третье замечание исследователя связано с мыслью о преобразовании «вбранного», то есть всего того, что нечаянно-негаданно для себя оказалось вблизи самарской воронки и вот уже закружилось в сумасшедшем вихре и вряд ли выйдет из этого соприкосновения со стихией в том же виде и составе, какой оно имело до этого соприкосновения. На наш взгляд, все эти замечания исследователя вполне справедливы в отношении изучаемого романа Д. Рубиной.

Самара возникает в жизни всех героев романа случайно, никто из них не стремился оказаться в Самаре с какой-либо целью загодя и не рассматривал её в качестве финальной точки своего географического путешествия или жизненного странствия. Так, главные герои романа, Петя и Лиза, прилетают в Самару буквально с бухты-баракты, внезапно получив известие о смерти Лизиной тётки, Виси, и не собираясь задерживаться здесь долее того времени, которое потребовалось бы им для улаживания всех юридических моментов, связанных с оформлением прав наследства и продажей освободившегося жилья. Вполне суетливыми и безрезультатными были и их предыдущие посещения Самары, в которой тогда ещё их встречала живая Вися: «Знакомиться приезжали, пытались сроднить оборванную семейную ниточку – не удалось» (Рубина 2012, с. 71), «ещё дважды Петя

оказывался в Самаре на гастролях и тоже Висю навещал, вновь ощущая с её стороны приветливую натянутость, говорливое стремление поведать обо всех соседях, знакомых, ученицах – обо всём, кроме главного: где ты была, Вися, пока сиротка-племянница выростала?» (Рубина 2012, с. 71–72). Судя по всему так же случайно и с бухты-баракты оказалась некогда в Самаре и Вися, о прибытии в город которой Сильва рассказывает Пете и Лизе следующее: «Я Висю с первого дня здесь помню. Я ж её на вокзале-то и увидел – она и с поезда сошла, в чём стояла, как в войну – с небольшой только сумкой» (Рубина 2012, с. 84), и сам Сильва, явившийся на свет в Самаре в результате случайной связи «черноглазой вертихвостки из итальянской дипломатической миссии, эвакуированной в Куйбышев в годы Великой Отечественной войны» (Рубина 2012, с. 62) с поваром этой же миссии, после чего «вертихвостка», «совершив немислимый карьерный кульбит, выскочила замуж за помощника консула и укатила с новым мужем в Милан, забыв прихватить сына с собой» (Рубина 2012, с. 62).

«Придорожность» Самары подчёркивается акцентированием в самарском эпизоде романа её связи с дорогой и даже дорогами, значимости последних как для героев, так и для сюжетного развёртывания всего эпизода. Начинается самарский эпизод у транспортёра, где встречающий Петю и Лизу Сильва ожидает прилетевших в Самару родственников покойной Виси. Далее действие перемещается на развилку Московского шоссе, в посёлок Волжский, находящийся на границе Самары, и, наконец, – в город, к дому Виси.

Обратим здесь, прежде всего, внимание на маршрут, проложенный писательницей от аэропорта, где встретились герои, до развилки Московского шоссе и трассы М-5, и далее – до посёлка Волжский (и он же – Царевщина). Данный маршрут отличается, мягко говоря, несколько странноватой траекторией: герои проделывают довольно большой путь из аэропорта в сторону города, а затем возвращаются назад для того, чтобы «поехать старой дорогой» и купить «чехоньки вяленой», – именно такая идея ни с того ни с сего приходит в голову Сильве на развилке названных дорог. В том, что эта петля «с того и с сего» выстроена Диной Рубиной, сомневаться не приходится, так как вместе с героем она констатирует следующее: «Намотаем ещё с десятков кэме, зато берег Волги увидите...» (Рубина 2012, с. 63). И вот тут самое время поставить вопрос: Сильва, в самом деле, озабочен только тем, чтобы прилетевшие на непродолжительное время в Самару гости «увидели берег Волги»? Это – главный и единственный мотив петляния, или есть ещё какие-то мотивы, не озвученные героем?

Вот как развёртывает представляющийся, по всей видимости, странным и малоубедительным

заявленный им мотив сам Сильва: «...церквушка там красавица на Царевщине, ну и чехоньку на рынке прихватим... Ты в прошлый-то раз видал – у нас на Царёвом кургане памятный крест установили? Лиза, слышь? Памятный крест щас увидим...» (Рубина 2012, с. 63). Далее Сильва переходит к рассказу об обстоятельствах смерти Виси, подчёркивая, во-первых, тот факт, что «она ж тютелька в тютельку в день своего рождения померла», и, во-вторых, что «мы её же студнем её и поминали», а по мере приближения к Царевщине он сообщает следующее: «И хотя он называется Волжским, этот посёлок <...>, но в народе до сих пор Царевщина. А почему? Да потому, что Пётр Великий во время Азовского похода собственными руками воздвиг на кургане крест. А церквушка – Петь, глянь, вон, правее... – Вися говорила: провинциальный ренессанс, – там похоронен декабрист Веденяпин» (Рубина 2012, с. 67). Наконец, уже в самой Царевщине вернувшийся с рыночка с пакетом «крупной и прозрачной, как янтарь, вяленой чехоньки», Сильва переключается с исторических рассказов на восхваление купленного лакомства: «Глянь, какая жирная <...>, – аромат какой! У неё такие косточки мелкие, слышь, можно жевать-не-выплёвывать» (Рубина 2012, с. 70). «Остальная часть пути, – резюмирует эту часть самарского эпизода Рубина, – была посвящена истории появления данной, вообще-то морской рыбки в Волге: перегородили реку, понимаешь, настроили разных ГЭС... экология – к чёрту, конечно, зато – мировая закуска. То, что рыбка эта – мировая закуска, видать было по тому, как обочины дороги в радиусе нескольких километров от Царевщины были усеяны рыбьими скелетиками: голова-хребет-хвост» (Рубина 2012, с. 70).

Что обращает на себя внимание в этой дорожной петле и подчёркнутых ею смыслах? На наш взгляд, это как раз второй момент, на который обратил внимание С.А. Голубков: Самара – это гигантская воронка, поглощающая самые разные пространства и приходящие вместе с ними в эту петлю смыслы. Здесь и Пётр Великий вместе с Азовским походом и воздвигнутым им на кургане крестом, и церквушка «провинциальный ренессанс», и прежнее и новое название посёлка, и декабрист Веденяпин, похороненный возле церкви и раскинувшегося у её стен рынка, и ещё многое-многое другое. Вплоть до «морской рыбки», скелетиками которой усеяны все обочины дороги «в радиусе нескольких километров от Царевщины». Таким образом, Самара способна не просто «мощно вбирать огромное окружающее пространство», но всасывает его в себя, чтобы закружить и уже не выпустить, во всяком случае – не выпустить тем же, что оно было до попадания в самарскую орбиту. С этим, на наш взгляд, связаны и усилия Сильвы, состоящего на службе у этого водоворота:

напомним, это он, по его признанию, встретил некогда на вокзале приехавшую в никуда Висю («Вижу – девушка стоит, сирота сиротой, прямо не в себе, ну, я и подошёл. С тех пор у нас и дружба. Я-то её и пристроил в школу, на домоводство» (Рубина 2012, с. 85)), а теперь – петляя туда-сюда возит её племянницу с Петей, заговаривая их и не давая прийти в себя.

Способность Самары поглощать пространство подчёркивается и другими фрагментами самарского эпизода, в частности – той его частью, которая является коротким перешейком, связывающим находящуюся на границе Самары Царевщину и располагающийся в самом сердце старого города дом тётки на Ленинградской улице, «одной из центральных улиц старой Самары». «Видимо, местные власти любили играть в “города”, – пишет Рубина, – Ташкентская, Киевская, Пензенская, Владимирская... А вот ещё, Стара-Загора, в честь болгарского города-побратима, наследие советского интернационализма» (Рубина 2012, с. 70). Местные власти, – вправе добавить мы, имея в виду вышесказанное, – любили не только и не столько играть в города, сколько решали ту же задачу, что и Сильва: приложить все усилия, чтобы сделать Самару способной «мощно вбирать огромное окружающее пространство», то есть быть той самой жадной и бездонной воронкой, которая поглощает близкое и далёкое, узбекский Ташкент-город хлебный и украинский Киев-мать городов русских, провинциальную Пензу и близкий к Москве Владимир, саму Москву, вытянувшуюся в Самаре в шоссе, и пахнущую розами болгарскую Стару-Загору («Во времена оны болгары сажали здесь множество розовых кустов. Какой запах стоял летними вечерами...» (Рубина 2012, с. 70)).

Но если Самара – это петля и воронка, поглощающая всё, оказавшееся рядом и не способное сопротивляться силе самарского притяжения, что стоит за этим вбиранием-поглощением? Возможно, к ответу на этот вопрос приближает следующий пассаж, передающий внутренний монолог одного из героев, Пети, обращённый им к самому себе: «Вообще ему нравилась Самара. В отличие от линейного, очень мужского и жёсткого Питера, в котором ему довелось прожить несколько лет, купеческая Самара казалась мягкой и извилисто-женственной: тянулась, как кошка, вдоль реки, привалясь к её боку» (Рубина 2012, с. 72). Берег реки, переходящий в небо, бабульки с петрушкой и яблоками в ведрах и тазах, домики в три окошка и водопроводные колонки у ворот и, наконец, «вечное присутствие в пространстве великой реки» делают Самару женственной, готовой к принятию и вынашиванию, к рождению и выкармливанию. Самара никуда не спешит, не ставит перед собой никаких целей и не стремится

к их достижению; она живёт и «вбирает», чтобы дать жизнь другому, новому и ещё не бывшему, то есть, собственно, помочь преобразоваться попавшему в её орбиту и преобразоваться самой, двигаясь от «города к статусу мегаполиса, а далее – к огромной агломерации».

Итак, Самара никуда не идёт, но всегда стоит у дороги и даже у многих, одни из которых – речные, волжские, другие – железные, третьи – автомобильные и т.д., есть среди этих дорог и «воздушные»: именно так в Самаре оказываются Лиза и Петя, прилетевшие продавать жильё, оставшееся после смерти Виси. Далее Самара вбирает в себя многое и разное, попавшее в её сферу или оказавшееся возле неё; «вбиранию» Самарой в себя других пространств и героев подчинены герои-самарцы и, в частности, Сильва, который будет кружить и заговаривать своих гостей до тех пор, пока они не перестанут быть собой прежними и не окажутся в самарской воронке-водвороте. Вобрать для Самары означает начать процесс принятия и (пере)рождения, в котором участвует весь город, сущностью которого является женственность, забота о сытости, уют и уютность; женственным здесь становится даже всё мужское (обратим внимание на имя самарца Сильвы), помогающее женственной Самаре выполнить свою женскую и материнскую функцию.

Любопытным образом все выявленные характеристики аккумулируются в образе, находящемся в центре самарского эпизода в романе, – образе дома Виси.

Интересно и загадочно месторасположение дома Виси: «Тётка жила на Ленинградской, одной из центральных улиц Самары; её домик был как раз в том квартале, что отделял собой местную пешеходную зону от Запанской. Вися говорила, что когда-то Ленинградская называлась Панской – на ней купцы селились, в лавках торговали панским товаром: текстилем. А уже за Панской обитала в немыслимых трущобах не самая порядочная часть общества». Таким образом, тёткин дом хоть и находится в самом центре города, но на краю этого центра, возле железной дороги, отделяющей Панскую от Запанского посёлка (сегодня – посёлок Шмидта).

Далее со слов пьяного Сильвы читатели узнают, что тёткин дом называется чельшовским: «Вон печку разбирала, как намучилась... Это ж дом какой – Чельшова дом! Не архитектора, а застройщика, купца...». В скобках заметим, что в сегодняшней Самаре известно два чельшовских дома, один из которых находится по адресу улица Красноармейская, 60, а другой – на улице Фрунзе, 56. Как видим, ни тот, ни другой не находятся на улице Ленинградской, близ Запанского. Как можно убедиться из очень многих деталей самарского эпизода, автор романа, Дина Рубина, хорошо знает

Самару, видимо, известно ей и расположение чельшовских домов. В таком случае исследователь вправе задуматься над вопросом, зачем она путает карты и вместе с тем запутывает читателей?

Не будем пока торопиться с ответом на этот вопрос, а вместо этого обратим внимание ещё на некоторые детали, оставшиеся между строк романа. Известно, что в конце XIX века посёлок Запанской был связан в сознании самарцев с фамилией кирпичного магната Ивана Петровича Летягина. Здесь находился его завод, производивший самый качественный на то время кирпич в городе. Именно из кирпичей Летягина построены корпуса пивоваренного завода Альфреда фон Вакано, домовая церковь Мариинского детского приюта, здание Торгового Дома «Кудряшов и Чесноков», дома для господ Основнина и Плошкина, жилой дом Г.И. Курлина и многие другие здания, которыми и по сей день гордится Самара. По всей видимости, летягинский кирпич очень нравился и самарцу Чельшову, использовавшему его для отделки фасадов и торцов своих доходных домов на бывших Саратовской и Алексеевской (а нынешних – Фрунзе и Красноармейской) улицах.

Таким образом, выходит, что перенося «Чельшова дом» ближе к Запанскому Дина Рубина права и не права одновременно: права постольку, поскольку этой близостью дома к Запанскому подчёркивает место производства кирпича, из которого дом был построен, не права – так как напрасно приписывает принадлежность «Висиного дома» Чельшову. В чём же тут дело, какова цель этой путаницы? А цель представляется нам следующей: точно так же, как петлял и заговаривал встреченных им в аэропорту Петю и Лизу Сильва, петляет и заговаривает их и встречающая в «Висином доме» Рубина. И всё дело заключается в том, что этот дом – не просто дом, а та самая воронка: бездонная и чудесная, совмещающая смерть и рождение (напомним, Вися умерла в этом доме в день своего рождения), вбирающая многое и многих, всё поглощающая и стирающая все противоречия.

В этой «воронке» всё не так, всё иначе и по-другому, чем во всём остальном мире. Здесь встречаются и уживаются друг с другом не просто разные времена, но и разные эпохи (об одной из них, давно минувшей, напоминает «бронзовая, привинченная к верхней раме крайнего справа окна табличка “Сей дом застраховань”»); внутрь дома ведут «разномастные входные двери, прорубленные в самых неподходящих местах фасада», покрытые разными слоями краски; здесь совершенно особый звонок («сколько жмёшь, столько и длится непрерывный пронзительный трезвон»), бережно охраняемый знающий толк в «домах-воронках» Висе. Здесь, в этом доме, особый и ни на что не похожий запах, в каждой комнате – свой собственный («апельсинные корки», «гостиная благоухала

душистым советским мылом», «в спальне витал устойчивый аромат заморских плантаций», «в кабинете пахло кожей»), невероятное, с точки зрения логики, внутреннее устройство («Официально считалось, что у тётки две комнаты. На самом деле их было три и даже четыре. Большую когда-то залу она перегородила, выкроив гостиную-пятистенку (пятая короткая стена встала на месте голландки, разобранной, когда провели паровое отопление) и так называемый кабинет: проходную комнатку с оттоманкой и полутора десятками чешских книжных полок, поставленных одна на другую, набитых нарядными классиками и золочёным миром приключений»), спальня, напоминающая своим оформлением сказку Шехерезады, и т.д. Висящая на стене фотография тёткиного пуделя Маркуши, «прожившего мафусаилов век в 23 года», здесь соседствует с другой фотографией – «тёткиной покойной дочери Ирэны, погибшей совсем юной», а в антресоли-кладовой, где хранится «всякая полезная всячина», также «укладывают гостей двух рангов: либо случайных и неважных, либо совсем уж близких – свои, мол, люди». «Словом, тёткин дом представлял собой ту самую полную чашу, разгребать которую пришлось бы месяца три», – констатирует осмотревшая вместе с героями романа Висину квартиру Рубина, умалчивающая, впрочем, о самом главном – о том, что в этой чаше нет дна и разгрести её не возможно никогда и ни при каких условиях.

Что же происходит в этой удивительной квартире-чаше-воронке, преобразует ли она что-либо или кого-либо? Многое и многих.

Во-первых, это покойная хозяйка квартиры и тётка Лизы, Вися. Подчеркнём, что вся жизнь Виси была жизнью «на грани». Неслучайно поэтому и выбранное ею (или доставшееся ей в силу каких-то обстоятельств, но принятое как то, что неизбежно) местожительство на границе города и Запанского. Про посёлок Запанской в романе говорится так: «Прогуливать там девушек в темноте и вообще – совать туда нос, особенно за железнодорожные пути, – не рекомендовалось никому». Но при этом подчёркивается, что «сама тётка Запанских трущоб не боялась: она много лет преподавала в школе домоводство, а кое-кто из её учениц в ухажерах держал запанских громил». То есть Вися, словно Персефона, каждый раз, посещая Запанской и возвращаясь обратно домой, как будто пересекала черту жизни и смерти.

Она вообще любила эту черту, любила заигрывать с жизнью и смертью. На это указывает сам интерьер её квартиры: «Тут все всегда пылало, даже в пасмурный день: покрывало, подушки и гардины тётка сшила из материи какого-то особо знойного алого цвета, с золотыми тюльпанами – ну просто сказка Шехерезады». Напомним, красный цвет символизирует жизнь, фигурируя как

знак жизни во многих мифах. Дом Виси является её оберегом, крепостью, в которую она прячется и излечивается от всех болезней, тем самым продлевая себе жизнь. Правда, за эту же жизнь она расплачивается жертвами, на которые идёт вольно или невольно, и такой жертвой является её погибшая дочь Ирэна.

Сравнение Виси с Шехерезадой тоже не случайно. Как известно, в арабском фольклоре Шехерезада останавливает царя, который убивал девушек наутро после проведенной с ними ночи. Девушка напрашивается стать очередной наложницей-смертницей царя Шахрияра, а оказавшись в царской спальне, рассказывает правителю увлекательные сказки, умышленно останавливая каждую на самом интересном месте ровно тогда, когда восходит солнце. Заинтригованному царю каждое утро приходится откладывать казнь Шехерезады, чтобы следующей ночью услышать продолжение истории. Также «сказки» рассказывает и Вися – о замужестве, о жизни в Самаре. Она скрывала отсутствие мужа, свой доход (случайно найденный ею клад Леокадии) и кражу Корчмаря.

Таким образом, живя в своей удивительной квартире, Вися никогда и ни в чём не равна себе, и меняется так же, как меняется запах в её доме по мере передвижения из одной комнаты в другую. Эта многоликость Виси и является, с нашей точки зрения, первым следствием преобразующей деятельности квартиры-чаши-воронки.

Во-вторых, здесь, в доме Виси, становится другим представление Пети и Лизы о покойной теперь тётке. Всю или почти всю правду о некогда жившей в этом доме хозяйке герои, а вместе с ними и читатели, узнают от пьяного Сильвы, который рассказывает Пете множество историй про Самару, её прошлое, давнишнюю владелицу квартиры Леокадию и про Висю, образ которой, как понимает Петя, был до сих пор ложным в его и Лизинном представлении. Теперь, после этого рассказа, образ доброй тётки развеялся, и она предстала лгуньей и воровкой, которая, выкрыв фамильную куклу и скрывшись с ней в другом городе, пыталась наладить свою жизнь, оторвавшись от семейных драм и проклятий.

Наконец, в-третьих, недолгое пребывание в тёткином доме открывает новые возможности перед главными героями романа – Петей и Лизой, возможности перерождения для самих себя и для будущего, которое необходимо им обоим. Только теперь, после Самары, у них появляется надежда на рождение здорового ребёнка, свободного от злополучного «синдрома Петрушки».

Полученные результаты и выводы

Итак, рассмотрев «самарский эпизод» романа Дины Рубиной «Синдром Петрушки», мы можем констатировать несколько моментов.

Первое. Самара выступает в романе в качестве совершенно особого пространства и смыслового кода, образуемого самарской историей, городским фольклором, художественными и иными текстами, в совокупности образующими городской миф и городской текст, наконец, возможно, личными впечатлениями Дины Рубиной, очевидно, хорошо знакомой с Самарой и самарцами. Все названные компоненты «самарского текста» и образуют тот самарский код, который является одним из наиболее принципиальных, наряду с другими геопоэтическими кодами создания и понимания художественного целого романа.

Второе. Анализируя самарскую семиосферу романа, мы выделили три взаимосвязанных компонента: Самара – город у дороги, вбирающий в себя другие пространства и смыслы и преобразующий их. Существо же этой семиосферы мы видим в реализации женственного начала, выступающего в качестве основы всего «самарского»: не ставя перед собой никаких целей и не стремясь к их достижению, Самара всегда оказывается на пути у тех, кто к этим целям стремится; оказавшись же на пути, она завладевает каждым, кто оказывается вблизи её, заговаривает и заворачивает, увлекая в свою бездонность и разность, и, в конечном счёте, преобразует, заставляя меняться и открывая новые возможности.

И третье. Наиболее существенная роль в самарском эпизоде принадлежит квартире Виси, одному из самарских мини-топосов, выступающих как квинтэссенция всего «самарского» в романе. Находящаяся на краю старого города, она вмещает в себя разные эпохи и культурные пласты, языки и запахи, преобразуя всех и каждого, кто в ней оказывается.

Источники фактического материала

Рубина Д.И. Синдром Петрушки. Москва: Эксмо, 2012. 432 с.

Библиографический список

Highmore, B. (2005), *Cityscapes: Cultural Readings in the Material and Symbolic City*, Houndmills and London, UK.

Short, J.R. (2006), *Urban Theory: A Critical Assessment*, NY, USA.

Soja, Ed.W. (2000), *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*, Oxford, UK.

Бахтин М.М. Эпос и роман. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 304 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 424 с.

Голубков С.А. Семантика и метафизика города. «Городской текст» в русской литературе XX века. Самара: Самарский ун-т, 2010. 168 с.

Голубков С.А. Страницы самарского текста: мемуарные очерки и эссе. Самара: Самарский ун-т, 2014. 267 с.

Иванова А.Н. Сибирский текст в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука и образование сегодня. 2018. № 5 (28). С. 68–72.

Перепелкин М.А. Ходившие по мукам. «Самарский код» в трилогии А.Н. Толстого. Самара: Научно-технический центр, 2021. 704 с.

Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия (способы художественного синтезирования). Волгоград, 1999. 312 с.

Резанова З.И., Пановица В.Ю. Ключевые текстовые метафорические модели трилогии Д. Рубиной «Люди воздуха» // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 382. С. 33–38.

Роднянская И.Б. Художественное время и художественное пространство // Краткая литературная энциклопедия. Москва, 1989. 487 с.

Сухонос А. Сахалинские страницы в романе Д.И. Рубиной «Синдром Петрушки» // Сахалинское образование XXI век. 2017. № 3. С. 53–62.

Цатурян М.М. «Пражский текст» в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Книга в современном мире. Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2013. С. 265–269.

Штыгашева О.Г. Феномен городского текста в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2 (32). С. 167–171.

References

Highmore, B. (2005), *Cityscapes: Cultural Readings in the Material and Symbolic City*, Houndmills and London, UK.

Short, J.R. (2006), *Urban Theory: A Critical Assessment*, NY, USA.

Soja, Ed.W. (2000), *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*, Oxford, UK.

Bakhtin, M. (2000), *Epic and novel*, Azbuka, St. Petersburg, Russia.

Bakhtin, M. (1979), *Aesthetics of verbal creativity*, Iskusstvo, Moscow, Russia.

Golubkov, S. (2010), *Semantics and metaphysics of the city. «Urban Text» in Russian Literature of the 20th Century*, Samara National Research University, Samara, Russia.

Golubkov, S. (2014), *Pages of the Samara text: memoirs and essays*, Samara National Research University, Samara, Russia.

Ivanova, A. (2018), Siberian text in Dina Rubina's novel «Petrushka's Syndrome», *Science and Education Today*, no. 5 (28). pp. 68–72.

Perpelkin, M. (2021), *Walking in pain. «Samara Code» in the trilogy by A. Tolstoy*, Samara, Russia.

Pesterev, V. (1999), *Modifications of the Novel*

Form in the Prose of the West in the Second Half of the 20th Century (Methods of Artistic Synthesis), Volgograd, Russia.

Rezanova, Z. and Panovitsa, V. (2014), Key text metaphorical models of D. Rubina's trilogy «People of the Air», *Vestnik Vol. state university*, no. 382, pp. 33–38.

Rodnyanskaya, I. (1989), Artistic Time and Artistic Space, *Brief Literary Encyclopedia*, Moscow, Russia.

Sukhonos, A. (2017), Sakhalin pages in the novel by D.I. Rubina «Petrushka's Syndrome», *Sakhalin education XXI century*, no. 3, pp. 53–62.

Tsaturyan, M. (2013), "Prague Text" in Dina Rubina's novel «Petrushka's Syndrome», *A book in the modern world. Materials of the international scientific conference*, Voronezh, pp. 265–269.

Shtygasheva, O. (2017), Phenomenon of urban text in D. Rubina's novel «Petrushka's Syndrome», *Bulletin of the Bryansk State University*, no. 2 (32), pp. 167–171.

Submitted: 23.08.2023

Revised: 07.11.2023

Accepted: 01.12.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-1/-9

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-65-71

Дата поступления: 09.08.2023
рецензирования: 07.11.2023
принятия: 01.12.2023

Г.Ю. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

Радуга как «знамение завета» в духовной лирике И.А. Бунина: семиотика сакрального. Статья 1. Введение в проблему. Сакральное в произведениях И.А. Бунина

Аннотация: для решения, казалось бы, простого филологического вопроса, какие смыслы связаны с образом радуги в лирике Бунина, пришлось решать ряд непростых задач, когда выяснилось, что радуга – это не совсем природное явление или образ, а в первую очередь духовная реалья, существующая в стихотворениях Бунина на верховных правах религиозного феномена. Отсюда в первой статье возникла необходимость рассмотрения специфических проблем. 1. Реалии особого порядка, принадлежащие духовному миру, формируют сакральное пространство, определяют его ценностную иерархию. Сакральное предполагает действительное «присутствие Божие». 2. Иеротопическое в тексте возникает как воплощение в «знаках», в «образах», в «знамениях» особого способа видения мира в Его свете. Структуру такой иерофании – «вторжения священного» (М. Элиаде) – предельно просто и точно выразил Бунин: «Никого в подлунной нет, Только я да Бог». 3. Присутствие в тексте такого «сверхзнака», как Бог, превышающего в системе сложившихся в национальной культуре смыслов всякое бытие, превращает текст в духовный. Утверждение надмирной силы, воплощенной в Боге, определяющем мироориентацию и восприятие человека, становится решающим фактором «пресуществления» лирики Бунина в духовную. 4. Художественная сакральность, чтобы быть семантически значимой для читателя, нуждается в узнавании: или в непосредственном отклике-восприятии, или в исследовательском прояснении прикровенных анагогических смыслов. 5. Художественная локализация сакрального легче достигается в текстах не просто «интенсивной» формы, какой является лирика, но и субъектно-центрированной.

Ключевые слова: Бунин; присутствие; сакральное; иерофания; иеротопия; духовная лирика; анагогические смыслы; узнавание; необходимость комментария.

Цитирование: Карпенко Г.Ю. Радуга как «знамение завета» в духовной лирике И.А. Бунина: семиотика сакрального. Статья 1. Введение в проблему. Сакральное в произведениях И.А. Бунина // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 65–71. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-65-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Карпенко Г.Ю., 2023 – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.Yu. Karpenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

Rainbow as a covenant in I.A. Bunin's spiritual lyrics: semiotics of the sacred. Article 1. Introduction to the problem. Sacred in the works of I.A. Bunin

Abstract: in order to solve the seemingly simple philological question “What meanings are associated with the image of the rainbow in Bunin's lyrics?” we had to solve a number of difficult tasks when it turned out that the rainbow is not exactly a natural phenomenon or image, but primarily a spiritual reality that exists

in Bunin's poems on the supreme rights of a religious phenomenon. Hence, there was a need to solve specific problems in the first article. 1. Special realities, belonging to the spiritual world, form the sacred space, determine its value hierarchy. The sacred presupposes the actual "presence of God." 2. The hierotopic in the text appears as an embodiment in "signs", in "images" of a special way of viewing the world in Its light. The structure of such a hierophany – the "invasion of the sacred" (M. Eliade) – was expressed very simply and accurately by Bunin: "There is no one in the sublunary, Only I and God." 3. The presence in the text of such a "super sign" as God, which exceeds any existence in the system of meanings established in the national culture, turns the text into a spiritual one. The establishment of the supramundane power embodied in God, who determines the world orientation and perception of a person, becomes a decisive factor in the "transubstantiation" of Bunin's lyrics into a spiritual one. 4. In order to be semantically significant for the reader, artistic sacredness needs to be recognized: either through direct response and perception or through a research clarification of hidden anagogic meanings. 5. Artistic localization of the sacred is more easily achieved in texts not just of an "intense" form, which is the lyrics, but also of a subjectively centered one.

Key words: Bunin; presence; sacred; hierophany; hierotopia; spiritual lyrics; anagogic meanings; recognition; the need for commentary.

Citation: Karpenko, G.Y. (2023), Rainbow as a covenant in I.A. Bunin's spiritual lyrics: semiotics of the sacred. Article 1. Introduction to the problem. Sacred in the works of I.A. Bunin, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 65–71, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-65-71>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Karpenko G.Yu., 2023** – Doctor of sciences in Philology, Professor, Professor of Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В лирике И.А. Бунина есть такие «знаки», которые образуют «тексты «усиленного» типа», наподобие авраамических (Топоров 1983, с. 229). Из них трудно, сложно и почти невозможно извлечь их глубинные смыслы при помощи привычных литературоведческих категорий (Есаулов 2006). Это не образы, не концепты, хотя они так могут быть опознаны и так опознаются, а реалии особого порядка, принадлежащие духовному миру, обозначающие и выражающие его ценностную иерархию – формирующие сакральное пространство. В такие «знаки», «в это слово одинаково входит и творение мира, и наша психика» (Булгаков 1953, с. 23):

Никого в подлунной нет,

Только я да Бог. (Бунин 1965–1967, т. 8, с. 25).

Так Бунин предельно лаконично – в логике соотношения-сопряжения «микро-и-макрокосма» – в возрасте 82 лет, за год до смерти, приглушив в силу накопившегося духовного опыта всякую эмоциональность и художественность, почти математически, но символически потаенно точно обозначает «сдвоенную» точку порождения сакрального пространства: «я да Бог».

В двух предлагаемых статьях единая трехкомпонентная проблема, вынесенная в заглавие, – радуга как завет, духовная лирика Бунина, сакральное – будет рассмотрена в обратной последовательности: от «общего» (сакрального) к «частному» (радуге как завету). В первой статье в центре внимания будут находиться две проблемы. Одну из них можно определить так: как возможно в тексте запечатлеть сакральное, как в тексте можно увидеть изображение сакрального, присутствие «зна-

ков» сакрального? Вторая проблема связана непосредственно с творчеством Бунина: с осмыслением «механизмов» (сущностей) порождения сакрального в его произведениях, с определением основы и структуры сакрального в его текстах, что и позволяет говорить о духовной лирике, отражающей, по словам Г.П. Федотова, предельную глубину авторского и национального самосознания (Федотов 1991, с. 11–19), или «способность приближения к Богу в высшей мере» (Толстой 1991, с. 9).

Постановка проблемы и методология

Сакральное, как справедливо пишет А.М. Лидов, «предполагает реальное “присутствие Божие”» (Лидов 2006, с. 10); а иеротопическое в тексте, в пространстве текста возникает как воплощение в «знаках», в «образах» и в «знамениях» особого способа видения мира в свете Его «присутствия» (Лидов 2006, с. 31).

В художественном произведении сакральное находит свое воплощение в образном слове и может быть представлено в намеках, в явных или неявных отсылках к затекстовой реальности, к духовному опыту человека и к его высшему свидетельству и источнику – к Священному Писанию (Библия 2022). Такая художественная сакральность, чтобы быть актуальной, семантически значимой для читателя, нуждается в узнавании: или в непосредственном отклике-восприятии, или в исследовательском прояснении прикровенных анагогических смыслов. До тех пор она в тексте будет существовать в «свернутом», непроясненном виде как потенциальные, но не разгаданные значения, как неназванные «модусы бытия в знаке» (Топоров 1995, с. 4).

Описание же духовного мира категориями традиционного литературоведения часто ведет к «десакрализации» смыслов, к низведению их до уровня всеобщих абстракций, к разрушению сотрудничества иерархии и человека, к ее уничтожению в тексте сакрального, к его перекодировке в другие «знаки». Конечно, категории «образ», «концепт» по отношению к Богу, явленному в тексте, применимы, так как Он явлен в авторском слове и дан со всеми особенностями авторского понимания и воплощения. Но прежде чем сакральное превращать в «образное», оно должно быть утверждено и воспринято как иерархически высшая ценностная реальность национального самосознания и культуры.

Однако в науке на уровне методологических установок происходит разрушение «спектра адекватности» (Есаулов 1995): применяются методы и категории по своим гносеологическим и содержательным возможностям меньше воплощенных смыслов художественного произведения. Такие «сбои в адекватности» допускаются или сознательно, в силу избранных принципов, или по сложившейся традиции, потому что «так принято». Классический пример «сбоя» в понимании «предмета» на основе сложившейся традиции изучения («так принято») приводит А. Швейцер. Занимаясь изучением раннего христианства, он обратил внимание на то, что христианский опыт первых веков описывается в категориях древнегреческой философии, языческой по своим основам, следовательно, в христианстве ученые видят только то, что предписывают им древнегреческие категории: то есть уникальный по духовному подвигу опыт раннего христианства, – периода, когда христианам институционально (так как христианство не было тогда еще государственной религией) не за что было «зацепиться», как только за крест и веру, – этот уникальный духовный опыт был только иллюстрацией древнегреческих категорий, сформировавшихся на основе разложения мифа и другого опыта (Швейцер 2006, с. 22–23).

Такой же категориально-методологический изъян в понимании сакрального встречается, как пишет и о. Павел Флоренский, даже у апологетов первых веков христианства: «...богословие апологетов, опиравшихся на античную философию, впадало в ошибку...» (Флоренский 1914, с. 56).

В современной науке могут звучать и более радикальные требования, направленные на чуть ли не законодательное умерщвление в тексте духовного. Так, по утверждению С.В. Заграевского, «Научный текст должен быть предельно универсальным и не вызывать идеологического неприятия у тех читателей, которые не исповедуют веру автора этого текста. Этого требует элементарная научная этика» (Заграевский 2018, с. 49); «...реалистично настроенный человек ждёт от науки прежде всего

ответов на вопросы “что, кто, где, когда, почему”» (Заграевский 2018, с. 63).

С.В. Заграевский рекомендует ввести «репрессивные» ограничения гуманитарному мышлению в виде «элементарной научной этики», «предельной универсальности» и таким способом предлагает предписать научной мысли оставаться при постижении духовных явлений отечественной культуры в отведенных «кем-то» границах, и если уникальный объект, рожденный, например, в лоне религиозной традиции, изучается, то его надлежит рассматривать с позиции позитивистской «внеаходимости», чтобы (не дай Бог) «не вызвать идеологического неприятия у тех читателей, которые не исповедуют веру автора»: «минималистская» психология заискивания перед современным читателем, перед «реалистично настроенным человеком», которому по разным причинам не открываются воплощенные в художественном творчестве ценности, порожденные верой, – «элементарная научная этика», ведущая к забвению духовных традиций, к разрыву с ними, к утрате национально-культурной идентичности.

Особенно страдает при чтении и осмыслении русская классика: в восприятии читателя сакральные знаки текста просто не считываются, и тогда содержание произведения измеряется горизонтом социальных, нравственно-психологических проблем, не соотносимых с ценностной онтологией русского национального самосознания, умаляются те духовные устремления, которые запечатлели русские писатели в своем творчестве, не видится то, на что указывал как на «главное» в русской классической литературе В.М. Маркович еще в 1990-е годы: «Осваивая фактическую реальность общественной и частной жизни людей, постигая в полной мере ее детерминированность, классический русский реализм едва ли не с такой же силой устремляется за пределы этой реальности и ее законов – к «последним» сущностям общества, истории, человека, вселенной <...>. Общественная жизнь, история, метания человеческой души получали тогда трансцендентный смысл, начинали соотноситься с такими категориями, как вечность, высшая справедливость, провиденциальная миссия России, конец света, Страшный суд, царство Божие на земле» (Маркович 1993, с. 131).

Удачный пример того, как происходит десакрализация, стирание базовых смыслов в текстах русской классики, приводит Т.А. Касаткина, обратившись к переводам произведений Ф.М. Достоевского на европейские языки, в частности, романа «Записки из подполья»: «...все заключения о них европейскими философами делались на основании такого перевода, из которого исчезали непрочитанные и неопознанные переводчиками все встроены Достоевским в текст скрытые цитаты и аллюзии – прежде всего, библейские. Это огромный

пласт текста, оказавшийся не воспринятым в “Записках из подполья” – в результате чего “Записки...” и были прочитаны как текст-предшественник европейского экзистенциализма – поскольку считана была только философия героя (а не автора) – и то в ее самом поверхностном слое <...> Глядя на такой перевод, мы понимаем, что многие (в том числе профессиональные философы и богословы), читающие текст на русском языке, точно так же не опознают этих «подключенных» автором текстов (а если опознают, то не видят смысла в этом подключении), то есть для них эти триггеры тоже не работают. Разница здесь будет лишь в том, что в тексте Достоевского на русском языке эти триггеры все равно сохраняются – и читатели в какой-то момент могут начать их воспринимать – при новом изменении общекультурного поля...» (Касаткина 2019, с. 114–115).

Таким способом «слепые места» возникают как у переводчика, так и у современного читателя, довольствующегося в лучшем случае реальным – информативным – комментарием. Поэтому-то для прояснения, высветления этих «затертых», неопознанных «знаков» нужен квалифицированный комментарий таящихся в них аналогических смыслов (Маццола 2018, с. 107–147): «Этим он радикально меняет ракурс, уровень восприятия, реперные точки, определяющие последующую интерпретацию текста читателем – словом, все то, что мы так осторожно заслоняем...» (Касаткина 2023, с. 48).

Ход исследования

В свете сказанных предварительных замечаний со всей определенностью можно сказать, что изучение особого рода «реалий» в лирике Бунина (как и всего творчества) становится необходимой и насущной задачей, связанной не просто с описанием текста по определенному научному алгоритму, а с обнаружением тех духовных ценностей, которые утверждает Бунин как высшую реальность и которые определяют особенности его миропонимания и миропостроения (Бердникова 2009). «Никого в подлунной нет / Только я да Бог» – это не просто и не только художественное высказывание, но прежде всего выражение переживания религиозного человека, запечатление его особого опыта как ценности. С учетом этого обстоятельства – что перед нами религиозно-художественное высказывание – и должно быть организовано наше понимание (Есаулов 2023, с. 7–30).

Прежде чем непосредственно перейти к осмыслению природного явления радуги, представленного Буниным как завет между Богом и человеком (что будет предметом рассмотрения во второй статье), необходимо ответить на вопрос, как текст становится духовным в своей знаковой реальности.

Присутствие в тексте такого «сверхзнака», как Бог, превышающего в системе сложившихся в на-

циональной культуре смыслов всякое бытие, превращает текст в духовный (в текст, насыщенный духовными смыслами), иерархически его выстраивает. Текст как содержащий духовные ценности может выражать их по меньшей мере двояким образом и быть или потенциально духовным текстом, или текстом, в котором ценностная иерархия находит свое непосредственное воплощение в «идеологии», во внутреннем мире, в служении героя. «Что ж бы я без Бога-то была?» – вопросом утверждает свое стояние в вере Соня Мармеладова (Достоевский 2016, с. 278). Потенциально духовный текст (на уровне сюжета героя) – это такой текст, когда автор называет, именуется сакральные ценности, но они оказываются вне поля зрения героя. Характерным примером такого присутствия в тексте сакрального, выведенного автором за пределы видения героя, является каменная церковь с «новодельной» живописью-иконой в усадьбе Одинцовой: «Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от желтой каменной церкви с зеленою крышей, белыми колоннами и живописью *al fresco* над главным входом, представлявшею “Воскресение Христово” в “итальянском” вкусе» (Тургенев 1981, с. 75). В таком тексте обозначенные смыслы открываются только автору и читателю, но не соотношены с сознанием героя: они в нем бездействуют (Карпенко 2021). Если же герой (субъект восприятия и действия) душевно, в переживании, в сердечном измерении находится в связи, в соотношении со сверхличным высшим творящим и дарующим началом, то можно говорить об активизации сюжета героя на духовном уровне. Такой герой религиозен, носитель религиозного сознания, «связи» с сакральным: «Ибо на последней своей глубине религия есть не что иное, как *жажда Бога*: «Жаждет душа моя Бога живого...» (Пс. 41, 3) ... *Захотеть Бога...* Это значит, прежде всего, всем существом узнать, что *Он есть...*» (Шмеман 2006, с. 50–51).

В творчестве Бунина можно выделить мощный пласт духовной лирики именно на основании названного «признака». В лирике, чтобы ей быть духовной, сакральное «проявляется, обнаруживается» как иерофания (Элиаде 1994, с. 17): «Все мимолетно – и скорби, и радость, и песни, / Вечен лишь Бог. Он в ночной неземной тишине» (Бунин 1965–1967, т. 1, с. 140); «Нет в мире Бога, кроме Бога, / Сильнее тайны – силы нет» (Бунин 1965–1967, т. 1, с. 222); «Воистину достоин восприятия / Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу / Затем, что все тобой сотворено / И существует волею Твоею!» (Бунин 1965–1967, т. 1, с. 157); «Но стрелку нашу в диске циферблата / Ведет сам Бог. Со всей вселенной в лад» (Бунин 1965–1967, т. 1, с. 333).

Думается, излишне объяснять, что локализация сакрального легче достигается в текстах не просто «интенсивной» формы, какой является лирика,

но и субъектно центрированной. В прозе так, как Бунин говорит в лирике, не скажешь: «Только я да Бог», – так не скажешь, потому что экстенсивная повествовательно-событийная форма не позволяет: обязательно найдутся герои-оппоненты.

В духовных текстах Бунина (даже прозаических) все сотворенное в мире на уровне как бытийных, так и бытовых явлений есть действие Божьей воли, устраивается в соответствии со всевышней мерой красоты, порядка и лада: «Но ведь сам Бог любит, чтобы все было “хорошо”. Он сам радовался, видя, что его творения “весьма хороши”» (Бунин 1965–1967, т. 7, с. 347); «И поставил Бог светила на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделить свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо...» (Бунин 1965–1967, т. 7, с. 396).

Воплощаемая Буниным мысль о животворящей энергии Творца имеет соответствующие библейские параллели: его духовная лирика не плод творческой фантазии, а особая форма восприятия мира: видение его явлений в составе Творения, переживание, освещенное духовной традицией Священных текстов. Святитель Филарет (Дроздов) напоминает непреложную истину Творения: «Творец являет в тварях благость свою <...> и, наконец, святость порядка природы, который во всех частях своих происходит от Бога и в происхождении тварей сливается с непосредственным действием Творца» (Филарет 2004, с. 28).

Как известно, в Библии мир создается как Творение, онтологизированное (сущностно укорененное в неустраняемых свойствах бытия) и явленное в модусах истины, добра и красоты. Оценивая сотворенное в каждый из шести дней творения, Господь заключал, «запечатывал» словом: «это хорошо», «хорошо весьма» (Быт 1:10, 12, 18, 21, 25, 31). Дар Творца человеку оборачивается чувством благодарности. Псалтирь пронизан благодарением Творцу за созданное, наполнен переживанием высшей радости быть в этом Божьем мире: «Твои небеса и Твоя земля; вселенную, и что наполняет ее, Ты основал» (Пс 88:12); «Все соделал Ты премудро, земля полна произведений Твоих» (Пс 103:24).

Тем же чувством благодарности, что и у псалмопевца царя Давида, наполнено сердце бунинского героя: «О, как я чувствовал это божественное великолепие мира и Бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности» (Бунин 1965–1967, т. 6, с. 18).

Примечательно и удивительно не только то, что Бунин точно и лично передает суть ветхозаветной онтологии, но и то, что он угадывает чутьем художника поэтическую душу древних толкователей Пятикнижия, словно у них, у создателей книг Библии, и у толкователей Пятикнижия, и у автора духовных стихов, одно «помнящее сердце», наполненное любовью к Богу. Бунинское восприя-

тие сотворенного мира сродни благоговейному лицезрению талмудистов. В его благодарениях Творцу, в сердечном молитвословии сохранился тот же самый душевно-духовный настрой старательных толкователей. В Талмуде – в духовном толковнике Пятикнижия – во втором «Прибавлении к трактату «Берахот» находятся шедевры древнееврейского поэтического славословия в честь Бога, Творца вселенной: «Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, образующий свет и создающий темноту, водворяющий мир, Творец всего сущего! Ты освещаешь землю и ее обитателей по милости, обновляешь по благодати ежедневно и непрерывно первоначально созданное. Как многочисленны Твои создания, Господи. Все премудростию сотворил еси, полна земля творениями Твоими» (Талмуд 1902, т. 1, с. 42).

В тональности благодарений, возносимых талмудистами, настраивает и Бунин свое поэтическое слово, обращенное к сотворенному миру. Такой высокий настрой и всецельная поддержка библейского духа необходимы Бунину, чтобы личностным и вселенским центром утвердить того вечного Бога, вокруг которого вращалась жизнь человека с ветхозаветного времени, чтобы втянуть в «Божий круг» все заботы и события человеческие, исторические, космические, чтобы связать с ним решение целого комплекса специфических проблем человеческого существования.

С другой стороны, такое типологическое единство и родство мировосприятия Бунина с человеком библейских времен указывает на наличие общего духовно-антропологического кода, некоей сферы особых чувств и переживаний, которые устойчиво существуют в этой сфере и возникают подобным образом во все времена в «присутствии Бога» и для выражения которых есть подобный – на всех языках «анагогический» – язык.

Признание мира «Божьим миром» (Бунин 1965–1967, т. 1, с. 142), признание Бога, «Хозяина и Отца, бытие которого совершенно несомненно» (Бунин 1965–1967, т. 9, с. 160), ведет к изменению ценностно иерархических связей человека с дольным и горним миром, существенно влияет на характер его восприятия и особенности его самоощущения (Карпенко 1995, с. 35–45). Человек, узнавший, переживший, что в мире «*Он есть*», живет уже в «Божьем мире», а слово об этом мире, образующее текст, преобразует этот текст в духовный и – более того – в евхаристический: «Знание Бога претворяет нашу жизнь в благодарение <...>, благодарение это возносится и из радости и из печали, из глубины счастья, так и несчастья, из жизни и из смерти <...>, знание Бога, нам дарованное как дар чистого благодарения <...>. Благодарение – это опыт рая» (Шмеман 206, с. 217, 218–219). Выраженная в слове духовно-антропологическая реальность, иерархически центрированная присут-

ствием Бога, намечает в духовной лирике Бунина и евхаристический текст, преобразующий жизнь в «благодарение»:

Как, Господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом

Ты дал мне видеть и любить. (Бунин 1965–1967, т. 8, с. 38).

Заключение

Чтобы тексту быть духовным, должна случиться, как пишет М. Элиаде, иерофания: «...некое вторжение священного, в результате чего из окружающего космического пространства выделяется какая-либо территория, которой придаются качественно отличные свойства» (Элиаде 1994, с. 25).

Вот с такой художественной реальностью, возникающей в результате иерофании – «вторжения» «сверхзнаков» в текстовое пространство, мы имеем дело, когда обращаемся к лирике Бунина: утверждение надмирной силы, воплощенной в Боге, определяющем мироориентацию и восприятие человека, становится решающим фактором «пресуществления» лирики Бунина в духовную лирику.

Однако одно дело, когда в художественном мире Бунина такими сверхсущностными духовными «реалиями» выступают Бог, Богородица («Богоматерь Божия, кроткая и милостивая, с очами, поднятыми к небу» – Бунин 1965–1967, т. 4, с. 326), узнаваемые по Имени своему и по месту в ценностной иерархии мира, и другое дело, когда в пространство текста «падают» явления природы (радуга, небо, океан), которые «с первого взгляда» вне религиозного контекста к духовным реалиям никак не отнесешь. Как «маркируются», как опознаются и что выражают «знаки чувственно-сверхчувственного» в духовной лирике Бунина, а именно в его стихотворениях «Две радуги» и «Радуга», – этой заманчивой исследовательской проблеме будет посвящена вторая статья.

Фактический материал

Библия. Синодальный перевод. Москва: Сретенский монастырь, 2022. 1 536 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. Москва: Художественная литература, 1965–1967.

Талмуд. Мишна и Тосефта: В 7 т. Санкт-Петербург: Издание П.П. Сойкина, 1902. Т. 1. Кн. 1. 417 с.

Библиографический список

Бердникова О.А. «Так сладок сердцу Божий мир...» Творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции. Воронеж: Воронежская областная типография. Издательство им. Е.А. Болховитинова, 2009. 272 с.

Булгаков С.Н. Философия Имени. Париж: YMCA-PRESS, 1953. 279 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. Т. 6. Преступление и наказание. Санкт-Петербург: Наука, 2016. 480 с.

Есаулов И.А. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы // Литературоведческий журнал. 2006. № 21. С. 3–14.

Есаулов И.А. Введение. Анализ, интерпретации и понимание в изучении литературы // Есаулов И.А., Тарасов Б.Н., Сытина Ю.Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. Москва: Индрик, 2021. С. 7–30.

Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). Москва: РГГУ, 1995. 102 с.

Заграевский С.В. О научной обоснованности иеротопии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 49–69.

Карпенко Г.Ю. Живопись al fresco «Воскресение Христово» в «итальянском» вкусе в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 140–171.

Карпенко Г.Ю. Образ «сотворенного мира» в творчестве И.А. Бунина и ветхозаветная традиция // Царственная свобода: О творчестве И.А. Бунина: К 125-летию со дня рождения писателя: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 35–45.

Касаткина Т.А. «Записки из подполья» как христианский текст // Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. Москва: Водолей, 2019. С. 113–239.

Касаткина Т.А. Что есть реалья? Проблемы реального комментария // Касаткина Т.А. «Мы будем – лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского. Москва: ИМЛИ РАН, 2023. С. 14–48.

Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Москва: Прогресс-Традиция, 2006. С. 9–31.

Маркович В.М. О трансформациях «натуральной «новеллы» и двух «реализмах» в русской литературе XIX века // Русская новелла: Проблемы теории и истории. Сборник статей. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. С. 113–134.

Маццола Е. Неизбежность комментария: «слепые места» переводчика // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. №. 4. С. 107–147.

Толстой Н.И. Несколько слов о новой серии и книге Г.П. Федотова «Стихи духовные» // Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). Москва: Прогресс; Гнозис, 1991. С. 5–9.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва: Прогресс; Культура, 1995. 623 с.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва: Наука, 1983. С. 227–284.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 7. Москва: Наука, 1981. 558 с.

Федотов Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). Москва: Прогресс; Гнозис, 1991. 190 с.

Филарет (Дроздов), митрополит. Толкование на Книгу Бытия. Москва: Лепта–Пресс, 2004. 831 с.

Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Москва: Путь, 1914. 814 с.

Швейцер А. Мистика апостола Павла // Христос или Закон? Апостол Павел глазами новозаветной науки. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 19–370.

Шмеман Александр, протоиерей. Евхаристия: Таинство Царства. Москва: Паломник, 2006. 311 с.

Элиаде М. Священное и мирское. Москва: Издательство Московского университета, 1994. 144 с.

References

Berdnikova, O. (2009), *"The world of God is so sweet to the heart..." The work of I. Bunin in the context of the Christian spiritual tradition*, Voronezh Regional Printing House, Voronezh, Russia.

Bulgakov, S. (1953), *Philosophy of the Name*, YMCA–PRESS, Paris, France.

Dostoevsky, F. (2016), *Complete works and letters: In 35 vols, vol. 6. Crime and punishment*, Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Esaulov, I. (2006), New categories of philological analysis for understanding the essence of Russian literature, *Literary Journal*, no. 21, pp. 3–14.

Esaulov, I. (2021), Introduction. Analysis, interpretations and understanding in the study of literature, Esaulov, I., Tarasov, B., Sytina, Yu., *Analysis, interpretations and understanding in the study of Dostoevsky's legacy*, Indrik, Moscow, Russia.

Esaulov, I. (1995), *The spectrum of adequacy in the interpretation of a literary work ("Mirgorod" by N.V. Gogol)*, RSUH, Moscow, Russia.

Zagraevsky, S. (2018), On the scientific validity of hierotopia, *ПРАΞΗΜΑ. Problems of visual semiotics*, no. 1 (15), pp. 49–69.

Karpenko, G. (2021), Painting al fresco "The Resurrection of Christ" in the "Italian" taste in I. S. Turgenev's novel "Fathers and Children", *Problems of Historical Poetics*, vol. 19, no. 1, pp. 140–171.

Karpenko, G. (1995), The image of the "created world" in the works of I. A. Bunin and the Old Testament tradition, *Royal freedom: About the work of I. A. Bunin: To the 125th anniversary of the birth of the*

writer: Interuniversity collection of scientific papers, Kvadrat, Voronezh, pp. 35–45.

Kasatkina, T. (2019), "Notes from the Underground" as a Christian text, *Dostoevsky as a philosopher and theologian: an artistic way of saying*, Aquarius, Moscow, Russia.

Kasatkina, T. (2023), What is reality? Problems of real commentary, *"We will be persons ..." Analytical and synthetic reading of Dostoevsky's works*, IMLI RAS, Moscow, Russia.

Lidov, A. (2006), Hierotopia. Creation of sacred spaces as a kind of creativity and subject of historical research, *Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and Ancient Russia*, Progress–Tradition, Moscow, Russia.

Markovich, V. (1993), On the transformations of the "natural" novella and two "realisms" in the Russian literature of the XIX century, *Russian Novella: Problems of Theory and History. Collection of articles*, St. Petersburg University Press, St. Petersburg, pp. 113–134.

Mazzola, E. (2018), The inevitability of commentary: "blind spots" of the translator, *Dostoevsky and world culture. Philological journal*, no. 4, pp. 107–147.

Tolstoy, N. (1991), A few words about the new series and the book by G.P. Fedotov "Spiritual Poems", Fedotov G.P. *Spiritual Poems (Russian Folk Faith on spiritual poems)*, Progress; Gnosis, Moscow, pp. 5–9.

Toporov, V. (1995), *Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites*, Progress; Culture, Moscow, Russia.

Toporov, V. (1983), Space and text, *Text: semantics and structure*, Nauka, Moscow, pp. 227–284.

Turgenev, I. (1981), *The complete collection of works and letters: In 30 vols, vol. 7*, Nauka, Moscow, Russia.

Fedotov, G. (1991), *Spiritual poems (Russian Folk Faith on spiritual poems)*, Progress; Gnosis, Moscow, Russia.

Filaret (Drozдов) Metropolitan (2004), *Interpretation on the Book of Genesis*, Lepta–Press, Moscow, Russia.

Florensky, P. (1914), *The Pillar and the statement of truth. The experience of Orthodox Theodicy in twelve letters*, Path, Moscow, Russia.

Schweitzer, A. (2006), The Mysticism of the Apostle Paul, *Christ or the Law? The Apostle Paul through the eyes of New Testament science*, Russian Political Encyclopedia, Moscow, Russia.

Schmeman, A. Archpriest (2006), *The Eucharist: The mystery of the Kingdom*, Pilgrim, Moscow, Russia.

Eliade, M. (1994), *Sacred and Secular*, Moscow University Press, Moscow, Russia.

Submitted: 09.08.2023

Revised: 07.11.2023

Accepted: 01.12.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82-09

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-72-80

Дата поступления: 06.09.2023
рецензирования: 10.11.2023
принятия: 01.12.2023

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Феномен творческой авторефлексии и проблема создания биографии писателя

Аннотация: в статье идет речь об учете многочисленных случаев авторефлексии писателя при создании его научной биографии, о диалогических связях биографии с эпохой. Творческая жизнь художника может складываться как *благодаря*, так и *вопреки* воздействию времени, а то и *независимо* от него. Уделяется внимание проблеме поэтапного *становления* писателя, осознания творческой личностью собственной *миссии*, своего социокультурного предназначения. Тут немаловажен вопрос о побудительных *мотивах выбора* профессии, к числу которых можно отнести и судьбоносную встречу с большим художником, и груз накопившихся жизненных впечатлений, и пережитую психотравму. Велико значение многообразной рецепции писателем чужого эстетического опыта. Отношение к этому опыту можно выразить триадой: влияние, отталкивание, взаимообогащение. Говорится о двоякой роли *творческого кризиса* (досадное отсутствие темы, ощущение истощенности и бессилия, оскудение творческих средств воплощения), который может рассматриваться не только как неудача, но и как редкий шанс вероятного продуктивного *обновления*. Приводятся примеры такого радикального обновления в творческой жизни В.П. Катаева, Ю.В. Трифонова, В.Ф. Тендрякова в 1960–1970-е годы. Кроме того, в статье учитывается феномен литературного *поколения*, принадлежность к которому может стать школой и помочь писателю определить вектор дальнейшего развития, проблематику творчества, выбор художественного языка, творческой манеры. Идет речь и об особой значимости культурного родословия и выработки писателем собственного индивидуального *творческого кода*, который писатель передаст будущим поколениям литераторов.

Ключевые слова: биография; авторефлексия; становление; миссия; творческий кризис; обновление; творческое поведение; литературное поколение; культурное родословие; индивидуальный творческий код.

Цитирование: Голубков С.А. Феномен творческой авторефлексии и проблема создания биографии писателя // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 72–80. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-72-80>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Голубков С.А., 2023** – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.A. Golubkov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

The phenomenon of creative self-reflection and the problem of creating a biography of the writer

Abstract: the article deals with the consideration of numerous cases of the writer's self-reflection when creating his scientific biography, about the dialogical links of biography with the epoch. The creative life of an artist can develop both *thanks to* and *despite* the influence of time, or even *independently* of it. Attention is paid to the problem of the gradual *formation* of the writer, the creative person's awareness of his own *mission*,

his socio-cultural destiny. There is an important question about the incentive *motives* for choosing a profession, which include a fateful meeting with a great artist, and the burden of accumulated life impressions, and the experienced psychological trauma. The importance of the writer's diverse reception of someone else's aesthetic experience is great. The attitude to this experience can be expressed as a triad: influence, repulsion, mutual enrichment. The article discusses the dual role of the *creative crisis* (the annoying lack of a theme, the feeling of exhaustion and frustration, the impoverishment of creative means), which can be considered not only as a failure, but also as a rare chance of a probable productive *renewal*. The examples of such radical renewal in the creative life of V.P. Kataev, Yu.V. Trifonov, V.F. Tendryakov in the 1960-1970s are given. In addition, the article takes into account the phenomenon of the literary *generation*, belonging to which can become a school for the writer and help him to determine the vector of further development, the problems of creativity, the choice of artistic language, creative manner. The author talks about the special importance of cultural generation and the own individual *creative code* developed by the writer, which the writer will pass on to future literary generations.

Key words: biography; self-reflection; formation; mission; creative crisis; renewal; creative behavior; literary generation; cultural pedigree; individual creative code.

Citation: Golubkov, S.A. (2023), The phenomenon of creative self-reflection and the problem of creating a biography of the writer, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 72–80, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-72-80>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Golubkov S.A., 2023 – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В наше время можно с уверенностью говорить о большой популярности биографических книг. Об этом свидетельствует постоянное обращение не только профессиональных историков литературы, но и современных писателей к этому жанру. Оторвавшись от задуманных беллетристических повествований, сегодняшний прозаик с энтузиазмом берется за книгу-биографию. Тому немало подтверждений. Так, в серии «Жизнь замечательных людей» вышли книги Алексея Варламова «Пришвин», «Александр Грин», «Михаил Булгаков», «Алексей Толстой», «Андрей Платонов», «Шукшин». Получили большую известность написанные Дмитрием Быковым биографии Бориса Пастернака, Булата Окуджавы, Максима Горького и Владимира Маяковского. Перу Павла Басинского принадлежат книги «Горький» и «Лев Толстой». Захар Прилепин написал для той же серии «ЖЗЛ» книги «Леонид Леонов: Игра его была огромна», «Непохожие поэты. Трагедии и судьбы большевистской эпохи: Анатолий Мариенгоф. Борис Корнилов. Владимир Луговской». Сергей Шаргунов создал биографическую книгу о Валентине Катаеве.

Чем продиктован этот явно возросший интерес писателей к написанию произведений биографического жанра? Наверное, настойчивым поиском героя, равновеликого своей эпохе. Обнаруживается тяга к изображению крупной творческой личности со своей сложной судьбой. Налицо и неподдельный интерес к человеку как таковому.

Биография – не просто перечень занимательных фактов из жизни писателя, а история его по-

рой драматичного духовного и профессионального становления. Это достоверное повествование о том, как из начинающего литератора вырастает настоящий художник слова.

Конечно, в нашу пору обращение к биографическому жанру обусловлено еще и желанием что-то решительно (конечно, с разной степенью такого радикализма!) пересмотреть в истории литературы, отойти от уныло-прямолинейных, вульгарно-социологических оценок, бытовавших в эпоху тотальной советской нормативности. Биограф может, что называется, бросить свежий взгляд на оказавшиеся в его распоряжении писательские дневники, записные книжки, автобиографии, переписку, мемуарные свидетельства, вычитать из всего этого корпуса разнородных источников новые смыслы. Кроме того, нередко дает о себе знать дихотомия писательской самооценки и нашего сегодняшнего взгляда на эту личность, ведь писатель порой творит некий пристрастный миф о самом себе, находит, в порядке самооправдания, объяснительную логику всяким прихотливым развилкам на своем творческом пути.

Ход исследования

Персональная биография неизбежно рассматривается в связях с исторической «биографией» эпохи. В книге «Михаил Пришвин. Биография» Алексей Варламов отмечает, что Пришвин «был насквозь диалогичен, и только через диалоги и полемику может быть оценен и понят. Поэтому писать о Пришвине – это писать об эпохе, в которой он жил» (Варламов 2010, с. 6). Эта связь любого писателя с эпохой чрезвычайно интересна,

поскольку становление творческого человека может происходить или *благодаря*, или *вопреки* определяющим факторам времени, а может быть, и совсем *независимо* от них. А потому мы знаем самые разные типы писательских биографий – официозную, подпольную, сокровенно-духовную, житейскую. Один и тот же человек предстает в них в разных отражениях. Эти биографии могут между собой не совпадать – по фактам, по оценкам, по приоритетам и доминантам. Отсюда и возникают споры разных биографов, пишущих как будто об одном и том же писателе, но укрупняющих только ту или иную ипостась творческой личности. В результате эти хроникеры писательской жизни обнаруживают разных персон в одном лице.

Теоретико-литературной проблеме биографии писателя посвящены научные исследования С.С. Аверинцева, Г.О. Винокура, Ю.М. Лотмана, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова. Основная задача ученого-биографа – получение целостного знания творческой личности. Как отмечает А.А. Холиков, «личность писателя может быть познана как минимум на трех уровнях: бытовом, сверхбытовом и сущностном. Бытовой уровень подразумевает изучение биографических фактов в отрыве от творческой деятельности личности. На сверхбытовом уровне биограф исследует жизнь писателя в ее отношении к творчеству. <...> ... бытовой и сверхбытовой уровни предполагают условное разделение двух авторов: биографического, выраженного в мемуарах, письмах, дневниках, публицистике, философских трудах, а также имманентного» (Холиков 2010, с. 86–87). На сущностном уровне, по мнению исследователя, «перед нами неделимая личность, представленная во всех своих текстах независимо от их жанровой принадлежности. От жанра может зависеть только степень проявленности творческой личности писателя» (Холиков 2010, с. 87).

При изучении биографии художника одним из ключевых становится вопрос о *становлении* творческой личности. Этим интересуются читатели, критики, историки литературы. Но нередко такой вопрос частенько задают писатели и самим себе в минуты своеобразной авторефлексии, задумавшись о собственном творческом пути и своем предназначении. Этот вопрос может проходить значимым пунктиром через писательский дневник, возникать в многочисленных письмах, эссе о творчестве, автобиографической прозе, мемуарных свидетельствах, в сборниках интервью. К числу недавних книг подобного типа отнесем сборник «Как мы пишем: Писатели о литературе, о времени, о себе: очерки» (Как мы пишем 2018), включивший размышления современных российских литераторов о собственных тематических и жанровых поисках, о своей «творческой лаборатории».

Писатель нередко по прошествии многих лет задумывается, как, под воздействием каких обстоятельств он свернул на дорожку словесного творчества, выбрал профессию. В биографии каждого художника слова немало поучительных историй о связи творческой деятельности с экстраординарными жизненными обстоятельствами и личными потрясениями. Нередко побудительным мотивом к творчеству становилась когда-то пережитая автором психотравма, когда обращение к перу было попыткой спасительного бегства от отчаяния в мир литературных образов и иллюзий. Так, Леонид Андреев, вспоминая гибель во время родов своей горячо любимой жены в Берлине в 1906 году, приходил в своем трагическом дневнике 1915–1919 гг. к парадоксальному итоговому умозаключению: «*Любопытно, что почти все лучшие мои вещи я писал в пору наибольшей личной неурядицы, в периоды самых тяжелых душевных переживаний*» (Андреев 1994, с. 22).

Творчество невозможно без осознанной жизненной сверхзадачи. Вступая на литературную дорогу, литератор неизбежно задумывается о своей собственной творческой *миссии*, своем предназначении. Наверное, это звучит слишком громко и пафосно. На деле куда проще – начинающий художник интуитивно хочет приблизиться к тому сокровенному, что станет главным содержанием его активной жизни в искусстве. А уже потом, по прошествии многих лет, придут и округлые итоговые фразы, и даже мудрые афоризмы на эту тему. Характерный пример представляют собой Нобелевские лекции А.И. Солженицына и И.А. Бродского, кардинально различающиеся по основополагающим посылам и устремлениям. В одном случае писатель оставляет себе право быть голодом тех многих тысяч безвинных узников, кому суждено было сгинуть в безднах ГУЛАГа и кто по этой причине был лишен шанса свидетельствовать на пресловутом Суде Истории. Такой судьбоносный шанс, действительно, выпал Солженицыну, о чем он и заявил в своей Нобелевской лекции, осознав его как свою персональную творческую и, вместе с тем, историческую миссию. Категорично утверждая, что «против многого в мире может выстоять ложь, – но только не против искусства», писатель закончил лекцию русской пословицей: «Одно слово правды весь мир перетянет» (Солженицын 2004, с. 34–35).

А Иосиф Бродский в своей лекции, прочитанной в Стокгольме, сделал значимый акцент на совершенно ином, но тоже чрезвычайно важном моменте – на своем приоритетном праве сугубо частного самовыражения. Творчество поэта – это, прежде всего, индивидуальный опыт, факт персональной духовной жизни. «*Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное*» (Бродский

1992, с. 454). В условиях непрерывного испытания отечественных литераторов тотальной коммуналностью, как это было в советские годы, такая позиция была вызовом обезличивающему идеологическому диктату.

Писатель всегда в известном смысле работает оценщиком и прилежным сортировщиком действительных и мнимых ценностей. Ценностей социокультурных, политических, нравственных, эстетических. Ему важно иметь перед глазами достаточно точную измерительную шкалу, чтобы верно судить о соотношении человека и социума, отдельной личности и общего исторического момента, традиций и новаций.

В книге «Идти бестрепетно» Е.Г. Водолазкин размышляет о вхождении в профессию, об обретенной профессиональной судьбе. Рассказывая о том, что Пушкинский Дом, где в секторе древнерусской литературы ИРЛИ РАН Е.Г. Водолазкин занимался под руководством Д.С. Лихачева, был когда-то домом таможни, писатель обыгрывает семантику этого исторического факта. Таможня – это всегда *граница*. Так и Пушкинский Дом означал для пишущего смыслоемкую границу между литературой, литературоведением и жизнью.

В пору профессионального становления писатели часто занимаются напряженными поисками *эстетического ориентира*. При этом, размышляя о творчестве и собственных вероятных литературных маршрутах, они нередко бывают несправедливы к соседям по культурной эпохе. Таков, скажем, литературный портрет «Максим Горький», написанный молодым и напористым К.И. Чуковским и опубликованный в его известном сборнике критических работ «От Чехова до наших дней» (1908). Литератор с журналистской запальчивостью утверждал: «*Написав однажды “Песнь о Соколе”, он ровненько и симметрично, как по линейке, разделил все мироздание на Ужей и Соколов, да так всю жизнь, с монотонной аккуратностью во всех своих драмах, рассказах, повестях – и действовал в этом направлении. <...> Будто жизнь – это большая приходо-расходная книга, где слева дебет, а справа кредит*» (Чуковский 2012, с. 85). Некоторые критики-современники резко негативно отнеслись к чертам демонстративной карикатурности, присущим этим литературным портретам, увидели в них прямые следы безоглядного влияния жесткого писаревского нигилизма.

Однако справедливости ради заметим, что такой оценивающий взгляд на собратьев по перу вполне законная и неременная принадлежность любой писательской авторефлексии, ведь художник, хочет он этого или нет, должен сформировать свое адекватное отношение не только к своему, но и к чужому творческому опыту. Этот посторонний опыт может рождать целый сложный спектр рецептивных оценок и эмоций: либо чувство ис-

кренней приязни и сорадования, либо чувство недоверия и даже враждебности, что вполне естественно, ведь творчество по природе своей субъективно и лично.

У биографии писателя могут быть *внешний* (очевидный) и *внутренний* (порой скрытый) планы. Столкновение их порой обнаруживает настоящую драму становления личности писателя. Исполнены внутреннего драматизма и мемуары А. Белого, и автобиографические признания А.И. Куприна, и материалы к биографии С.Д. Кржижановского.

Авторы биографий писателей нередко отстаиваются на месте в профессиональной судьбе того или иного *творческого кризиса*. Литераторы порой оказываются в очередном тупике, когда наступает полоса мучительного бестемья, какой-то досадной внутренней исчерпанности и бессилия. Многочисленные писательские архивы, хранящие эпистолярное наследие, дневники и записные книжки литераторов, полны таких сетований на вдруг внезапно наступившие периоды немоты. Иногда эти признания выплескиваются и в художественные произведения. Белла Ахмадулина, например, в одном из стихотворений давала эмоциональное признание:

*Что сделалось? Зачем я не могу,
уж целый год не знаю, не умею
слагать стихи и только немоту
тяжелую в моих губах имею?* (Ахмадулина 1979, с. 84).

А Андрей Вознесенский в стихотворении, которое так и называлось «Не пишется», тоже с горечью фиксировал:

*Я – в кризисе. Душа нема.
«Ни дня без строчки», – друг мой точит.
А у меня –
Ни дней, ни строчек.
Поля мои лежат в глуши,
Погашены мои заводы.
И безработица души
зияет страшною зевотой.
И мой критический истец
в статье напишет, что, окрысаясь,
в бескризиснейшей из систем
один переживаю кризис»* (Вознесенский 2000, с. 61).

Однако любой творческий кризис, как правило, *двулик*. С одной стороны, он *завершает* определенный этап, замыкает некий рабочий цикл. А, с другой стороны, он может быть *чреват* и возможным самым радикальным *обновлением*. История литературы дает нам многочисленные примеры подобных продуктивных переходов писателей в новую фазу своего духовного развития.

Как известно, такое неожиданное для читателя обновление произошло у позднего В.П. Катаева, на склоне лет увлекшегося витиеватым «мовизмом»,

как он сам окрестил свою новую стилистическую манеру, и написавшего в этом ключе достаточно большое количество интересных художественных текстов. Писатель при этом решительно отбрасывал скучную «прозрачность» и штампованную простоту-простоватость официальной советской литературы. В его получивших большую популярность повестях конца 1960 – начала 1980-х годов («Святой колодец», «Трава забвенья», «Кубик», «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», «Кладбище в Скулянах», «Уже написан Вертер» и др.) мы обнаруживаем совсем другого автора, отнюдь не похожего на того, кто писал в прежние десятилетия сатирическую повесть «Растратчики», роман «Время, вперед!» или повесть «Белеет парус одинокий».

А другой показательный пример – поздняя проза Ю.В. Трифонова. Под знаком активного творческого присутствия этого талантливого писателя фактически проходил отечественный историко-литературный процесс 1970-х годов. Трифоновские «городские» повести («Обмен», «Продолжительные уроки», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной»), роман «Старик» воспринимались как новое художественное слово и с точки зрения проблематики, и с точки зрения обновленной повествовательной формы. Проза писателя, обладавшая имплицитной конфликтностью, даже переводилась на язык сцены и обретала свою достаточно успешную театральную судьбу.

Ранний успех молодого Трифонова (его дипломная работа в Литературном институте – повесть «Студенты» – была сразу опубликована в престижном «Новом мире»!) отнюдь не гарантировал ему в дальнейшем ровной и спокойной писательской жизни. Литератор пережил несколько глубоких творческих кризисов, заставлявших его заниматься литературной поденщиной, уходить в спортивную журналистику, а параллельно продолжать напряженно искать и свою тематику, и серьезные жанрово-стилевые ориентиры в собственно художественном творчестве. Ю.В. Трифонов вполне в духе того времени, побуждавшего писателей отправляться для пресловутого «изучения жизни» в творческие командировки по бесконечным просторам отечества, едет в Туркмению на строительство Каракумского канала, откуда привозит свой роман «Утоление жажды». Название этого романа имеет несколько взаимосвязанных смысловых пластов. Во-первых, имелось в виду буквальное значение выражения, ведь речь шла об оросительном канале, способном доставить живительную влагу в бесплодные пустынные пространства. А, с другой стороны, имелось в виду и «утоление жажды справедливости», ставшее возможным в эпоху «оттепели», когда из мест заключения возвращались люди, пострадавшие от

сталинских массовых репрессий, и открывались страшные тайны недавней истории. Роман был замечен, имел читательские отклики, но рождения настоящего Юрия Трифонова еще отнюдь не знаменовал. Это рождение большого писателя состоялось уже на рубеже 1960-1970-х годов, когда увидела свет повесть «Обмен». За этой повестью последовала целая вереница тех текстов, которые свидетельствовали о глубоком творческом обновлении писателя («Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной»). Ю.В. Трифонов нашел благодатную тему и обрел своего узнаваемого героя. И что примечательно, и тема, и герои были найдены не на «великих стройках пятилеток», не в каких-нибудь далеких туркменских песках или сибирской тайге, а буквально рядом – в бытовом пространстве московской повседневной жизни. Трифонов показывал человека, оказавшегося наедине со своей частной жизнью. Нравственные Рубиконы пролегли не на поле военных сражений, не на площадке трудовых битв и производственных подвигов, а в неприметных границах приватного пространства обыкновенной городской квартиры. Главным объектом писателя становилось человеческое сознание во всей совокупности явных признаков и скрытых импульсов. Герой оказывался в ситуации самоидентификации, вглядывался в незримое «зеркало», пытаясь осознать перемены, происходящие в глубинах собственного душевного мира. Этот поиск некоего ускользающего смысла персонального бытия делал жизнь беспокойной и порождал тревоги. Писатель терпеливо фиксировал нравственные «обмены» и «размены» героя, его будничные компромиссы с совестью, вел счет понесенных психологических утрат и ситуаций непоправимой редукции личности.

Вспомним, как в это же время В.Ф. Тендряков в повести «Апостольская командировка», рассказывая о будничной жизни своего героя – физика Рыльникова, роняет фразу, становящуюся своеобразным лейтмотивом произведения: «Вечера – трагическое время для благополучных» (Тендряков 1988, с. 344). Жизнь героя открывается читателю с двух сторон: внешней и внутренней. Внешний аспект тревог не внушает: человек делает карьеру, становится востребованным и относительно обеспеченным специалистом, заводит семью, обрывает бытом. А вот внутренний аспект обнаруживает остроту страстей, связанных с утратой целеполагания, с исчезновением какого-то высокого предназначения. Ведь и в другой повести В.Ф. Тендрякова («Ночь после выпуска») речь идет о том же самом. Золотая медалистка Юлечка Студенцова, громко и заявляюще на выпускном вечере: «Передо мной тысячи дорог, а не знаю, по какой идти», фактически находится в состоянии глубокого стресса. С внешней стороны все замечательно –

золотая медаль как явный показатель успешности, а вот со стороны внутренней, если хотите, драма растерянности и психологической неподготовленности к жизненным испытаниям.

Писатели актуализировали чеховскую традицию. Эта традиция в новое время заставляла пристальней взглянуть в примелькавшиеся стереотипы и осознать их ценностную «затертость», пошлость и нежизненность. Эта традиция позволяла увидеть в обычном течении жизни (когда, казалось бы, ничего не происходит) массу судьбоносных развилочек и сложных ситуаций испытания. Как известно, А.Чехов был знаковым писателем эпохи безвременья. И 1970-е годы, когда в литературе активно работали Ю.В. Трифонов, В.Ф. Тендряков, А.В. Вампилов, А.М. Володин, фактически были в известной степени той же эпохой безвременья (или как назовут ее позже, «эпохой застоя»), по крайней мере они рождали такое ощущение. И осознание приостановки позитивного развития и было для писателей той поры актом их перспективного творческого обновления.

Далеко не все опыты подобных писательских обновлений и трансформаций можно отнести к числу заведомо удачных. Так, в те же годы громко заявлял о себе романами «Берег», «Выбор», «Игра» Ю.В. Бондарев, однако заявленное в них расширение тематического разворота, демонстративная претензия на многомерность и масштабность шли в ущерб той писательской сердечной искренности, которая присутствовала в его ранней «лейтенантской» прозе («Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Горячий снег»). Былые живые картины непосредственного и острого восприятия войны молодым человеком, переживавшим эпоху своего личностного становления, в новых романах уже досадно вытеснялись претенциозными многословными умствованиями на тему модного тогда политического и культурного диалога «Восток – Запад». Повествование приобретало искусственно-«головной» характер, лишалось той жизненности, которая всегда вызывает ответное доверие читателя.

Как видим, обновление обновлению рознь. Все зависит от осознанной внутренней потребности творческого роста и волевых практических усилий по утолению этой жажды.

Жизнь писателя может интересовать литературоведа и как демонстрация так называемого *творческого поведения*. История литературы знает многообразные варианты социального поведения. На литературном Пантеоне находилось место и писателям-идеологам, и писателям-мыслителям, и простым литераторам-наблюдателям. Писатели могли *актерствовать*, устраивать литературный быт как своеобразный пестрый театр жизни, но могли и избирать путь молчаливого *отшельничества*, а то и вариант *внутренней эмиграции* (уход

в дневник, в переводы, писание «в стол», молчание как сознательная позиция неучастия в общем «оре» безудержного политического славословия...).

Кроме того, биограф не может не учитывать и феномен «*литературного поколения*», к которому его герой, известный писатель, принадлежит по факту рождения и обстоятельствам своего формирования. Порой у такого поколения складывается самостоятельный культурный код. Этой проблеме был посвящен сборник статей «Социокультурный феномен шестидесятых», подготовленный литературоведами РГГУ (Социокультурный феномен шестидесятых 2008). В числе авторов сборника известные исследователи И.В. Фоменко, И.П. Смирнов, Ю.Л. Троицкий, С.П. Лавлинский, Д.Н. Магомедова, В.И. Тюпа и др. Фактически все статьи посвящены категории ментальности и, в частности, такому явлению, как культурный код поколения, пришедшего в активную взрослую жизнь в эпоху «оттепели». Культурный код поколения шестидесятников вообрал в свой состав и непереносимое увлечение Хемингуэем; и культ дружбы, проверяемый экстремальными условиями похода, путешествия; и эпатажный внешний вид; и жгучий интерес к творческому самовыражению, будь то джазовые импровизации, лирическая проза или экспериментальная живопись; и демонстративный акцент на приватном характере отображаемых переживаний.

Автор писательской биографии, разумеется, задается и таким вопросом, чем пополнит его герой пресловутый архив культуры, каким эхом отзовется в будущих временах созданное писателем слово. Писатель оставляет после себя потомкам не только совокупность текстов, не только образ своей личности, отраженный во множестве мемуарных свидетельств, эпистолярном наследии, череде интервью, публичных выступлений. Он еще передает как эстафету последующим писательским поколениям некий *творческий код* – уникальную систему художественных знаков (цитат, героев, ключевых слов, фабульных схем, жанровых моделей, приемов повествования и т.д.), опознаваемых как читателями, так и писателями-продолжателями складывающейся традиции. Мы можем говорить о функционировании *гоголевского, толстовского, Достоевского, чеховского* художественных кодов, о специфике их рецепции и развития в творческой практике писателей XX века.

Автор писательской биографии сталкивается и с таким парадоксом, как капризы весьма избирательного обретения *репутации*, ведь тут, увы, нередко велика историческая роль слепого случая. А еще есть драматический феномен «отложенной славы», трагедия забвения. Это тоже целая самостоятельная проблемная область со своими подводными рифами.

Когда мы пытаемся определить ценность того или иного биографического сочинения, мы берем во внимание соотношение скрупулезно выверенной фактографии и концептуально точного чертежа творческой судьбы. Верность фактам не должна выступать самоцелью, а должна вести биографа и его читателя к пониманию того завершенного, но не всегда совершенного Целого, каким является творческий путь писателя.

Любой пишущий биографию писателя сталкивается с различными загадками писательской судьбы, связанными со временем. Тут имеется в виду многомерное время: и как физическая величина, и как категория персональной биографии, и как емкое понятие, имеющее отношение к большой истории, и как содержание человеческой памяти, и как объект переживания художника. У нашего восприятия времени свои секреты, свои удивительные парадоксы. Не случайно М.А. Осоргин в своих «Воспоминаниях» признавался: «Наше поколение в чрезвычайно выгодных мемуарных условиях: не успев состариться, мы прожили века» (Осоргин 1992, с. 73). Писатель имел в виду интенсивное (сгущенное) время жизни своих сверстников, время, вобравшее войны, революции, обрушение империй, эмигрантское скитальчество, эпидемии, тяжелые утраты. И характерен парадокс: эмигранты, оглядываясь на прожитые годы и пережитое, нередко обращались к автобиографической прозе и мемуарам, где можно было уйти в бесхлопотный мир детства. Там, в этом мире, особое время ребенка, а, по мысли современного прозаика Е.Г. Водолазкина, даже не время, а скорее даже *вневременность*, если учесть всю совокупность первоначальных детских ощущений. В книге «Идти бестрепетно» Е.Г. Водолазкин замечает: «*Вневременность – райское качество, а детство – маленький личный Рай. Человек выходит из него, как выходят из равновесия, ибо Рай обладает абсолютным равновесием и полнотой. Покинувший Рай сталкивается с проблемами питания, плотской любви, квартиры, денег, но главное – времени. Время – синоним конечности, потому что бесконечное не подлежит счету*» (Водолазкин 2020, с. 109).

Восприятие времени и пространства растущим ребенком и молодым человеком периода личностного становления напоминает расходящиеся круги – чем дальше, тем шире захват. От колыбели к дому, от дома к городу, от города к стране и миру. От личного точечного времени индивидуальной жизни к микроистории семьи, а там и к макроистории страны, континента, всего человечества.

Малое время человеческого существования может складываться из небольших, но вполне самодостаточных событий, даже каких-то мизерных деталей, которые, тем не менее, делают человека счастливым. Раздумывая о секрете счастья, автор

книги опровергает теорию «счастливого билета»: «*Считающий счастье лотереей заведомо отдаётся внешним обстоятельствам. <...> Счастье – явление внутреннее. <...> Взрослея, я понял, что счастье – это, по преимуществу, то, что было – и вспоминается. Это открытие заставило меня смотреть на моменты, способные стать счастьем, как бы из будущего, видеть их в пожелтевшем глянце фотографий. Есть совершенно очевидные случаи счастья*» (Водолазкин 2020, с. 204–205). По мысли писателя «*настоящее – время счастья*» (Водолазкин 2020, с. 207). Тайнство счастья складывается из малозаметных мелочей, значимых сегодня только персонально для тебя и совершенно не важных для других. И порой для счастья требуется «*не так уж много материала*» (Водолазкин 2020, с. 205).

В книге Водолазкина немало рассуждений о профессиональных секретах писательства. Каждый литератор открывает эти секреты и как читатель чужих текстов, и в процессе собственного творчества с неизбежными мучительными поисками адекватной замыслу точной формы выражения. Прежде всего, надо различать многообразные аспекты писательства. Тут и творчество как особая значимая социокультурная миссия, подвижничество служение в самом высоком смысле этих слов. Тут и писательство как специфическая профессия с ее повседневной включенностью в некий технологический процесс (работа в газете, журнале, книжном издательстве). Тут и литературная деятельность как затейливое высокое ремесло, требующее виртуозного владения повествовательной техникой.

Заключение

Авторы писательских биографий уделяют внимание и проблеме культурного родословия. Осмысление и написание биографии писателя невозможно без осмысления широкого историко-литературного (и шире общекультурного) контекста, знаковой системы эпохи. Да, порой дотошного биографа занимает родословная писателя в прямом значении это слова (история рода, ответвления генеалогического древа, в некоторых случаях история литературного семейства). Это знание многопоколенной семейной истории иногда дает интересные ключи к пониманию чисто человеческих свойств характера писателя. Однако куда интереснее изучать более глубокую проблему культурного родословия, литературного наследования, с которой сталкивается каждый автор, задумывающийся о творческой преемственности, о поиске близкой традиции. «Родство по слову», о котором писал в одном из стихотворений А. Горюничский, может быть названо родством высшей степени («родство по слову порождает слово» (Горюничский 2008, с. 373)), поскольку это поиск и

обретение ментального истока, опознание своего литературного происхождения.

Безусловно, биография писателя – это целый самодостаточный мир, мир эксплицитных и имплицитных знаков, которые надо уметь адекватно считывать.

Библиографический список

Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. Москва: Издательство «Наука», 1973. 283 с.

Андреев Л.Н. S.O.S.: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919) / Под ред. и со вступ. ст. Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана. Москва; СПб., 1994.

Ахмадулина Б.А. Сны о Грузии. Тбилиси: Издательство «Мерани», 1979. 540 с.

Бродский И.А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т.2. / Сост. В.И. Уфлянд; художник С.В. Баленок. Минск: Эридан, 1992. 480 с.

Варламов А.Н. Михаил Пришвин: биография. Москва: Эксмо, 2010. 672 с.

Винокур Г.О. Биография и культура / Предисловие В.А.Виноградова. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Издательство ЛКИ, 2007. 96 с.

Водолазкин Е.Г. Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 409 с. (Новая русская классика).

Вознесенский А.А. Лирика. Москва: Издательство «Астрель», «Олимп», «Издательство АСТ», 2000. 528 с.

Городницкий А.М. Избранное. Санкт-Петербург: Издательство Вита Нова, 2008. 574 с.

Как мы пишем: Писатели о литературе, о времени, о себе: очерки / Сост. А. Етоев, П. Крусанов. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 640 с.

Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Нов. мир. 1985. № 2. С.228–236.

Осоргин М.А. Воспоминания. Повесть о сестре / Сост., вступит. статья и примеч. О.Г. Ласунского. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1992. 416 с.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1997. 384 с.

Солженицын А.И. На возврате дыхания: Избранная публицистика. Москва: Вагриус, 2004. 720 с.

Социокультурный феномен шестидесятых: [сборник статей] / Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т филологии и истории, Учеб. - науч. центр глобалистики и компаративистики, Франко-Российский центр общественных и гуманитарных наук; [сост.: В.И. Тюпа, О.В. Федунина]. Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т (РГУ), 2008. 238 с.

Тынянов Ю.М. Литературный факт / Вступ. ст., коммент. В.И. Новикова, сост. О.И. Новиковой. Москва: Высшая школа, 1993. 319 с. (Классика литературной науки).

Холиков А.А. Биография писателя как жанр. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 96 с.

Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6: Литературная критика (1901–1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901–1907) / Предисл. и коммент. Е. Ивановой. 2-е изд., электронное, испр. Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 624 с.

References

Averincev, S.S. (1973), *Plutarch and the ancient biography*, Izdatel'stvo «Nauka», Moscow, Russia.

Andreev, L.N. (1994), S.O.S.: *Diary (1914-1919). Letters (1917-1919). Articles and interviews (1919). Memoirs of contemporaries (1918-1919)*. Ed. and with an introduction by Richard Davis and Ben Hellman, SPb, Moscow, Russia.

Axmadulina, B.A. (1979), *Dreams about Georgia*, Izdatel'stvo «Merani», Tbilisi, Georgia.

Brodskij, I.A. (1992), *The form of time: Poems, essays, plays*, In 2 vol., vol. 2., Compiled by V.I. Uflyand; artist S.V.Balenok, E'ridan, Minsk, Belarus.

Varlamov, A.N. (2010), *Mikhail Prishvin: biography*, E'ksmo, Moscow, Russia.

Vinokur, G.O. (2007), *Biography and culture*, Preface by V.A.Vinogradov, 2nd edition, ispr. and add, Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.

Vodolazkin, E.G. (2020), *To go fearlessly: between literature and life*, Evgeny Turtlenecks, AST Publishing House: Editorial office of Elena Shubina, Moscow, Russia, (New Russian classics).

Voznesenskij, A.A. (2000), *Lyrics*, Izdatel'stvo «Astrel'», «Olimp», «Izdatel'stvo AST», Moscow, Russia.

Gorodniczkij, A.M. (2008), *Favorites*, Izdatel'stvo Vita Nova, Sankt-Peterburg, Russia.

How we write: Writers about literature, about time, about themselves: essays, Sost. A.Etoev, P.Krusanov. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 640 p.

Lotman, Y.M. (1985), *Biography – a living face*, *Nov. mir*, no. 2, pp. 228–236.

Osorgin, M.A. (1992), *Memoirs. The story of the Sister*, Comp., will join. Article and note by O.G. Lasunsky, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, Voronezh, Russia.

Rudnev, V.P. (1997), *Dictionary of Culture of the twentieth century*, Agraf, Moscow, Russia.

Solzhenicyn, A.I. (2004), *On the return of breath: Selected journalism*, Vagrius, Moscow, Russia.

Sociocultural phenomenon of the sixties: [collection of articles] (2008), Russian State Humanitarian

University, Institute of Philology and History, Academic - Scientific Center of Globalism and Comparative Studies, Franco-Russian Center of Social and Humanitarian Sciences; [comp.: V.I. Тура, O.V. Fedunina], Rossijskij gos. gumanitarny'j un-t (RGU), Moscow, Russia.

Ту'нванов, Ю.М. (1993), *Literary fact*, Intro. art., comment. V.I. Novikova, comp. O.I. Novikova, Vstup. st., komment. V.I. Novikova, sost. O.I. Novikovej, Vy'sshaya shkola, Moscow, Russia, (Klassika literaturnoj nauki).

Холиков, А.А. (2010), *Biography of the writer as a genre*, Knizhny'j dom «LIBROKOM», Moscow, Russia.

Чуковский, К.И. (2012), *Collected works: In 15 vols. Vol. 6: Literary Criticism (1901-1907): From Chekhov to the present day; Leonid Andreev big and small; Unassembled articles (1901-1907)*, Preface and a comment by E. Ivanova, 2nd ed., electronic, ispr, Agentstvo FTM, Ltd, Moscow, Russia.

Submitted: 06.09.2023

Revised: 10.11.2023

Accepted: 01.12.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89

Дата поступления: 07.07.2023
рецензирования: 31.08.2023
принятия: 25.11.2023

Л.В. Вандышева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vandisheva.lv@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9894-491X>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

О.А. Малаканова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: malakanova@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1607-0930>

С.Ю. Митрофанова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mitrofanova.syu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

А.А. Пустарнакова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: pustarnakova.aa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5393-6249>

Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи

Аннотация: обоснована актуальность исследования идентичностей и практик консолидации молодежи в условиях российского общества. На теоретическом и эмпирическом уровнях определены понятия консолидации и идентичности. Рассмотрен потенциал микс-стратегии в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи. Обозначены факторы популярности микс-стратегии в современных условиях. Указано содержание дискуссии в российском социологическом поле о соответствии перевода на русский язык англоязычного названия Mixed Methods Research. На основе апелляции к анализу уже реализованных практик применения стратегии смешивания методов обозначены два подхода к её использованию. Рассмотрены четыре ключевых элемента стратегии смешивания методов в рамках подхода Д. Кресвелла и В. Плано Кларка, а также указаны три стратегии совмещения методов с позиции Д. Моргана. Обозначены авторская позиция и проблемные вопросы, связанные с применением стратегии смешивания методов. Указывается, какие возможности открывает применение стратегии смешивания методов в рамках заявленного исследования. Делается вывод о том, что сочетание качественного и количественного подходов в одном исследовательском цикле усложняет задачу осмысления идентичностей и практик консолидации современных молодых, и в то же время позволяет взглянуть более глубоко на предмет исследования.

Ключевые слова: идентичность; консолидация; молодежь; стратегия смешивания методов; качественный этап исследования; количественный этап исследования.

Цитирование: Вандышева Л.В., Васькина Ю.В., Малаканова О.А., Митрофанова С.Ю., Пустарнакова А.А. Стратегия смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 4. С. 81–89. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89>.

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке Губернского гранта в области науки и техники (Самарская область, 2023 г.).

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Вандышева Л.В., 2023** – доцент кафедры теории и технологии социальной работы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Васькина Ю.В., 2023** – заведующая кафедрой социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Малаканова О.А., 2023** – доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Митрофанова С.Ю., 2023** – доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Пустарнакова А.А., 2023** – доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.V. Vandyшева

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vandyшева.lv@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9894-491X>

Yu.V. Vaskina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

O.A. Malakanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: malakanova@ssau.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1607-0930>

S.Yu. Mitrofanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mitrofanova.syu@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

A.A. Pustarnakova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: pustarnakova.aa@ssau.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5393-6249>

The strategy of mixing methods in the study of identities and practices of the modern youth consolidation

Abstract: the relevance of the study of identities and practices of the youth consolidation in the conditions of the Russian society is substantiated. The article defines concepts of the consolidation and identity at the theoretical and empirical levels. It considers the potential of the mix strategy in the study of identities and practices of the modern youth consolidation. The authors indicate factors of popularity of the mix strategy in the modern conditions, and the content of the discussion in the Russian scientific sociological field on the conformity of the translation into Russian of the English-language name Mixed Methods Research. Based on an appeal to the analysis of already implemented practices of applying the strategy of mixing methods, two approaches to its use are outlined. The article considers four key elements of the strategy of mixing methods within the framework of D. Creswell and V. Plano Clark's approach, and indicates three strategies for combining methods from D.Morgan's position. The author's position and problematic issues related to the use of the strategy of mixing methods are outlined. It is indicated what opportunities the application of the strategy of mixing methods opens up within the framework of the claimed study. It is concluded that the combination of qualitative and quantitative approaches in one research cycle complicates the task of understanding the identities and practices of the modern young consolidation, and at the same time allows you to look more deeply at the subject of research.

Key words: identity; consolidation; youth; strategy of mixing methods; qualitative stage of research; quantitative stage of research.

Citation: Vandysheva, L.V., Vaskina, Yu.V., Malakanova, O.A., Mitrofanova, S.Yu. and Pustarnakova, A.A. (2023), The strategy of mixing methods in the study of identities and practices of the modern youth consolidation, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 81–89, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-81-89>.

Acknowledgments: the article was supported by the Government Grant in science and technology (the Samara region, 2023).

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© Vandysheva L.V., 2023 – Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Vaskina Yu.V., 2023 – Head of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Malakanova O.A., 2023 – Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Mitrofanova S.Yu., 2023 – Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Sociology of Political and Regional Processes, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© Pustarnakova A.A., 2023 – Associate Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Молодость можно рассматривать как поворотный этап жизни человека, который с точки зрения общественных ожиданий является периодом значительных биографических трансформаций. Так, на молодежь накладываются ожидания, связанные с построением образовательной, профессиональной, семейной траекторий, приобретением социального, символического и иных видов капитала. В этом контексте период молодости – это своего рода «марш-бросок» во взрослую жизнь, прежде всего, в институты образования, профессии, брака и семьи. И во многом от того, каким будет этот «марш бросок», зависит дальнейший жизненный путь представителей молодежи, ведь с тем объемом ответственных выборов, оказывающих значительное влияние на будущее в условиях пока еще не приобретенных собственных капиталов,

молодежь не встречалась в детстве, в подростковом возрасте. Возможно, такого рода выборов не будет ни в зрелости, ни в старости человека.

На трансформационные процессы, с которыми сталкивается молодежь на уровне своих личных биографий, в российском обществе накладываются еще и геополитические вызовы настоящего времени. Современное российское общество переживает исторически переломный момент, когда сложившийся миропорядок уходит в прошлое и утрачивает свое значение. Наша страна столкнулась с вызовами, связанными не только с пост пандемийной ситуацией, как и во всем мире, но и с необходимостью проведения специальной военной операции, ответами на санкции «коллективного» Запада и другими обстоятельствами.

В этих условиях важно понимание того, какие векторы взросления выбирает современная рос-

сийская молодежь, как выстраивает свои идентичности, какие солидарности выбирает, что выступает в роли консолидирующей молодежь силы, каковы практики успешной социализации современных юношей и девушек, кто для них выступает в качестве «значимых других».

В данной статье предпринята попытка осмысления применения стратегии смешивания методов в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи.

Теоретические и эмпирические основания исследования идентичностей и практик консолидации современной молодежи

Понятие «консолидация» в переводе с латинского означает «поддерживаю», «укрепляю». В социологии консолидация сводится к солидаризации, объединению граждан на основе общенациональных интересов. Высокий уровень консолидации общества обеспечивается единством интересов и потребностей, целей и ценностей граждан, является процессом социокультурно и ценностно обусловленным.

В научной литературе выделены компоненты консолидационного потенциала. Так, отмечается значение такого компонента, как институциональное доверие, обеспечивающее общий консолидационный потенциал и реализацию социокультурной модернизации в обществе.

Кроме этого, к компонентам относят факторы консолидации с гражданами России (в том числе уровень патриотизма), а также причастность к событиям в стране в целом (Рожкова, Толубаева 2012, с. 54; Рожкова 2012, с. 37). Патриотизм как ценность представлен разными составляющими (когнитивная, ценностная, эмоциональная и поведенческая). Причем в патриотизме личности часто выражен именно эмоциональный компонент, проявляющийся в чувствах к родному краю. Однако, события, происходящие в стране, как отмечают Л.Ф. Каримова, Н.В. Корж, увеличили число людей, которые в понятие «патриотизм» вкладывают действия. Так, количество респондентов, которые готовы трудиться на благо своей страны, за последнее десятилетие выросло на 14 % (2010 г. – 26 %, 2014 г. – 36 %, 2018 г. – 38 %, 2020 г. – 44 %, 2022 г. – 50 %) (Корж, Каримова 2022, с. 86). Социальный портрет «патриота», с точки зрения студенческой молодежи, выглядит следующим образом: это человек, обладающий нравственными качествами (любовь, бескорыстие, мужество, преданность) и способный осуществлять определенные действия на благо всего российского народа. В рамках собирательного образа патриота молодежь подчеркивает поведенческую составляющую проявления патриотизма (Корж Каримова 2022, с. 86).

В ряде научных работ подчеркивается роль государства, молодежных общественных органи-

заций в обеспечении консолидации молодежи в общество (Тетуев 2010). Исследователь В.А. Ружа в качестве консолидирующего фактора и критерия определения уровня патриотических настроений у студентов выделяет День Победы в Великой Отечественной войне (Ружа 2012). В условиях пандемии консолидирующим фактором выступает волонтерская/добровольческая деятельность молодежи, в которой воплощаются ценностные ориентиры молодежи, с одной стороны, и преодолеваются межпоколенческие разногласия, с другой стороны (Вандышева 2023).

Социологи С.Ю. Белоконов, Е.В. Бродовская, А.А. Лаврикова по результатам исследования в российских регионах составили характеристики молодежи разных возрастных группах (14–25 лет; 25–35 лет) и определили влияние внешней и внутренней российской политики, общенациональных стратегических ориентиров на ценности, модернизационный потенциал молодежи, ее консолидационные возможности (Белоконов, Бродовская, Лаврикова 2012).

Результаты исследования позволили О.А. Полюшкевич выделить четыре типа консолидации молодежи: консолидация, основанная на стремлении молодежи к статусным вещам, обеспечивающим ей стабильность и положение в обществе; пассивная практика консолидации, некоторая инертность во взаимодействии со стороны молодежи, ориентированной на стабильность и благополучие; консолидация, ориентированная на творческую самореализацию молодежи в общественных движениях; консолидация в незаконных группировках, свойственная маргинальному типу молодежи (Полюшкевич 2011, с. 297–298).

Исследователь С.С. Баженов, анализируя успешность молодежи в социальной и экономической сферах, акцентирует внимание на ценностной консолидации молодежи, которая сводится к принятию правил окружающей среды и прохождению молодежью всех ступеней образовательной системы, получению профессиональных компетенций (Баженов 2018).

Однако ценностная консолидация молодежи, связанная с работой, виртуальной коммуникацией в Интернете, по мнению Н.В. Родионовой, позволяет создать лишь временное и ложное утешение при наличии разобщенности, одиночества у молодежи, проживающей в городах (Родионова 2016, с. 621).

Идентичность на социальном уровне (российская идентичность, государственно-гражданская) также выступает компонентом консолидационного потенциала (Ядов 2002).

Основоположником самого понятия «идентичность» принято считать З. Фрейда, который начал ее исследование в своей работе «Групповая психология и анализ Эго» с психологической точки

зрения (Фрейд 1921). Автор утверждал, что идентификация представляет собой, с одной стороны, бессознательную эмоциональную связь между ребенком и родителями, с другой стороны, является важнейшим механизмом взаимодействия индивида с различными социальными группами.

Исследователем, который внес большой вклад в рассмотрение понятия идентичности, создав концепцию идентичности и поставив ее на центральное место в современной социальной теории, стал Э. Эриксон. Под идентичностью он понимал одновременно и субъективное чувство, и объективно наблюдаемое качество личностной тождественности и непрерывности, сопряженное с некоторой верой в тождественность и непрерывность разделяемого с другими образа мира.

Как объективно наблюдаемое качество, оно может быть особенно очевидным в молодом человеке, который осознает себя по мере нахождения своего круга общения: «в молодом человеке мы видим зарождение уникального соединения телесного облика и темперамента, одаренности и ранимости, инфантильных моделей поведения и приобретенных идеалов — со свободой выбора, которая будет реализовываться в доступных социальных ролях, профессиональном поле, в рамках предлагаемых обществом ценностей, заповедей учителей, образцах дружбы и первых сексуальных контактах» (Эриксон 1996).

Таким образом, в понятие идентичности Э. Эриксон вкладывал следующие смыслы:

- осознание себя как индивида в данном телесном облике, окруженного определенными значимыми другими в своей культуре и обществе, то есть осознание своей индивидуальности;
- чувство целостности собственной личности, непрерывности биографии;
- идентификация в разных сферах социального опыта и осознание своей принадлежности к различным социальным группам;
- выделение значимой характеристики личности для определенного исследования, например, «профессиональная идентичность»;
- способ размышлять о человеке в современном обществе (Эриксон 1996).

В социологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана идентичность рассматривается с точки зрения социального конструирования реальности и о ней можно говорить лишь в контексте конкретного общества: «Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества» (Бергер, Лукман 1995, с. 281). Поддержание идентичности индивида в процессе вторичной социализации предполагает желание и возможность участвовать в определенном социальном порядке, то есть занимать определенный статус в обществе, идентифицироваться для себя и других с соответствующим

набором социальных ролей, сохраняя свою индивидуальность. Чтобы социальное участие могло удовлетворять индивида, его претензии на идентичность должны быть признаны другими. Тогда идентичность станет реальной для самого индивида (Тишков 2001). Таким образом, можно сделать вывод, что в идентичности интегрируются приобретенный на данный момент социальный опыт индивида, результаты разнообразных процессов идентификации, происходящих в ходе социальных взаимодействий индивида на разных социальных сценах.

Идентичность — это непрерывное формирование, включающее разнообразные идентификационные процессы. Любой нарратив, даже простое проговаривание собственной биографии, может привести к возникновению новой идентичности (и отказу от старой), что отвечает характеру взаимодействий в современном обществе. Идентичность трудно зафиксировать, она многомерна и постоянно ускользает от исследователя, так как в каждый конкретный момент каждый из нас представляет собой комбинацию серий идентификационных компонентов, и эти компоненты могут сочетаться, а их комбинации, в свою очередь, меняться различными способами». Этим объясняется междисциплинарный характер теории идентичности, и лишь при использовании как количественных, так и качественных методов в различных науках — психологии, социологии, истории — можно надеяться на определенные результаты (Хотинец 2002).

В.А. Ядов рассматривал самоидентификацию как «самооценку собственных личностных свойств и потенций в качестве деятельного субъекта, включая социорольевые, нравственные психические, физические и иные качества, как они представляются индивиду в его собственном самосознании и восприятии других, прежде всего со стороны референтных групп» (Ядов 1995, с. 163).

В статье С.Ю. Митрофановой вопросы идентичностей и практик консолидации рассматриваются в контексте молодежного вопроса, они раскрываются на основе анализа текстов биографических интервью в аспекте конструирования информантами разных поколений молодости в советском обществе (Митрофанова 2014).

Идентичность молодежи может быть рассмотрена как сложная, открытая, иерархическая многоуровневая система, что открывает возможности ее исследования с позиций синергетической методологии, которая, в свою очередь, открывает новые стороны и сущностные черты этого феномена, а также его социокультурного контекста. Чем более неструктурированным, неустойчивым является социальное пространство, тем большую силу приобретают самоорганизационные составляющие в процессах социального упорядочения и соответствующих ему интеграционных процессах.

В связи с этим еще большую актуальность приобретает необходимость оптимального сочетания процессов самоорганизации и управления в идентификационном пространстве молодежи, укрепления тех видов и уровней идентичности, которые нацелены на консолидацию российского общества (Куква 2013).

Таким образом, определяя идентичность вслед за В.А. Ядовым через самооценку собственных личностных свойств и потенциалов субъекта, самоидентификацию молодежи мы рассматриваем как компонент ее консолидационного потенциала.

Потенциал микс-стратегии в исследовании идентичностей и практик консолидации современной молодежи

На наш взгляд, наилучшим образом для исследования заявленной темы подойдет использование микс-стратегии. Стратегия смешивания методов в современной социологической практике приобретает все большую актуальность. Это связано с двумя факторами: первый – накопленный большой объем методических знаний и практического опыта в использовании как количественной, так и качественной исследовательских стратегий, второй – цифровизация всех сфер жизни общества и появление огромных массивов данных, которые ставят перед социологами необходимость выявления как универсальных закономерностей функционирования разных социальных групп и сообществ, так и поиск новых объяснительных моделей современных социальных процессов.

В 90-е годы XX века возникает тренд на использование в социологических исследованиях одновременно качественных и количественных методов. В 2000 годы среди методологов возникают активные дискуссии о возможностях и ограничениях стратегии смешивания методов в социологической практике. С 2007 года за рубежом выпускается специализированный журнал «The Journal of mixed methods research», на страницах которого обсуждаются такие вопросы, как особенности использования профессиональной терминологии, анализ факторов, влияющих на результаты исследований, проведенных в рамках стратегии смешивания методов, обсуждение особенностей проектирования, процедурных вопросов и интерпретации полученных данных.

В российском научном социологическом поле велись дискуссии о соответствии перевода на русский язык англоязычного названия данного типа исследований Mixed Methods Research. Обязательно и аргументированно об использовании такого варианта перевода как «стратегия смешивания методов», пишут в своей статье О.Б. Савинская, А.Г. Истомина, Т.И. Ларкина и К.Д. Круглова (Савинская, Истомина, Ларкина, Круглова 2016). С точки зрения авторов, использование термина

«смешивание» обусловлено рядом причин: 1) это более точный перевод слова «mixed»; 2) вариант «комплексный» объемней, чем англоязычный; «комбинированный» – скорее «поверхностное» объединение методов; 3) слово «смешивание» в русскоязычном варианте более точно обозначает и ситуацию объединения методов, и вариант их интеграции. В нашем исследовании в большей степени будем опираться на определение «стратегии смешивания методов», данное Дж. Кресвеллом, которое включает в себя следующие элементы: сбор и анализ как количественных, так и качественных данных; смешивание (интеграция/соединение) как параллельно, так и последовательно, делая акцент на значимости одного или двух методов; используя эти процедуры в одном исследовании или на разных этапах программы; применение данных процедур в рамках выбранного теоретического подхода; разработка авторского дизайна проблемной ситуации с использованием нескольких методов (Creswell 2011, p. 271).

Дальнейшая научная дискуссия о целях смешивания качественного и количественного подходов для решения конкретного исследовательского вопроса позволила А. Браймену на основе контент-анализа 232 статей за период с 1994 г. по 2003 г., посвященных совместному использованию количественных и качественных данных, выделить и охарактеризовать 16 вариантов целей (Bryman 2006). Для нашего исследования наиболее актуальными являются следующие: «полнота или возможность учесть более широкий пласт информации для выводов», «возможность выявить неожиданные результаты, повышение доверия к исследованию со стороны заинтересованных лиц», «повышение полезности данных для решения прикладных задач», «представление разнообразия мнений, собранных в качественной и количественной частях исследования» (Стратегии смешивания методов... 2016–2017).

Анализ уже реализованных практик применения стратегии смешивания методов позволил выделить «идеальные типы» («образцы») ее использования. Выделяется два авторских подхода к выбору подобного «образца». Первый – это четыре ключевых элемента Д. Кресвелла и В. Плато Кларка (Creswell, Plano Clark 2011): 1) особенности взаимодействия между качественным и количественным уровнем исследования: интерактивный (множество вариантов использования) и независимый (объединение полученных результатов или последовательное расположение на этапе написания отчета); 2) явная доминанта одного из подходов или гармоничное сочетание; 3) тайминг реализации: последовательный, параллельный или многофазный вариант; 4) четкое выделение и характеристика момента, с которого будет реализовано интегрирование данных: дизайн исследования, сбор данных, анализ или только интер-

претация полученных результатов и написание собственно отчета.

Второй – подход Д. Моргана (Morgan 2014, p. 63–84), состоящий из трех стратегий: пересекающиеся результаты, дополнительное покрытие и последовательный вклад. Первая стратегия построена на проведении двух разных исследований. Ее особенностью является акцент на совпадающие результаты, которые, по мнению автора, повышают эффективность каждого из методов. Принципиальным недостатком является разный формат полученных данных и сложность сравнительного анализа, который требует от исследователя особой внимательности и профессиональной ответственности. Дополнительное покрытие предполагает использование двух и более социологических методов, которые наполняют и расширяют разработанные концепты. Также сохраняется проблема неоднородности полученных данных, сложности их гармоничной интерпретации в рамках написания аналитического отчета. Третья стратегия последовательного вклада, в которой два этапа идут друг за другом, что сразу увеличивает сроки реализации исследования, но при этом логика поиска ответа на исследовательский вопрос выстраивается более обоснованно. С точки зрения Д. Моргана, один из методов, как правило, приобретает статус основного.

В нашем исследовании наиболее приемлема именно последняя стратегия, предполагающая использование результатов, полученных с помощью качественного метода – глубинного интервью, на корректировку анкеты: изменение формулировки вопросов, а также сокращение или расширение содержательных блоков. В рамках подхода Д. Моргана это два возможных варианта реализации стратегии последовательного вклада:

1) qual (качественный) – QUAN (количественный, основной), качественные данные влияют на основной количественный метод (формулировка вопросов, разработка шкал, формулировка гипотез и т.д.);

2) QUAL (качественный, основной) – quan (количественный), основные качественные данные и дополняющие их количественные (например, распространённость выделенных новых социальных практик).

В рамках реализации стратегии смешивания методов выделяется целый ряд проблемных вопросов. Например, предложенные образцы носят обобщенный характер и не учитывают уникальные характеристики предмета исследования, также остается дискуссионным процесс адекватного встраивания разных форматов данных в обобщенный отчет (в том числе этическая проблема баланса используемой качественной и количественной терминологии).

В рамках нашего исследования применение стратегии смешивания методов содержит потенци-

ал наилучшего использования возможностей как качественной, так и количественной методологии. Так, качественный этап исследования позволяет выйти на осмысление того, как изменялись идентичности молодых, включенных в те или иные общественные объединения, как предыдущий их опыт препятствовал/способствовал вхождению в различные просоциальные объединения, какова роль уже существующих социальных и культурных форм объединений молодежи в процессах формирования просоциального поведения.

Количественный этап социологического исследования идентичности и практик консолидации современной молодежи Самарского региона позволяет выделить и описать основные идентичности современной молодежи в сложившихся стрессовых условиях, а также различные практики ее консолидации, в том числе с помощью общественных объединений, для создания благоприятных региональных условий и возможностей самореализации для подрастающего поколения.

В этой связи необходимо разработать перечень критериев идентификации на личностном и групповом уровнях. Аналогичный подход использовался такими авторами, как Е.Н. Данилова и О.А. Оберемко, в их исследовании 2006 года о самоидентификации городского среднего класса (Данилова, Оберемко 2007). Ими были применены критерии «Я-идентификации» и «Мы-идентификации» представителей среднего класса исходя из параметров определения среднего класса. Основы данного подхода были сформированы и апробированы исследовательской группой под руководством В.А. Ядова (Ядов 1995). В предстоящем исследовании будет сформирован список критериев самоидентификации молодежи после проведения методологического семинара с участием представителей студенческой молодежи. Среди этих критериев будут выделены те, которые показывают степень ощущения молодежью общности с теми социальными группами, которые поддерживают социально одобряемые современные ценности и конструктивные способы их поддержания, в том числе объединяясь для этого в общественные, спортивные, творческие, волонтерские, научные и другие организации. В дальнейшем применение этого списка критериев идентификации в массовом опросе позволит показать их распространенность.

Помимо распространенности поддержки общественных молодежных объединений, исследование позволит выяснить причины как наличия этой поддержки, так и ее отсутствия, барьеры, которые мешают консолидации молодежи.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ показал, что стратегия смешивания методов выделяется по разным ос-

нованиям. В реализуемом в Самарской области проекте «Идентичности и практики консолидации молодежи: региональный аспект» заявленная стратегия во временном аспекте реализуется последовательно. Качественный этап исследования позволяет выйти на траектории формирования идентичностей, их роль в формировании практик консолидации молодежи. Количественное исследование выявит критерии идентификации молодежи на личностном и групповом уровнях, опыт ее участия в молодежных объединениях различной направленности.

С одной стороны, сочетание качественного и количественного подходов в одном исследовательском цикле усложняет задачу осмысления идентичностей и практик консолидации современных молодых, с другой – корректное совмещение оптики качественной и количественной методологий позволяет взглянуть на предмет исследования стереоскопически: увидеть протяженность, распространенность, глубину, пространственные контексты изучаемого вопроса.

Библиографический список

Bryman, A. (2006), Integrating quantitative and qualitative research: how is it done?, *Qualitative Research*, vol. 6 (1), pp. 97–113.

Creswell, J.W. and Plano Clark, V.L. (2011), *Designing and Conducting Mixed Methods Research*, 2nd ed., SAGE, Thousand Oaks, CA.

Morgan, D.L. (2013), *Integrating qualitative and quantitative methods: A pragmatic approach*, SAGE, Thousand Oaks, CA, DOI: <https://doi.org/10.4135/9781544304533>.

Баженов С.С. Национальная идея России как детерминанта ценностной консолидации российской молодежи и роль государства в ее определении (на основе данных уральских социологов) // Теория и практика общественного развития. 2018. № 5 (123). С. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.5.3>.

Белоконев С.Ю., Бродовская Е.В., Лаврикова А.А. Особенности модернизационного потенциала российской молодежи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 4. С. 98–107.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Москва: Медиум. 1995. 323 с.

Вандышева Л.В. Социально-медицинское волонтерство в непрофильном вузе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 1. С. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-95-103>.

Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86.

Данилова Е.Н., Оберемко О.А. Специфика самоидентификаций и социального самочувствия

городского среднего класса России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2007. № 3. С. 28–38.

Корж Н.В., Каримова Л.Ф. Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10. № 4. С. 80–98. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-4-9>.

Куква Е.С. Идентичность современной молодежи и перспективы процесса консолидации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 154–161.

Митрофанова С.Ю. «Молодость – это венок на голове из полевых цветов»: точки отсчета и конструкты советской молодости // Вестник СамГУ. 2014. Выпуск № 9 (120). С. 30–39.

Полношкевич О.А. Молодежь и консолидация общества // Вестник ИрГТУ. 2011. № 8 (55). С. 296–300.

Родионова Н.В. Механизмы рурализации экономики России, обеспечивающие локальную консолидацию и безопасность молодежи // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. С. 617–624.

Рожкова Л.В. Гражданские ценности современной студенческой молодежи в условиях социокультурной модернизации России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 4. С. 35–39.

Рожкова Л.В., Толубаева Л.Т. Особенности консолидационного потенциала современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (23). С. 54–64.

Ружа В.А. Представления студентов о Родине и формирование патриотизма // Студенчество начала XXI в.: ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 299–312.

Савинская О.Б., Истомина А.Г., Ларкина Т.И., Круглова К.Д. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29.

Стратегии смешивания методов (mixed methods research) в социальных исследованиях: исследовательские дизайны и опыт их применения / Отв. ред. О.Б. Савинская, Е.В. Полухина. Москва: ВШЭ, 2016–2017. 177 с.

Тетуев А.И. Патриотическое воспитание молодежи как основа консолидации общества // Вестник калмыцкого государственного института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 34–38.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. Москва: Наука, 2001. 239 с.

Фрейд З. Групповая психология и анализ ЭГО. Вена: Международное психоаналитическое издательство, 1921. 140 с.

Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 124 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Прогресс. 1996. 340 с.

Ядов В.А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 90–93.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

References

Bryman, A. (2006), Integrating quantitative and qualitative research: how is it done?, *Qualitative Research*, vol. 6 (1), pp. 97–113.

Creswell, J.W. and Plano Clark, V.L. (2011), *Designing and Conducting Mixed Methods Research*, 2nd ed., SAGE, Thousand Oaks, CA.

Morgan, D.L. (2013), *Integrating qualitative and quantitative methods: A pragmatic approach*, SAGE, Thousand Oaks, CA, DOI: <https://doi.org/10.4135/9781544304533>.

Bazhenov, S.S. (2018), The national idea of Russia as a determinant of the value consolidation of Russian youth and the role of the state in its definition (based on data from Ural sociologists), *Theory and practice of social development*, no. 5 (123), pp. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.5.3>.

Belokonev, S.Ju., Brodovskaja, E.V. and Lavrikova, A.A. (2012), Features of the modernization potential of Russian youth, *Locus: people, society, cultures, meanings*, no. 4, pp. 98–107.

Berger, P. and Lukman, T. (1995), *Social construction of reality*, Medium, Moscow, Russia.

Vandyшева, L.V. (2023), Social and medical volunteering in a non-core university, *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, vol. 29, no. 1, pp. 95–103. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-1-95-103>.

Danilova, E.N. (2000), Changes in social identifications of Russians, *Sociological Journal*, no. 3–4, p. 76–86.

Danilova, E.N. and Oberemko, O.A. (2007), Specificity of self-identification and social self-feeling of the urban middle class of Russia, *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, no. 3, pp. 28–38.

Korzh, N.V. and Karimova, L.F. (2022), The problem of patriotism among modern youth in conditions of geopolitical tension, *Electronic scientific journal "Science. Society. The state"*, vol. 10, no. 4, pp. 80–98. DOI: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-4-9>.

Kukva, E.S. (2013), Identity of modern youth and prospects of the process of consolidation of Russian society, *Socio-humanitarian knowledge*, no. 4, pp. 154–161.

Mitrofanova, S.Ju. (2014), "Youth is a wreath on the head of wildflowers": points of reference and constructs of Soviet youth, *Bulletin of the Samara State University*, Issue no. 9 (120), pp. 30–39.

Poljushkevich, O.A. (2011), Youth and consolidation of society, *Bulletin of IrSTU*, no. 8 (55), pp. 296–300.

Rodionova, N.V. (2016), Mechanisms of ruralization of the Russian economy, ensuring local consolidation and youth security, *Russia: trends and prospects of development*, pp. 617–624.

Rozhkova, L.V. (2012), Civic values of modern student youth in the conditions of socio-cultural modernization of Russia, *News of Saratov University. A new series. Sociology. Political science*, vol. 12, no. 4, pp. 35–39.

Rozhkova, L.V. and Tolubaeva, L.T. (2012), Features of the consolidation potential of modern student youth, *Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*, no. 3 (23), pp. 54–64.

Ruzha, V.A. (2012), Students' idea of the motherland and the formation of patriotism, *Education of the beginning of the XXI century: public organizations and state practices*, Yekaterinburg: UrFU, pp. 299–312.

Savinskaja, O.B., Istomina, A.G., Larkina, T.I. and Kruglova, K.D. (2016), Conceptual ideas about the strategy of "mixing methods" (research by mixed methods): schemes of education and joint research, *Sociological research*, no. 8, pp. 21–29.

The strategy of mixing methods (mixed methods research) in a joint study: research developments and analysis of their application (2016–2017), ed. V.V. Shulgin, ed. O.B. Savinskaya, E.V. Polukhina, HSE, Moscow, Russia.

Tetuev, A.I. (2010), Patriotic education of youth as a basis for the consolidation of society, *Bulletin of the Kalmyk State Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 34–38.

Tishkov, V.A. (2001), *Ethnology and politics. Scientific journalism*, Nauka, Moscow, Russia.

Frejd, Z. (1991), *Group Psychology and EGO analysis*, International Psychoanalytischer Verlag, Vienna, Austria.

Hotinec, V.Ju. (2002), *Ethnic identity and tolerance*, Publishing House of the Ural University, Yekaterinburg, Russia.

Jerikson, Je. (1996), *Identity: youth and crisis*, Progress, Moscow, Russia.

Jadov, V.A. (2002), Solidarity of Russians in everyday life and on a national scale, *Society and Economy*, no. 12, pp. 90–93.

Jadov, V.A. (1995), Social and socio-psychological mechanisms of social identification of a person, *The world of Russia*, no. 3–4, pp. 158–181.

Submitted: 07.07.2023

Revised: 31.08.2023

Accepted: 25.11.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-90-99

Дата поступления: 15.05.2023
рецензирования: 13.06.2023
принятия: 01.12.2023

Е.Д. Хосуева

НИУ Высшая школа экономики,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: edkhosueva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5161-6219>

Н.В. Колесник

Социологический институт РАН – филиал
ФНИСЦ РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: n.kolesnik@socinst.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

С.Д. Хосуева

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: khosueva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7055-6512>

О сопряжении визуальных форм в живописи и кино

Аннотация: в работе представлен анализ взаимодействия визуальных форм в живописи и кинематографе (на примере сопряжения живописи А. Дюрера и мирового кинематографа). Основой для аналитической части исследования послужили визуальные источники (фильмы Андрея Тарковского, Ингмара Бергмана, Ларса фон Триера, Фрэнсиса Форда Coppoly, Ладо Кватании, художественные произведения Альбрехта Дюрера). В ходе проведенного исследования определено, как соотносятся живопись и кино, позволяет ли анализ живописного произведения в фильме понять общую концепцию, хронику происходящего, образ главного героя. Была подтверждена основная гипотеза исследования о том, что живописное произведение является концептуальным основанием или «идеологией» фильма, которое позволяет выявить устойчивые и воспроизводимые формы сопряжения исторической живописи в современном кинематографе. Обнаружилось, что в анализируемых фильмах поднимаются вопросы витальности, чистой души и роли совести, расставания с миром и войной как внешними, так и внутренними. Показано, что в фильмах «Иваново детство», «Казнь» и «Дракула» присутствие произведений создает концептуальное поле для понимания образов, языка и сюжета, в «Меланхолии» сопряжение происходит на стыке толкования названий и выстраивания кадра. В «Седьмой печати» смысл гравюры А. Дюрера в целом смежен со значением картины режиссера, оправдывая художественную связь обоих творцов.

Ключевые слова: живопись; кино; визуальные источники; дискурс; произведение; А. Дюрер; концептуальное поле; кадр; образ; сюжет.

Цитирование: Хосуева Е.Д., Колесник Н.В., Хосуева С.Д. О сопряжении визуальных форм в живописи и кино // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 90–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-90-99>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Хосуева Е.Д., 2023 – магистрант, Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, НИУ Высшая школа экономики, 101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

© Колесник Н.В., 2023 – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 4190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Красноармейская, д. 25/14.

© Хосуева С.Д., 2023 – магистрант, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 11.

E.D. Khosueva

Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation
E-mail: edkhosueva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5161-6219>

N.V. Kolesnik

Sociological Institute of the RAS – Branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences
(SI RAS – FCTAS RAS),
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: n.kolesnik@socinst.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

S.D. Khosueva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: khosueva@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7055-6512>

On pairing visual shapes in painting and cinema

Abstract: the paper presents an analysis of the interaction of visual forms in painting and cinema (on the example of the pairing of A. Durer's painting and the modern cinema). The empirical basis of the analytical part of the study was visual sources (films by Andrei Tarkovsky, Ingmar Bergman, Lars von Trier, Francis Ford Coppola, Lado Kvataniya, works of art by Albrecht Durer). During the conducted research, it was determined how painting and cinema correlate, whether the analysis of a painting in a film makes it possible to understand the general concept, the chronicle of what is happening, the image of the main character. The main hypothesis of the study was confirmed that the pictorial work is the conceptual basis or “ideology” of the film, which makes it possible to identify stable and reproducible forms of conjugation of historical painting in the modern cinema. It was found that the analyzed films raise questions of vitality, pure soul and the role of conscience, parting with peace and war, both external and internal. It is shown that in the film "Ivanov's childhood", "Execution" and "Dracula" the presence of works creates a conceptual field for understanding the images and plot, in "Melancholy" the pairing occurs at the junction of the interpretation of the names and the alignment of the frame. In the "Seventh Seal", the meaning of A. Durer's engraving is generally adjacent to the meaning of the director's painting, justifying the artistic connection of both creators.

Key words: painting; cinema; visual sources; work; discourse; A. Dürer; conceptual field; frame; image; plot.

Citation: Khosueva, E.D., Kolesnik, N.V. and Khosueva, E.D. (2023), On pairing visual shapes in painting and cinema, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 90–99, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-90-99>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Khosueva E.D., 2023** – Master degree student, Faculty of Humanities, School of History, National Research University Higher School of Economics (HSE University), 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

© **Kolesnik N.V., 2022** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of the RAS - FCTAS RAS Branch, 25/14, office 524, 7th Krasnoarmeyskaya str., St.-Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Khosueva S.D., 2023** – Master degree student, Lomonosov Moscow State University, 11, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

Введение

Современное искусство находится в активной фазе своего развития, переживая переходное состояние. Новые культурные практики, вовлекающие цифровые ресурсы, порождают погра-

ничные и смешанные культурные формы и виды искусства. В эпоху постмодерна происходит переосмысление традиционных ценностей и формируется эстетика «карликов, стоящих на плечах гигантов» (Маньковская 1995, с. 36). В это время

появляются не только технические основания для синтеза искусства, но и перспективы для зарождения невиданных видеоформ и видов. Наступает эпоха, когда, по образному выражению И.И. Иоффе, кино стало «заменителем» театра, создав живопись, способную фиксировать театр (Иоффе 2006), но важной темпоральной характеристикой нового времени в искусстве является «синтез возврата к прошлому и движения вперед» (Маньковская 1995).

Несмотря на то, что кино и живопись имеют разную историю существования и определяются как разные виды искусства, факт того, что «кадр представляет самостоятельное живописное полотно», отметил еще в прошлом веке известный советский режиссер С. Параджанов. В своей работе «Вечное движение» мастер кинематографа обращается к проблеме взаимовлияния и сопряжения живописи и кинематографа. «Я всегда был пристрастен к живописи и давно уже свыкся с тем, что воспринимаю кадр как самостоятельное живописное полотно. Я знаю, что моя режиссура охотно растворяется в живописи, и в этом, наверное, ее первая слабость и первая сила. В своей практике я чаще всего обращаюсь к живописному решению, но не литературному. И мне доступнее всего та литература, которая в сути своей сама – преобразованная живопись» (Параджанов 1966).

Механизм проникновения визуальных средств живописи в кинематограф стал объектом исследования как российских, так и зарубежных ученых. Авторы изучают не только живописные средства и приемы, которые активно проникают в кино, но и процесс их взаимовлияния и контекстуального взаимодействия (Джейкобс 2011, Кувшинова 2011, Кнабе 2006, Маньковская 1995, Базен 1972, Вельфлин 2009, Виппер 1985, Эйхенбаум 2001).

Отдельное исследовательское направление посвящено анализу языковых аспектов в синтезе различных видов искусства, тому, как происходит визуальное осмысление реального и вымышленных миров, то, как киноязык трансформируется под воздействием живописного полотна и наоборот. С конца прошлого века исследовательский взор ученых был обращен не только на исторические аспекты живописи и кино, но и на то, как происходит взаимодействие этих визуальных по своему характеру видов искусства, которые одновременно дополняют и взаимоисключают друг друга. Более того, следует отметить, что часто процесс взаимодействия живописи и кино имеет междисциплинарное прочтение. Так, философ А.В. Неретина рассматривает живопись и кинематограф как темпоральные виды искусства, а движение – как способ конструирования в кино и живописной реальности (Неретина 2010). Важными видятся и методологические подходы в исследовании взаимодействия кинематографа и живописи: семиоти-

ческий, киноведческий, социально-психологический (там же).

Другое исследовательское направление представлено работами «источниковедческого» характера, авторами которых выступают кинематографы, анализирующие производство кино, языковые средства в искусстве, социальные и иные контексты повествования (С. Эйзенштейн, М. Антониони, И. Бергман, Ж.Л. Годар, П. Гринуэй, Д. Линч, К. Муратова, А. Сокуров, А.Тарковский и др.). В советском кинематографе одним из первых именно С. Эйзенштейн рассматривал живопись и кино как взаимосвязанные миры, когда кинематограф представлен как развитие живописи. Исследуя язык кино, французский киновед М. Мартен в анализе кинематографического материала особое внимание уделяет структуре «изображения» как первичного материала и определяет, что художественными основаниями выразительности и изображения являются камера, освещение, костюмы и декорации (Мартен 1959, с. 25–27). В последующие годы теории кино расширили перечень этих оснований и определили важность композиции, цветовых решений, статики, динамики, темпоральных характеристик объекта.

Анализ кинофильма с позиции социолингвистики предполагает разработку особого концептуального аппарата (кинодискурс, кинотекст), методов и предмета исследования (Ю.М. Лотман, А.Г. Рыжков, Л.В. Цыбина и др). Так, известный ученый Ю.М. Лотман в работе о семиотике кино различает коммуникативную составляющую кинематографа и апеллирует к идее о важности языка кино для того, чтобы раскодировать смыслы кинопослания с целью не только увидеть фильм, но и понять его (Лотман 1973). В последующие годы киносемиотический подход получил свое дальнейшее развитие, когда пристальное внимание было уделено изучению фильма как знаковой системы, пространственно-временным переменным, вопросам воспроизведения текста кино, социальным и культурным характеристикам участников кинопроизводства и кинопотребления.

Дизайн исследования

Данная работа направлена на изучение творчества Альбрехта Дюрера в контексте кинематографа. Основной исследовательский фокус состоит в том, чтобы определить, как соотносятся живопись и кино, позволяет ли анализ живописного произведения в фильме понять общую концепцию, хронике происходящего, образ главного героя.

Исходная идея исследования состоит в том, что живописное произведение является не только концептуальным основанием или «идеологией» фильма, но и позволяет понять значимость связи разных жанров искусства. При этом допускается идея о том, что режиссеры изучаемых фильмов не

рассматривали кинематограф как результат слияния изобразительных и темпоральных искусств, отстаивая позицию целостности концепции и оригинальности кино.

Гравюры и живописные работы Альбрехта Дюрера, одного из великих художников Возрождения, влияют на мировую художественную культуру по сей день, поэтому важно находить ссылки на них в современных искусствоведческих работах. Произведения Альбрехта Дюрера – это новаторские идеи для его эпохи, которые продолжают вдохновлять кинематограф.

Основой аналитической части данной работы послужили визуальные источники: фильмы «Иваново детство» Андрея Тарковского (1962), «Седьмая печать» Ингмара Бергмана (1957), «Меланхолия» Ларса фон Триера (2011), «Дракула» Фрэнсиса Форда Копполы (1992), «Казнь» Ладо Кватании (2021). Из художественных произведений Альбрехта Дюрера были отобраны следующие работы: «Четыре всадника апокалипсиса», «Меланхолия», «Автопортрет в одежде, отделанной мехом», «Рыцарь, смерть и дьявол». Гипотеза, на которой базируется исследование, может быть сформулирована следующим образом: существуют устойчивые и воспроизводимые формы сопряжения исторической живописи А. Дюрера в современном кинематографе.

Вопрос о том, как анализировать внутривидовые аспекты взаимодействия в искусстве, имеет длительную традицию изучения, но исследований по обнаружению и анализу взаимопроникновения кино и живописи не так много. Известно мнение в научной литературе о том, что Альбрехт Дюрер – кинематографичный художник, но при этом практически данный тезис не был препарирован и проверен на эмпирических данных. Более того, в полном объеме не решен вопрос и о том, в каких фильмах и «как» использует современный кинематограф реминисценции на творчество художника. В этой связи в данной работе предпринимается попытка по решению выше обозначенного исследовательского вопроса.

Альбрехт Дюрер и кинематограф

Альбрехт Дюрер – один из ярчайших феноменов в истории мирового искусства. Он обрел известность еще при жизни, а среди его почитателей были Рафаэль Санти (живописец), Эразм Роттердамский (мыслитель-гуманист) и даже Максимилиан I Габсбург (правитель Священной Римской империи). Дюрера по праву называют основоположником немецкого Возрождения, он научно осмыслил мир, художественно его чувствовал и новаторски изображал. Творчество Альбрехта Дюрера было многогранным, как и он сам: он не только занимался живописью и гравюрой, но и знал древнюю литературу, владел латынью, увлекался

естественными науками и писал стихотворения (хотя правильнее назвать их наставлениями или проповедями). Дюрер, как художник, был не менее разнообразным как в жанровом плане, так и в техническом. Он изображал библейские сюжеты, бытовые, мифологические сюжеты, современные ему пословицы, поговорки, углубляясь в анималистику.

Тезис о «кинематографичности» Дюрера существует среди искусствоведов давно, особенно он применим к гравюрным работам. Эта идея была частично рассмотрена директором Германского национального музея Дэниелем Хессом, который комментировал данный вопрос на встрече с сотрудниками музея имени А.С. Пушкина. По его мнению, черно-белые детализированные гравюры имеют особую динамику, которую можно сравнить с кадром в кино.

Зритель видит действие или статичный пейзаж, зная, какие предшествующие и последующие события имел в виду Альбрехт Дюрер. За счёт метафоричности образов картин и поэтичности даже в строжайших мазках передается резкая и контрастная визуализация мира, к которой так или иначе стремится любой режиссер кино. С Дюрером сравнивают Стивена Спилберга и Ингмара Бергмана, замечая, как можно сопоставлять художников и режиссеров разных эпох, находя сходства и различия не только в технике и постановке кадра, но и в общем смысловом значении. Возможно, отсюда и рождается теория о влиянии Альбрехта Дюрера на кинематограф.

Контекстуальное сопряжение

«Иваново детство» А.А. Тарковского

Четыре гравюры Дюрера процитировал Андрей Тарковский в своём первом полнометражном фильме «Иваново детство». Эта картина была снята в 1962 г. по повести Владимира Осиповича Богомолова «Иван». Несмотря на то, что принято считать, что вне «поэтичности» Тарковский не представим, «Иваново детство» — это восстание против традиционной поэтичности кинематографа. В фильме Андрея Тарковского этот «бунт» представлен в невероятной отчетливости построения кадра, фактуры, мысли. Картина, словно гравюра, точна, детализирована, прямолинейна, но не лишена глубоких смыслов. В кинокартине речь идёт о рано повзрослевшем мальчике Иване, жизнь которого поглотила Вторая Мировая война. На его глазах фашистами была убита мать, отец погиб на фронте, и Ваня осиротел. Мальчик обречен на кошмары о мирной жизни всю оставшуюся жизнь, с будущим, заключенным в рамки войны.

Незадолго до смерти Ивану попадает в руки книга немца Дюрера, и он медленно и не без боязни рассматривает гравюры «Апокалипсиса». В этих кадрах показаны лишь три работы немецкого

живописца. «Апокалипсис» – цикл деревянных гравюр Альбрехта Дюрера. Данная серия состоит из пятнадцати работ, изображающих библейское «Откровение» о последнем суде. А. Тарковский для своей картины выбрал кульминационную гравюру серии.

Четыре всадника являются олицетворением известных библейских образов. Первый – лучник в остроконечной шапке, это Победитель. Всадник, занесший над головой меч, – Война. Третий – Голод, держит в руках весы. Четвертый всадник – полуобнаженный старик со скривившимся в крике ртом и горящими глазами, за которым ползет чудовище с открытой пастью, – Смерть. На нем особо останавливается взор Ивана. Он говорит, что последний всадник худющий и выглядит как фриц на мотоцикле, которого видел мальчик. Также четвертый всадник отличается от трёх первых тем, что его конь единственный остаётся не подкованным, его поступи как костяной звук, сам всадник отпустил веревочные поводья, на его коне ни седла, ни стремян. Всадник с устремленными вперед безумными, яростно округлившимися глазами конем не управляет. Мир, который попадает под копыта страшных вестников кары, не пытается сопротивляться или просто не может. Ване это знакомо. Он понимающе и угрюмо замечает: «всех стоптали», осознавая всю не управляемую силу хаоса, которая проглотила его детство.

Пророчества «Апокалипсиса» всегда особо остро начинали звучать в неблагоприятные периоды – войн, эпидемий, неурожая. Всадники Дюрера отсылают нас к тому беспокойному времени, в которое художник писал свой «апокалипсис», и рождают связь переживаний людей разных поколений. Во время создания работ в Европе было популярно мнение о конце света, но наступил он во время войны и при жизни Ивана. Маленький Ваня – это тот ребёнок, которого можно назвать ребёнком войны. Всё, что было до, – это лишь воспоминание о маме, все, что происходит сейчас, – затоптали всадники. Иван переворачивает страницу, и на несколько секунд гравюра закрывается бумагой, и остаётся лишь один ее фрагмент. Казалось бы, это незначительно, но, я считаю, что этот кадр точно характеризует концепт и идею фильма. Во всяком случае, мне понятен фильм через кадр. Если в повести Богомолова повествование идет от лица лейтенанта, то Тарковский показывает историю глазами Ивана. Они отражают мир, в них видно все то, чего он лишился в том светлом детстве, для Ивана становится неважно всё, кроме того, что это дело рук фрицев: «– Это немцы? – Да, старинная! – Всё равно фрицы!..». Художник помещает всадников на листе так, что кажется, будто они выскочат за рамки и понесутся прямо на зрителя.

Помимо «всадников», в фильме мелькают еще две гравюры: «Портрет Ульриха Варнбюлера» и

«Рыцарь смерть и дьявол». О личности изображенного известно мало, но он является советником короля Германии, императора Священной Римской Империи и эрцгерцога Австрийского Максимилиана Первого. На вопрос Ивана о том, кто это, лейтенант отвечает: «не то врач, не то писатель немецкий». Ваня, который всё же считает фрицев единой массой и сгустком всей злобы на планете, не соглашается с ним: «да у них нет писателей! я сам видел как они книги на площади жгли». В этой сцене появляется важная мысль, ведь лейтенант пытается объяснить, что раньше все было не так, были люди, жизнь и до войны: «– Да это старый писатель, лет четыреста назад. – Разве что старый».

Далее лишь мелькает третья гравюра – «Рыцарь, смерть и дьявол». Она имела не одно толкование. Одни считали рыцаря представителем «тёмных сил», но мне ближе мысль о том, что рыцарь – это храбрый воин, живущий долгом и свершением подвигов, перед которым отступает зло. Рядом с наездником изображена собака – символ истины и преданности, дьявол – символ искушения и смерть – символ неизбежности. В руках последней – песочные часы, которые как бы намекают на то, что все скоротечно и брэнно. Похожее толкование этого сюжета есть и в трактате Эразма Роттердамского «Руководство христианского воина».

«Казнь» Л. Кватани

«Казнь» – это первый полнометражный фильм Ладо Кватани, выпущенный в апреле 2022 года. По словам режиссера, это «жанровая ширма» для рассказа личной истории о «внутреннем конфликте с неконформизмом и приспособленчеством» через призму неоренуарного детектива о маньяке. Главный герой – Исса Давыдов, следователь, расследующий дела о серийных убийствах, сталкивается с новым делом, которое превращается из однотонной «борьбы со злом» в многоуровневую историю о разочаровании, предательстве, страхе и эпохе беззакония. В ходе сюжета становится понятным различие между человеком, который совершает ошибки, и тем, кто случайно оказался человеком.

Пожалуй, первое сравнение с Дюрером происходит за счёт невероятной детальности и символичности в кадре. В фильме много бытовых интерьерных сцен: машины, дома и одежда героев важны в их понимании, ведь они формируют образ. Так, например, очки с широкими линзами, заправленная в брюки рубашка и прилизанная челка «Валиты» намекают на его внешнюю и очевидно обманчивую прилежность, а чрезмерная фото-редакция близнецов-убийц в исполнении Дмитрия Кузнецова (рэпера Хаски) наталкивает на мысль о том, что они не те, кого ищут, что их как бы не существует в этом деле. Помимо неочевидных

и обнаруженных личностью зрителя фрагментов, существуют однозначные реминисценции. Например, прозвище одного из главных героев, криминалистов – Тарковский. Он снимает на пленочную камеру места происшествий, говорит и думает на «простом языке», с детской наивностью и чистотой сознания, постепенно взрослея в столкновении с реальной жизнью бывших кумиров. Одной из подобных деталей является термос с нанесенной на него гравюрой. Он мелькает всего в нескольких кадрах и разглядеть, что же на нем изображено, трудно. Тем не менее можно рассмотреть фигуру на коне и маленькую собачку рядом. Похожее изображение есть в упомянутой ранее, но имеющей совершенной иной смысл в «Казни», гравюре «Рыцарь, смерть и дьявол».

Сосуд – это важный символ, который сам по себе имеет большое значение еще с библейских времен, поэтому интересно наблюдать за развитием этого образа на протяжении всей «Казни». Вопросы витальности и рока важны для кинокартины, поэтому неподвластный ни времени, ни обстоятельствам, ни людям, рыцарь, победивший смерть и дьявола, едет через чашу вперед. Этот образ напоминает Иссу о неминувости наказания за преступления, даже если он привык вершить приговоры сам, дорога не может быть без переулков. Черно-белая и резкая гравюра вписывается в образ главного следователя, говоря зрителю о том, над кем в конце будет совершен суд, намекая на эту систему образов, которые объединены этой встречей в лесу. Исса – хозяин этого сосуда, но не смысла, заключенного в изображении на нем, так же как и он – причина своих действий, но не может совладать с их последствиями.

«Рыцарь, смерть и дьявол» – это сложная история о том, как в жизни не бывает победителей и побежденных, о неочевидности зла и доброты. В одном из своих интервью рэпер Хаски (Дмитрий Кузнецов) вспоминает об этой работе Дюрера, как о произведении, которое его потрясло. Он ассоциировал себя с рыцарем, который победил всех, которого «ничего не колышет». Но рядом всё равно смерть с седой бородой показывает на песочные часы. Статичность фигуры рыцаря, при этом динамика символичности гравюры (как и кадров «Казни») создают контраст, которым во много характеризуется личность главного героя. Недаром появляется и собака у ног рыцаря. Собака – это и священное животное Гекаты, и символ героизма, и, конечно, преданности (иногда слепой). В любом случае это такой же спутник, который идет по той же дороге, только «вместе», а не самостоятельно.

Гравюра отражает не только личный конфликт главного героя, но и общеконтекстуальный для фильма. Как и в случае войны «Иванова детства», внешняя обстановка происходящего в «Казни» сложна. Действие происходит в период с конца

80-х гг. и начало 90-х гг. XX века. Исса появляется в кадре как герой, снимающий портреты вождей СССР из нового кабинета, борющийся за правду и честную работу во всем. Постепенно его личные грехи модифицируют прежнего «кумира» юных следователей в обычного трусливого убийцу собственных принципов. Быть может, на это и намекает тот самый «невидимый» рыцарь, ведь его эпоха уже закончилась. Как совершать подвиги в стране, где они под запретом? Не просто эпохальный кризис, но и личная жизнь Иссы давят на него, запутывая на прямой дороге, по которой едет одинокий странник.

«Дракула» Ф.Ф. Копполы

Небезызвестная и каноничная история графа Дракулы была экранизирована классиком кинематографа Фрэнсисом Копполой в 1992 году по одноименному роману Брэма Стокера. Она была максимально приближена к оригинальному роману и стала настоящим голливудским хитом. История о вечной жизни, вызывающей желание избавления от этого бремени, о поиске любви, когда она уже в загробном мире, о мести и всепрощении показана Копполой особым образом. Характерная «запыленность» кадра, определенный нелинейный ход повествования, цветовая хоррорная палитра 90-х гг. относит данный фильм к «классике».

В отличие от других фильмов, упомянутых в работе, в «Дракуле» присутствует живописное полотно Дюрера, его «Автопортрет в одежде, отделанной мехом». Сама идея любого автопортрета не столько удовлетворение желания запечатлеть собственные черты, сколько попытка художественно оценить себя и свое искусство, для отражения духовного роста. В этом жанре очень важен вопрос времени и хронотопа, ведь запечатленный мгновением художник остается таким в вечности. Хотя внешний облик изображаемой фигуры неизменен, значение с каждым годом приобретает другое. Поэтому сама идея Дракулы так смежна с автопортретом.

Картина Дюрера появляется в кадре как часть интерьера замка Влада Дракулы, она висит за его столом. Отвечая на вопрос, почему именно она выбрана для цитирования, невозможно не заметить, как работа вписывается в общую цветовую палитру и под образ хозяина дома: освещение точечное, приглушенно красный мазок, умудренное опытом лицо мужчины с вдохновенным взором. Более того, начало истории Дракулы происходит в 1462 году, а Дюрер рождается всего лишь через десятилетие после этого. Связь картины с сюжетом происходит даже на временном промежутке, как будто отражая в автопортрете самого Дракулу, в момент его «смерти» как человека.

Такое сопряжение несет в себе больше контекстуального значения, чем смыслового, по при-

сутствию картины нельзя судить о сюжете или динамике фильма, но «Автопортрет» становится важной отсылкой в формировании взгляда Коппола на Дракулу. Режиссер добавляет не так много деталей «от себя», поэтому каждая из них важна в общем понимании кинокартины. Взгляд Дюрера за спинами героев фильма напоминает о том, что бессмертие заключается не в вечности жизни, а в возможности оставить себя в мире после нее.

Художественная связь кадра и названия «Меланхолия» (пролог) Л. Фон Триера

Фильм Ларса фон Триера «Меланхолия» 2011 г. состоит из двух повествовательных частей: пролога и самого полного метра. В данном исследовании основной фокус сосредоточен как раз на прологе к фильму, ведь именно он предвосхищает и объясняет всю картину Триера. В восьми-минутном видео показаны чередующиеся кадры космоса, произведений искусства или отсылок к нему и планов с героями фильма. Кинокартина состоит из постоянных реминисценций, а разбирать ее связи с «внешним миром» можно в отдельном исследовании. Например, одна из самых важных – посвящение А. Тарковскому как «режиссеру, владеющему всем миром».

Пролог покадрово разобран Манолой Даргис в статье для New York Times сразу после выхода фильма. Кинокритик объясняет каждый кадр медленно ползущего видео, постепенно сменяющихся кадров. В каждом – анализ линий из фильма. Роль заключает в себе движущиеся полотна Триера с очевидными цитатами с картин вроде «Смерть Офелии» Джона Милле или «Меланхолии» Лукаса Кранаха Старшего. Дюреровский план менее очевиден, но тоже является только метафоричным способом (Даргис 2011).

Первоначальное объединение гравюры Дюрера «Меланхолия» с фильмом фон Триера произошло, конечно, благодаря названию. Это состояние оба автора чувствовали особенно и как будто не заключали в рамки времени. В толковании этого чувства оба придали значение знанию и созиданию. Оба творца помещают на свои полотна людей в контексте рушащегося мира, наделяя любую стороннюю деталь символическостью.

На гравюре изображен ангел, аллегорическое воплощение меланхолии, в окружении причудливых фигур, предметов и изобретений. Картина создана на контрасте тяги к знаниям и наукам, в виде предметов вокруг, и скучающей фигуры с опущенной на руку головой. Задний план второй «картины» пролога полностью повторяет тот же план гравюры с летящим небесным телом и водным массивом. Там же у Дюрера изображено полотно, с надписью «Меланхолия I», что вероятно отсылает к идеям чернокнижника-окультиста Агриппы Неттесгеймского о том, что меланхолия –

это «первая ступень к гениальности». У Триера это тоже определенный этап в принятии действительности, разрушающий будущее, обреченный на космическое столкновение мира и меланхолии. Параллель образуется и в образе кометы с заднего плана Дюрера и планеты, которая летит навстречу Земле. Есть мотив столкновения, слияния, разрушающей красоты.

«Седьмая печать» И. Бергмана

«Седьмая печать» – авторская черно-белая философская притча шведского классика кинематографа Ингмара Бергмана по его пьесе «Роспись по дереву». Фильм был снят в 1957 году и вошел в галерею самых важных в истории кинематографа всех времен. Это сравнение фильма с гравюрой Дюрера – самое неочевидное из рассмотренных сопережений. Кажется, будто все в картине Бергмана говорит о работе А. Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол», в то же время не давая ни одного очевидного намека. Обе работы контрастные, черно-белые и философские. Сюжет фильма построен вокруг странствий рыцаря Антониуса Блока по средневековой Швеции в разгар чумы. По дороге путнику встречается и смерть, и дьявол, по сути, они даже странствуют вместе с ним, всегда рядом. Антониус сомневается в существовании дьявола и Бога, играет со смертью в шахматы, а потом и вовсе танцует с ней «на холме безмолвного неба». Странствия рыцаря – вечный поиск пустоты и вакуума жизни, ответы на вопросы о существовании рая или ада и есть ли смысл в их существовании.

Только рассматривая сюжет, уже становится ясна связь фильма с гравюрой, но если разобраться в самом полотне, она становится еще крепче. Рыцарь Дюрера пробирается через темную чащу опасностей, как бы невзирая на них. Смерть едет подле него, вступая в диалог с воплощением морали и чести героя, за спиной фигур притаился гротескный образ дьявола, чья физиономия напоминает традиционную демонологию в средневековом искусстве. Эта одна из трех «Мастерских гравюр», наряду с ранее упомянутой «Меланхолией», то есть она изображает ипостаси человеческой личности и присущие ей особенности духовной природы, что было важно и в фильме Бергмана.

Изображения Бога нет, оно слишком сакрально, его невозможно запечатлеть, но дьявол всегда сзади, как напоминание о возможных страданиях. Важнейший мотив, объединяющий гравюру с фильмом, – это пересечение путей рыцаря, как посланника Христова, а бергмановский Антониус как раз возвращается из крестового похода, и смерти, как неизбежной гостью дома любого человека. По Бергману ее можно встретить и словом «свершилось», и молитвой, и почтено приклонив голову, только смысл визита от этого не поменяется. Рыцарь сомневается в религии, как если бы

художник сомневался в том, умеет ли он рисовать. И Дюрер в своем цикле работ, и режиссер поднимают вопрос веры в существование того, что не должно подвергаться сомнениям в средневековье, в этом и есть главная концептуальная значимость произведений искусства.

Заключение

Кинематограф – это один из самых «поздних» жанров искусства и один из самых свободных в возможностях своего выражения. Часто в кинокартинах используются элементы из других видов мировой художественной культуры, что помогает понять значение тех или иных мотивов. Авторы могут выстроить сцену, цитируя известное полотно, могут добавить ту или иную скульптуру в интерьер героя, чтобы намекнуть на его характер или образ жизни, могут выстроить сюжет вокруг картины, позаимствовав образы у художников. Любой из этих методов важно замечать при глубоком анализе фильма, но они не выделены в определенный метод изучения, хотя и набирают популярность и актуальность в критике. В этой связи для понимания сложного важно использовать ассоциативный ряд из близких по значимости и приближенных работ, чтобы через похожее и уже знакомое понять более сложное.

Сопряжение живописи и кинематографа – это объемная и довольно субъективная тема. Режиссеры не всегда комментируют снятое ими, оставляя зрителю шанс на создание собственных интерпретаций, что учитывалось при написании данной работы. В ходе исследования было выявлено несколько типов соединения двух жанров искусств, на примере работ Альбрехта Дюрера и фильмов, в которых они были упомянуты. Таким образом, в «Иванове детстве», «Казни» и «Дракуле» присутствие произведений создает концептуальное поле для понимания образов и сюжета, в «Меланхолии» сопряжение происходит на стыке толкования названий и выстраивания кадра. В «Седьмой печати» смысл гравюры смежен со значением картины Бергмана, оправдывая художественную связь обоих творцов.

Рассматривая общий смысловой план фильмов, в которых были использованы полотна Дюрера, обнаружилось, что каждый из них поднимает вопросы витальности, чистой души и роли совести, расставания с миром и войной, как внешними, так и внутренними. Работы немецкого художника добавляют кино движения в статичности изображения, отсылая на маленькую историю той или иной гравюры в большом значении фильма. Благодаря подобному соединению жанров можно углубить анализ, выстроить связь произведений и понимать их благодаря существованию друг друга.

Таким образом, анализ представленных фильмов показывает, что существуют устойчивые и

воспроизводимые формы сопряжения живописи А. Дюрера в кинематографе, что подтверждает основную гипотезу исследования. При этом автор работы видит перспективному ввести иные основания для анализа проблемы взаимосвязи живописи и кино (темпоральность, время, пространство, дискурс, реконструкция и др.).

Источники

Живопись Альбрехта Дюрера: «Четыре всадника апокалипсиса» (1496-1498 гг.), «Меланхолия» (1514 г.), «Автопортрет в одежде, отделанной мехом» (начало 1500 г.), «Рыцарь, смерть и дьявол» (1513 г.).

Художественный фильм И. Бергман «Седьмая печать», 1957.

Художественный фильм А.А. Тарковского «Иваново детство», 1962.

Художественный фильм Ф.Ф. Коппола «Дракула», 1992.

Художественный фильм Л. фон Триера «Меланхолия», 2011.

Художественный фильм Л. Кватания «Казнь», 2021.

Библиографический список

Albrecht, Durer (2021), A Renaissance printmaker with visions for the ages, *Feelberry Antik*, [Online], available at: <https://www.antik.asia/2021/07/27/albrecht-durer-a-renaissance-printmaker-with-visions-for-the-ages> (Accessed 12 November 2021).

Bastien, Alleaume (2021), When cinema pays tribute to masterpieces of art history, *Artmajeur*, March 20, [Online], available at: <https://www.artmajeur.com/en/magazine/29-pop-culture/when-cinema-pays-tribute-to-masterpieces-of-art-history/330308> (Accessed 23 October 2021).

Dargis, Manihla (2011), This is how the end begins, *The New York Times*, Dec. 30, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2012/01/01/movies/awardsseason/manohla-dargis-looks-at-the-overture-to-melancholia.html> (Accessed 12 August 2021).

Did you spot these famous artworks in these famous movies? *Widewalls*, October 19 (2019), [Online], available at: <https://www.widewalls.ch/magazine/famous-artworks-in-movies/dracula-albrecht-durer-portrait> (Accessed 25 January 2022).

10 classic horror films inspired by fine art (2010), [Online], available at: <https://www.sartle.com/blog/post/10-classic-horror-films-inspired-by-fine-art> (Accessed 24 January 2022).

Painting in movies (2012), [Online], available at: <http://paintingsinmovies.com/m/browse> (Accessed 07.05.2022).

When art and film become one: 9 movies inspired by art, *Artstyle*, 7 may (2021), [Online], available at:

<https://blog.artsper.com/en/lifestyle/when-art-and-film-become-one-9-movies-inspired-by-art/> (Accessed 03 December 2021).

Астахов А.Ю. Дюрер. Москва: Издательство «Белый Город». 2018. 72 с.

Барт Р. Проблема значения в кино. Система Моды; Статьи по семиотике культуры / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 511 с.

Иоффе И.И. Синтетическая история искусств. Избранное 1920–1930-е гг. Санкт-Петербург, 2006. 260 с.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти Раамат, 1973. 140 с.

Кнабе Г.С. Проблема постмодерна и фильм Питера Гринауэя «Брюхо архитектора» // Древо познания – древо жизни. Москва: РГГУ, 2006. С. 331–334.

Маньковская Н.Б. Париж со змеями (Введение в эстетику постмодернизма). Москва, 1995. 220 с.

Мартен М. Язык кино / Пер. с фр., вступ. статья и общая ред. С. Юткевича. Москва: Искусство, 1959. 292 с.

Морозова О.В. Босх, Брейгель, Дюрер: гении Северного Возрождения. Москва: Просвещение, 2016. 208 с.

Найденышев К. Как смотреть гравюры Дюрера. Арзамас. 21 мая 2021. [Онлайн]. <https://arzamas.academy/mag/971-durer> (дата обращения 25.06.2021).

Параджанов С. Вечное движение. Искусство кино. № 12. 2001. [Онлайн]. <http://old.kinoart.ru/archive/2001/12/n12-article4> (дата обращения 24.04.2023).

Рачеева Е.П. Босх, Дюрер, Брейгель. Москва: Издательство АСТ, 2019. 160 с.

41 произведение живописи, зашифрованное в культовых фильмах. [Онлайн]. <https://www.vashdosug.ru/msk/cinema/article/2570003> (дата обращения 23.09.2021).

Скалдина С.Н. Живопись в кино: художественный метод П. Гринауэя (на примере фильма «Гольциус и Пеликанья компания») // Артикульт. № 18 (2). 2015. С. 70–76.

Смотрите сами 2. Ларс фон Триер. Меланхолия. Пролог (продолжение) [Онлайн]. <https://sonja-mussolini.livejournal.com/74468.html> (дата обращения 18.10.2021).

Тимашов К.Н. Вытесненная теория: кино в мифологии и семиологии Ролана Барта // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 1(38). С. 216–233.

Эйхенбаум Б. Проблемы киностилистики // Поэтика кино. Перечитывая «Поэтику кино». Санкт-Петербург: Российский институт истории искусств, 2001. 261 с.

References

Albrecht, Durer (2021), A Renaissance printmaker with visions for the ages, *Feelberry Antik*, [Online], available at: <https://www.antik.asia/2021/07/27/albrecht-durer-a-renaissance-printmaker-with-visions-for-the-ages> (Accessed 12 November 2021).

Bastien, Alleaume (2021), When cinema pays tribute to masterpieces of art history, *Artmajeur*, March 20, [Online], available at: <https://www.artmajeur.com/en/magazine/29-pop-culture/when-cinema-pays-tribute-to-masterpieces-of-art-history/330308> (Accessed 23 October 2021).

Dargis, Manihla (2011), This is how the end begins, *The New York Times*, Dec. 30, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2012/01/01/movies/awardsseason/manohla-dargis-looks-at-the-overture-to-melancholia.html> (Accessed 12 August 2021).

Did you spot these famous artworks in these famous movies? *Widewalls*, October 19 (2019), [Online], available at: <https://www.widewalls.ch/magazine/famous-artworks-in-movies/dracula-albrecht-durer-portrait> (Accessed 25 January 2022).

10 classic horror films inspired by fine art (2010), [Online], available at: <https://www.sartle.com/blog/post/10-classic-horror-films-inspired-by-fine-art> (Accessed 24 January 2022).

Painting in movies (2012), [Online], available at: <http://paintingsinmovies.com/m/browse> (Accessed 07.05.2022).

When art and film become one: 9 movies inspired by art, *Artstyle*, 7 may (2021), [Online], available at: <https://blog.artsper.com/en/lifestyle/when-art-and-film-become-one-9-movies-inspired-by-art/> (Accessed 03 December 2021).

Astakhov, A.Yu. (2018), *Durer*, White City Publishing House, Moscow, Russia.

Bart, R. (2003), *Sistema mody; stat'i po semiotike kul'tury* (The fashion system; articles about the semiotics of culture), Izdatel'svo im. Sabashnikovykh Publ., Moscow, Russia.

Ioffe, I.I. (2006), *Synthetic history of art. selected 1920-1930 s.*, St.-Petersburg, Russia.

Lotman, Yu.M. (1973), *Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics*, Eesti Raamat, Tallinn, Estonia.

Knabe, G.S. (2006), *The problem of postmodernity and Peter Greenaway's film "The Belly of an Architect". The Tree of Knowledge – the Tree of Life*, RGGU, Moscow, Russia, pp. 331–334.

Mankovskaya, N.B. (1995), *Paris with snakes (Introduction to the aesthetics of postmodernism)*, IF RAS, Moscow, Russia.

Marten, M. (1959), *The language of cinema*, Per. from French, intro. article and general ed. S. Yutkevich, Art, Moscow, Russia.

Morozova, O.V. (2016), *Bosch, Brueghel, Durer: the geniuses of the Northern Renaissance*, Education, Moscow, Russia.

Naidenyshev, K. (2021), How to look at Durer's engravings, *Arzamas*, May 21, [Online], available at: <https://arzamas.academy/mag/971-durer> (Accessed 25 June 2021).

Parajanov, S. (2001), *Perpetual motion*, [Online], available at: <http://old.kinoart.ru/archive/2001/12/n12-article4> (Accessed 24 April 2023).

Racheeva, E.P. (2019), *Bosch, Dürer, Brueghel*, AST Publishing House, Moscow, Russia.

41 works of art encrypted in cult films, [Online], available at: <https://www.vashdosug.ru/msk/cinema/article/2570003> (Accessed 23 September 2021).

Skaldina, S.N. (2015), Painting in cinema: the artistic method of P. Greenaway (on the example of the film "Goltzius and the Pelican Company"), *Artikult*, no. 18 (2), pp. 70–76.

See for yourself 2. Lars von Trier: Melancholy. Prologue (continued), [Online], available at: <https://sonja-mussolini.livejournal.com/74468.html> (Accessed 18 October 2021).

Timashov, K.N. (2020), Repressed theory: cinema in mythology and semiology of Roland Barthes, *International Journal of Cultural Research*, no. 1 (38), pp. 216–233.

Eikhenbaum, B. (2001), *Problems of Film Stylistics. Film Poetics. Rereading The Poetics of Cinema*, Russian Institute of Art History, St.-Petersburg, Russia.

Submitted: 15.05.2023

Revised: 13.06.2023

Accepted: 01.12.2023

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.334.22

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113

Дата поступления: 11.09.2023

рецензирования: 25.10.2023

принятия: 01.12.2023

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Ю.В. Васькина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

Д.Ю. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: ivanov.dyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0619-9340>

А.Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: phil@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

И.С. Ткаченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: tkachenko.is@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8892-7975>

Факторы трудовой мотивации работников предприятий аэрокосмического кластера в условиях цифровизации и роботизации

Аннотация: статья посвящена анализу трудовой мотивации работников современных российских предприятий аэрокосмической отрасли, занятых на автоматизированных и неавтоматизированных участках производства. Авторы дают обзор сложившихся подходов к анализу трудовой мотивации и приводят данные проведенного в октябре 2023 года пилотажного социологического исследования (N = 86), в ходе которого решались теоретические и прикладные задачи. В теоретическом плане проверялась гипотеза о влиянии процессов цифровизации и роботизации на факторы трудовой мотивации. Прикладная задача исследования была связана с апробацией инструментария социологического исследования и методов факторного и кластерного анализа к полученным в ходе опроса работников данным. Проведенное исследование позволило сделать вывод о существовании 3 основных групп мотивов, формирующих факторы трудовой мотивации работников обследованного предприятия: 1) мотивация профессиональной реализации; 2) материальная мотивация и 3) социально-ориентированная мотивация. В результате кластерного анализа было выделено две группы работников, в зависимости от типа доминирующих мотивов: материально-ориентированные на профессиональную самореализацию («прагматики») и ожидающие в процессе своей работы одобрения и поддержки от начальства и своих коллег («конформисты»).

Несмотря на то, что гипотеза о влиянии уровня автоматизации производственного участка на тип доминирующей мотивации работника нашла свое подтверждение с помощью метода дискриминантного анализа, она нуждается в дополнительной проверке на большем масштабе выборки.

Ключевые слова: мотивация труда; аэрокосмическая отрасль; автоматизация; факторный анализ; кластерный анализ.

Цитирование: Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В., Иванов Д.Ю., Нестеров А.Ю., Ткаченко И.С. Факторы трудовой мотивации работников предприятий аэрокосмического кластера в условиях цифровизации и роботизации // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 4. С. 100–113. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113>.

Благодарности: статья подготовлена в рамках НИР «Исследование влияния цифровизации и роботизации бизнес-процессов предприятий авиакосмической отрасли на социально-экономические факторы развития производств», выполняемой по программе стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Бочаров В.Ю., 2023** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

© **Васькина Ю.В., 2023** – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14.

© **Иванов Д.Ю., 2023** – доктор экономических наук, профессор, директор института экономики и управления, заведующий кафедрой менеджмента и организации производства, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Нестеров А.Ю., 2023** – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

© **Ткаченко И.С., 2023** – кандидат технических наук, доцент, заместитель ректора Самарского университета, директор Передовой инженерной аэрокосмической школы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: bocharov.vyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Yu.V. Vaskina

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: vaskina.yuv@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0586-839X>

D.Yu. Ivanov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: ivanov.dyu@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0619-9340>

A.Yu. Nesterov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: phil@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

I.S. Tkachenko

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: tkachenko.is@ssau.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8892-7975>

Factors of work motivation of aerospace employees in the context of digitalization and robotization

Abstract: the article is aimed to analyze the work motivation of employees of modern Russian aerospace enterprises engaged in automated and non-automated production sites. The authors give an overview of the existing approaches to the analysis of work motivation and provide data from the pilot sociological study conducted in October 2023 (N=86), when theoretical and applied problems were solved. Theoretically, the hypothesis about the influence of digitalization and robotization processes on the factors of labor motivation was tested. The applied task of the study was connected with the approbation of the tools of sociological research and methods of factor and cluster analysis to the data obtained during the survey of employees. The conducted research enabled the authors to conclude about 3 main groups of motives that form the factors of the employees' work motivation of the surveyed enterprise: 1) motivation of professional realization; 2) material motivation and 3) socially-oriented motivation. As a result of the cluster analysis, two groups of employees were identified, depending on the type of dominant motives: those who are materially oriented towards professional self-realization ("pragmatists") and those who expect approval and support from their superiors and their colleagues in the course of their work ("conformists"). Despite the fact that the hypothesis about the influence of the automation level of a production site on the type of the employee's dominant motivation has been confirmed using the discriminant analysis method, it needs additional verification on a larger sample scale.

Key words: work motivation; aerospace industry; automation; factor analysis; cluster analysis.

Citation: Bocharov, V.Yu., Vaskina, Yu.V., Ivanov, D.Yu., Nesterov, A.Yu. and Tkachenko, I.S. (2023), Factors of work motivation of aerospace employees in the context of digitalization and robotization, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 4, pp. 100–113, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-100-113>.

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the research project "Study of the impact of digitalization and robotization of business processes of aerospace enterprises on socio-economic factors of production development", carried out under the strategic academic leadership program "Priority 2030".

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Bocharov V.Yu., 2023** – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Social and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Vaskina Yu.V., 2023** – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Social and Cultural Studies Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Research Associate, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS branch, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

© **Ivanov D.Yu., 2023** – Doctor of Sciences in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Head of the Department of General and Operations Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Nesterov A.Yu., 2023** – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Tkachenko I.S., 2023** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Deputy Rector of Samara University, Director of the Advanced Aerospace Engineering School, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В настоящее время проблема трудовой мотивации работников современных российских предприятий аэрокосмической отрасли рассматривается как важная часть стратегии государства в про-

цессе формирования технологического и промышленного суверенитета и предполагает концентрацию и максимально эффективное использование настоящих и будущих трудовых резервов. В условиях внешнеполитических вызовов, когда суще-

ственно увеличилась нагрузка на государственные институты, производственные мощности и экономических агентов, поставленные задачи требуют новых решений, в том числе в сфере изучения и развития трудового потенциала работников (Институциональные возможности... 2023). Исследователи отмечают, что новая парадигма суверенного экономического развития России делает необходимым поиск особых моделей инновационной политики в связи с научной и технологической изоляцией России от недружественных стран, а также накопившимися проблемами на рынке труда, в сфере занятости и профессионального образования (Бочаров, Климова, Сизова 2023). Признавая важность развития искусственной среды «третьей природы» (Нестеров 2016), принадлежащей «четвертому царству», по терминологии немецкого ученого Ф. Дессауэра (Дессауэр 2022), в частности, цифровых технологий, автоматизации и роботизации производства, исследователи отмечают необходимость перенести фокус внимания на сотрудничество человека с интеллектуальными системами, где людям отводится лидирующая позиция «человека-актера» (Нестеров, Дорошин и др. 2022). Такой «человек-актер» «должен владеть требуемыми компетенциями и быть готовым их применять в условиях цифровизации и роботизации производственных процессов», находясь в центре любого «цифрового завода» для решения «функциональных задач, направленных на создание высокотехнологичной продукции» (Ткаченко, Антипов и др. 2023, с. 105). И действительно, исходным условием обеспечения необходимого трудового поведения в условиях высокотехнологичного производства является общеобразовательная и профессиональная подготовка, т.к., очевидно, что нельзя ожидать высокого качества труда от работника, не владеющего необходимыми компетенциями, навыками и знаниями. Однако, как показывает история и практика развития мирового промышленного производства, это оказывается далеко недостаточным. Необходимо также сочетание социальной и материальной мотивации труда работников, что может в современных условиях обеспечить высокую культуру производства, решить проблему конкурентоспособности предприятий на внутреннем и внешнем рынках (Бочаров, Тукумцев 2015).

Целью данной статьи является определение и анализ факторов, влияющих на трудовую мотивацию персонала в условиях автоматизации и роботизации на современных российских предприятиях аэрокосмической отрасли, и группировка работников по типам доминирующей трудовой мотивации. Для достижения этой цели нами был рассмотрен опыт социологических исследований трудовой мотивации и проведено пилотажное эмпирическое исследование на одном из российских

предприятий аэрокосмического кластера. Кроме того, решалась прикладная задача, связанная с апробацией инструментария социологического исследования и методов факторного и кластерного анализа к полученным в ходе опроса работников данным.

Мотивация труда как объект социологических исследований

В целом, под мотивацией в социологических исследованиях принято понимать «динамический процесс психосоциального характера, определяющий поведение и деятельность, их направленность, организованность, активность и устойчивость, обуславливающий возможность человека деятельно удовлетворять свои потребности» (Авдошина, Егоров и др. 2022, с. 92). Если же мы говорим именно о трудовой мотивации, рассматриваемой в рамках социологии труда, то, как правило, она рассматривается в двух смыслах: 1) как внутреннее побуждение работника к труду, как основной компонент самосознания работника, определяющий его поведение в сфере труда и реакции на конкретные условия работы; 2) как процесс побуждения работника к активной трудовой деятельности посредством удовлетворения важных для него потребностей в сфере труда (в признании, самореализации, достижении успеха, творчестве, принадлежности к значимым социальным группам и др.) (Бочаров 2023). При этом в первом смысле мотивация труда является результатом социализации и интернализации ценностей и норм трудовой деятельности, а во втором – непосредственной составляющей управления в организациях – как одна из функций управленческой деятельности менеджеров (используется также термин «мотивирование трудовой деятельности») (Герчиков 2004). При этом мотивы трудового поведения работника определяются как «внутренние побуждения к деятельности», лежащие в основе выбора характера поведения и детерминирующие его поступки (Шаталова 1998, с. 101).

Наиболее значимые для социологии труда концепции мотивации труда сформировались во второй половине XX века, и среди них выделяются: 1) иерархическая теория потребностей А. Маслоу, который доказал, что в трудовой мотивации основную роль играют «вторичные (приобретенные) потребности» (Maslow 1997); 2) двухфакторная теория мотивации труда Ф. Херцберга (Херцберг, Майнер 1990); 3) теория «достижительной» (achievement) и «избегательной» (avoidance) мотивации Д. Мак-Клелланда (McClelland 1967). Другие концепции мотивации труда («содержательные» и «процессуальные») основываются, дополняют и модифицируют теории А. Маслоу, Ф. Херцберга и Д. Мак-Клелланда (Lewis 1972; Ramlall 2004; Мескон, Альберт, Хедоури 2007).

Эти три концепции повлияли на эмпирические исследования мотивации труда, выполненные советскими социологами с целью поиска оптимальных мотивационных моделей. Фактически первым таким исследованием, осуществленным в 1960-е гг. в СССР, стал проект «Человек и его работа» (рук. В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов). По результатам проекта было отмечено, что среди советской рабочей молодежи наиболее значимыми мотивами трудовой деятельности в то время были ориентация на содержание труда, заработная плата и возможность профессионального продвижения. Именно эти три ведущих мотива были выделены в качестве ядра мотивационной структуры (Здравомыслов, Ядов 2003, с. 189-190). В дальнейшем мотивация труда стала одной из наиболее распространенных тем социологических исследований советских социологов. Более того, в период перестройки в 1980-е годы проблема трудовой мотивации стала рассматриваться как ключевая в социологии труда, что стало причиной попыток построения философско-социологических моделей мотивации и их влияния на трудовое поведение работников (Ключевой вопрос... 1988; Мотивация и поведение... 1990). При этом особо уделяется внимание изучению взаимосвязи между мотивами труда и эффективностью трудового поведения работников (Ручка, Сакада 1988). Также проводятся исследования, посвященные анализу особенностей трудовой мотивации в условиях автоматизированных и неавтоматизированных производственных участков промышленных предприятий. Одним из наиболее крупных исследований в этой тематике был международный проект «Автоматизация и промышленные рабочие» (Кревневич 1985).

Продолжились исследования мотивации труда работников российских предприятий и в постсоветское время. При этом исследователи стали фокусироваться на изменившихся условиях в отношениях собственности и трудовых отношениях, культуре и ценностях труда (Бессокирная, Темницкий 2004) и выделении типов трудовой мотивации российских рабочих (Сарно 1999). Наиболее признанными постсоветскими отечественными концепциями мотивации труда являлись разработанные по результатам эмпирических исследований типологии трудовой мотивации Я.Л. Эйдельмана (Лапыгин, Эйдельман 1996) и В.И. Герчикова (Герчиков 2004).

Тем не менее в настоящее время учеными признается необходимость разработки новых концепций и типологий мотивации труда, учитывающих реалии новой организации труда постиндустриального общества, опирающегося на «культурализованный труд» (Реквиц 2022; Тукумцев 2023). Неотъемлемой частью такого труда является «внутренняя мотивация», которая перекрывает в настоящее время «классическую», характерную для

индустриального общества внешнюю мотивацию к труду как средству достижения цели (дохода, стабильности и статуса) (Реквиц 2022). В рамках формирования «внутренней мотивации» работника в современной социологии труда ведется речь о необходимости идентификации работника со своей организацией через состояние «включённости» (Тукумцев, Бочаров 2011). Отметим, что анализ «включённости» долгие годы измерялся в рамках мониторинговых исследований социально-трудовой сферы предприятий и организаций Самарской области сотрудниками НИИ социальных технологий Самарского университета (Rukuižienė, Bocharov 2016; Тукумцев, Бочаров 2018).

Методология исследования и эмпирическая база

В соответствии с задачами исследования сотрудниками НИИ-230 Самарского университета была составлена анкета для опроса работников предприятий аэрокосмического кластера. Для апробации разработанного инструментария в октябре 2023 года был проведен анонимный опрос работников автоматизированных («А») и неавтоматизированных («НА») производственных участков одного из российских предприятий аэрокосмической отрасли. Опрос проходил в оффлайн-формате непосредственно на территории самого предприятия (анкеты распечатывались на бумаге и раздавались для заполнения респондентам). Выборочная совокупность носила целевой характер, являясь репрезентативной кадровой структуре данного предприятия по полу, возрасту, категории работников и группе занятых на производственных участках «А» и «НА». Принимая во внимание пилотажный характер первого этапа исследования, всего было опрошено 86 респондентов, из них по гендерным группам: мужчин – 90,7 %, женщин – 9,3 %; по возрастным группам: до 30 лет – 41,8 %, 31-45 лет – 38,4 %, 46-60 лет – 15,1 %, 61 года и старше – 4,7 %; по категориям работающих: рабочие 1-3 разряда – 50,0 %, рабочие 4-6 разряда – 40,7 %, специалисты (ИТР) – 9,3 %; по занятым на участках производства: «А» – 53,5 % и «НА» – 46,5 %.

Анализ полученных в ходе опроса данных осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics, основными методами являлись: частотный, факторный и кластерный анализ.

Основная цель любого статистического многомерного анализа состоит в классификации респондентов по определенным целевым группам. Наиболее распространенными методами такого анализа в социологических исследованиях является сегментирование респондентов по заранее известным (логистическая регрессия и дискриминантный анализ) или неизвестным (факторный и кластерный анализ) целевым группам. В нашем

исследовании речь идет о неизвестных целевых группах – типах респондентов в зависимости от их трудовой мотивации. В этом случае факторный анализ и последующее разбиение объектов на кластеры признаются наиболее адекватными методами для выделения новых социальных типов, эти методы многократно апробированы в социологических исследованиях. При этом такие виды анализа предполагают наличие четких математических критериев обоснованности модели, но никогда не проводятся только по формальным основаниям и предполагают творческую аналитическую работу исследователя. Так, само название фактора всегда условно и подбирается по ассоциации с теми переменными, которые наиболее сильно с ним связаны, т. е. имеют наибольшие факторные нагрузки.

Результаты проведенного эмпирического исследования

Частотный анализ данных

Перечень из 10 компонентов (переменных), которые предлагались респондентам для оценки своей трудовой мотивации при ответе на вопрос анкеты «Ваша работа для Вас – это, прежде все-

го, способ...», был составлен на основе подобного перечня, использованного в исследовании мотивации вологодским ученым А.В. Поповым (Попов 2013, с. 165), который, в свою очередь, опирался на известную теорию иерархии потребностей А. Маслоу (Maslow 1997). Модифицированный в соответствии со спецификой нашего собственного исследования перечень переменных и распределение ответов респондентов представлено в табл. 1.

Представленное распределение оценок респондентов свидетельствует о заметном доминировании материальных оснований трудовой мотивации. Наибольшие доли респондентов полностью согласны с тезисами, что они работают, чтобы «заработать денег» и «обеспечить стабильность своей жизни» – около 2/3 опрошенных. В то же время мотивы любви, уважения и признания оказались наименее востребованными среди всех опрошенных. Между тем обнаружилось, что доминирующий в целом по массиву опрошенных мотив «заработка» среди работающих на «А»-участках менее выражен. Так, если на «НА»-участках предприятия с таким мотивом полностью согласны 80,0 % респондентов, то на «А»-участках –

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на переменные, описывающие суждение «Ваша работа для Вас – это, прежде всего, способ...» (в %, по всему массиву опрошенных)

Table 1

Distribution of respondents' responses to variables describing the judgment "Your work for you is, first of all, a way..." (in %, for the whole poll)

Переменные, предложенные для оценки респондентам	Полностью согласен	Скорее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
Прокормить себя (семью)	55,8	17,4	19,8	3,5	3,5
Обеспечить стабильность своей жизни	66,2	12,8	14,0	3,5	3,5
Заслужить любовь своих близких	14,0	10,5	22,1	16,3	37,1
Заслужить уважение, признание со стороны начальства и коллег	22,1	17,4	33,7	7,0	19,8
Реализовать себя как творческая личность	25,6	17,4	26,7	16,3	14,0
Достичь успеха в жизни	40,7	18,6	26,7	7,0	7,0
Заработать денег	62,8	20,9	10,5	3,5	2,3
Сделать профессиональную карьеру	24,4	26,7	33,7	9,3	5,9
Получить моральное удовлетворение	26,7	20,9	24,5	9,3	18,6
Получить новые знания	51,2	22,1	16,3	8,1	2,3

почти вдвое меньше – 47,8 %. При этом среди работников «А»-участков по сравнению с «НА» оказался более востребован мотив «заслужить уважение, признание со стороны начальства и коллег»: среди работников «А»-участков в той или иной мере согласны с такой мотивацией своей работы почти половина опрошенных (45,7 %), а вот среди работников «НА» – примерно 1/3 (32,5 %). Похожая картина обнаружилась и с мотивом «заслужить любовь своих близких»: на «А»-участках в той или иной мере согласны с тем, что это их мотивирует к работе, почти 1/3 опрошенных (32,6 %), тогда как на «НА»-участках с наличием такой мотивации для своей работы в той или иной мере согласились лишь 15 % опрошенных.

Данные частотного анализа позволили выдвинуть гипотезу о существовании на обследованном предприятии как минимум двух групп работников различающихся своими ведущими мотивами (условно «материальные» и «социальные» мотивы), причем такое различие зависит от их занятости на «А»- и «НА»-участках производства.

Факторный анализ данных

Факторный анализ используется для обнаружения латентной структуры набора переменных. Он сокращает пространство отличительных черт от большого количества переменных к меньшему количеству факторов и как таковой является «независимой» процедурой (то есть он не предполагает указания зависимой переменной). Цель факторного анализа – сконцентрировать исходную информацию, выражая большое число рассматриваемых признаков через меньшее число более емких внутренних характеристик, которые, однако, не поддаются непосредственному измерению, то есть являются латентными.

В нашем исследовании выделение факторов осуществлялось с помощью **метода главных компонент**. Это один из наиболее распространенных методов выявления факторов, который заключается в их последовательном поиске. Вначале определяется первый фактор, который объясняет наибольшую часть дисперсии (дисперсия – это статистическая величина, показывающая, как именно и насколько сильно разбросаны значения переменных относительно математического ожидания, и представляющая собой квадрат стандартного отклонения), затем независимый от него второй фактор, объясняющий наибольшую часть оставшейся дисперсии и т. д.

Существует несколько основных критериев, позволяющих считать выполненные нами расчеты математически обоснованными:

1. Факторная модель должна объяснять не менее 60 % общей дисперсии исходных переменных, что показывает, что построенная модель является статистически значимой и практически приемле-

мой. В нашем случае полученная трехфакторная модель объясняет **67,5 %** общей дисперсии переменных.

2. Мера выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) – величина, характеризующая степень применимости факторного анализа к данной выборке, не должна быть менее 0,5. В нашем случае мера выборочной адекватности КМО составляет **0,765** (приемлемая адекватность).

3. Критерий сферичности Барлетта – показывает статистическую достоверность результата (Sig). Это критерий коррелированности переменных (нулевая гипотеза – о равенстве нулю корреляций между переменными). Полученное в наших расчетах значение уровня, **меньшее 0,05**, указывает на то, что данные вполне приемлемы для проведения факторного анализа.

Дополнительным методом, позволяющим подтвердить обоснованность именно трехфакторной модели, является метод «каменистой осыпи» Р. Кеттелла. На представленном ниже графике именно после «плато» между вторым и третьим факторами наблюдается резкий спад, который сигнализирует о достаточности такого количества факторов в описываемой нами модели трудовой мотивации (см. рис. 1).

СОЦИОЛОГИЯ

График нормализованного простого стресса

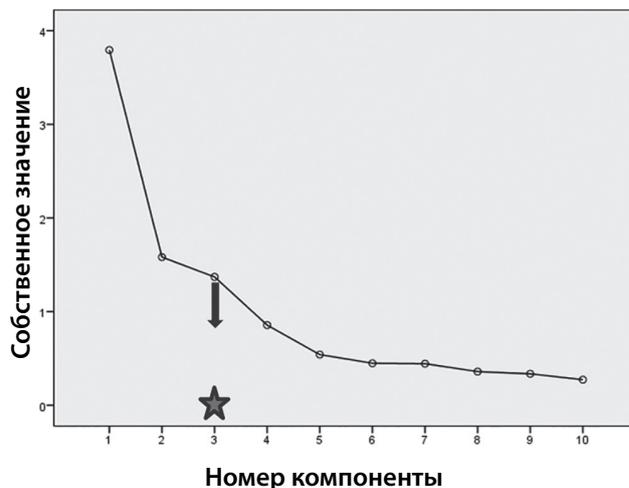

Рис. 1. Метод «каменистой осыпи» Р. Кеттелла применительно к трехфакторной модели трудовой мотивации
Figure 1. Method of "scree" by R. Kettel in relation to the three-factor model of the work motivation

В табл. 2 представлена повернутая матрица факторных нагрузок для 10 компонентов (переменных), которые предлагались респондентам для оценки своей трудовой мотивации при ответе на вопрос анкеты «Ваша работа для Вас – это, прежде всего, способ...».

Матрица факторных нагрузок по характеристикам трудовой мотивации
 (значения нагрузок > 0,5)

Matrix of factor loads based on the work motivation characteristics
 (load values > 0,5)

Компонент (переменная)	Фактор		
	1	2	3
Получить новые знания	0,809		
Достичь успеха в жизни	0,769		
Получить моральное удовлетворение	0,725		
Реализовать себя как творческая личность	0,712		
Сделать профессиональную карьеру	0,646		
Прокормить себя (семью)		0,857	
Обеспечить стабильность своей жизни		0,757	
Заработать денег		0,584	
Заслужить любовь своих близких			0,866
Заслужить уважение, признание со стороны начальства и коллег			0,739

Примечания:

1. Метод выделения: анализ методом главных компонент.
2. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошлось за 6 итераций.
3. Нагрузка отражает связь между переменной и фактором, являясь подобием коэффициента корреляции. Значение нагрузки лежит в пределах от -1 до 1. В данном случае все значения нагрузок положительные.

Интерпретация факторов:

Фактор 1: мотивация профессиональной реализации объединяет в себя 5 переменных, отражающих различные аспекты успешной профессиональной реализации, включая получение новых знаний, достижение жизненного успеха, реализацию себя в творчестве и получение морального удовлетворения от своей работы и профессиональной деятельности.

Фактор 2: материальная мотивация объединяет в себя 3 переменные, отражающие материальные аспекты трудовой мотивации, включая заработок денег, чтобы прокормить себя (свою семью), обеспечив тем самым стабильность своей жизни.

Фактор 3: социально-ориентированная мотивация объединяет в себя 2 переменные, отражающие важность для работника таких аспектов трудовой мотивации, как любовь своих близких и уважение, признание со стороны начальства и коллег.

Кластерный анализ данных

Кластерный анализ (от англ. cluster – группа, пучок) – это гибкая процедура, позволяющая математически обоснованно классифицировать различные объекты, но при этом предусматривает вмешательство исследователя в характер выделения количества кластеров, так как математически обоснованных кластерных решений может быть

несколько. Главная цель кластерного анализа – это классификация объектов на относительно гомогенные группы исходя из рассматриваемого набора переменных. Объекты в группе относительно схожи между собой и отличаются от объектов в других группах. При этом нередко группы факторов рассматриваются как самостоятельные эмпирические показатели и используются для дифференцирования респондентов на кластеры.

В рамках выполненного нами кластерного анализа осуществлялась классификация респондентов на группы на основании их существенных характеристик (факторов трудовой мотивации) с помощью метода K-means (K-средних). Этот метод предусматривает разбиение множества объектов на заданное исследователем число кластеров так, чтобы средние значения для кластеров по каждой из переменных максимально различались. Эмпирическим путем как наиболее обоснованное нами было выбрано двухкластерное решение. Обоснованность выбора двухкластерной модели подтверждается показателями F-статистики (статистика Фишера) и величиной статистической значимости (имеющей значения менее 0,05), одномерного однофакторного дисперсионного анализа (one-way ANOVA). Конечные центры кластеров, вокруг которых и происходит группировка объектов заданного от центра порогового значения, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Одномерный однофакторный дисперсионный анализ (one-way ANOVA) для двухкластерной модели

Table 3

Univariate analysis of variance (one-way ANOVA) for a two-cluster model

Факторы трудовой мотивации работников	Кластер		Ошибка		F	Статистическая значимость (Sig)
	Средний квадрат	ст.св.	Средний квадрат	ст.св.		
Мотивация профессиональной реализаций	31,383	1	0,638	84	49,166	0,000
Материальная мотивация	11,305	1	0,877	84	12,886	0,001
Социально-ориентированная мотивация	14,001	1	0,845	84	16,565	0,000

Примечание: включение переменной или фактора в модель обосновано, если величина статистической значимости (Sig) меньше или равна 0,05.

При оценке кластерных центров следует обратить внимание, что в соответствии с кодировкой в массиве SPSS-ответов на переменные вопроса анкеты «Ваша работа для Вас – это, прежде всего, способ...» (1 – «полностью согласен», 5 – «совершенно не согласен») большое отрицательное значение фактора означает большую степень его проявления, т. е. сигнализирует о его высоком значении, и наоборот, большое положительное значение фактора подразумевает низкую степень его проявления.

Конечные центры кластеров, по которым и происходит классификация респондентов на два кластера, представлены ниже, в табл. 4.

Название обеих групп респондентов условно, но отражает суть их ведущих трудовых мотивов: материально-ориентированные на профессиональную самореализацию – «прагматики» и ожидающие в процессе своей работы одобрения и поддержку от начальства и своих коллег, а также понимания и оценку заслуг от своих близких – «конформисты». Отметим, что среди «прагматиков» более половины (55,0 %) заняты на «НА»-участках, тогда как среди «конформистов» почти 3/4 (73,1 %) работают на «А»-участках. При этом среди «конформистов» втрое больше доля

тех, кто хотел бы сменить место работы: положительно на вопрос о том, что хотели бы сменить место работы ответили 8,3 % «прагматиков» и 26,9 % «конформистов». Для подтверждения такой закономерности можно обратиться к данным корреляционного анализа и рассмотреть ситуацию с обратной стороны: если среди занятых на «НА»-участках заметно доминируют «прагматики» (более 4/5), то на «А»-участках преобладание «прагматиков» хоть и наблюдается, но не является подавляющим. Среди «стабильных» работников (к которым относят респондентов, не желающих менять свое нынешнее место работы, и тех, кто желает его сменить, но остаться работником данного предприятия) заметно преобладают «прагматики», тогда как среди «нестабильных» более половины составляют «конформисты» (см. табл. 5).

Итак, на «А»-участках работают более 40 % «конформистов» При этом среди «конформистов» каждый четвертый желает сменить место работы. Понять причину такой ситуации помогают данные, свидетельствующие о более низком уровне удовлетворенности на «А»-участках и одновременно среди группы «конформистов» отношениями со своим непосредственным руководителем и коллегами (см. табл. 6).

Таблица 4

Конечные центры кластеров для двухкластерной модели

Table 4

End cluster centres for a two-cluster model

Факторы трудовой мотивации работников	Кластеры	
	Прагматики	Конформисты
Мотивация профессиональной реализаций	-0,39765	0,91767
Материальная мотивация	-0,23867	0,55078
Социально-ориентированная мотивация	0,26561	-0,61295
Число наблюдений в каждом кластере	60	26
Число наблюдений в % от всех опрошенных	69,8	30,2

Таблица 5

Распределение респондентов различных групп по доминирующей трудовой мотивации
 (в %, по группам респондентов)

Table 5

Distribution of respondents from different groups according to their dominant work motivation
 (in %, by groups of respondents)

Группы респондентов	Прагматики	Конформисты	Итого
По производственным участкам			
Работники «А»-участков	58,7	41,3	100,0
Работники «НА»-участков	82,5	17,5	100,0
Группы респондентов по показателю «стабильность»*			
Стабильные работники	79,4	20,6	100,0
Нестабильные работники	45,5	54,5	100,0
В целом по массиву опрошенных	69,8	30,2	100,0

*Примечание: к группе стабильных работников относятся те респонденты, которые не хотят менять свое место работы или хотят сменить рабочее место, оставаясь работником данного предприятия (внутренняя мобильность).

Таблица 6

Доли респондентов, полностью удовлетворенных отношениями с непосредственным руководителем
 (в %, по группам респондентов, занятых на «А»- и «НА»-частках и по типу доминирующей мотивации)

Table 6

The proportion of the respondents who are completely satisfied by their relationship with their immediate supervisors (in %, by groups of the respondents engaged in "A" and "NA" sites and by type of the dominant motivation)

Группы респондентов	Полностью удовлетворены		Итого
	отношениями с непосредственным руководителем	отношениями с коллегами по работе	
По производственным участкам			
Работники «А»-участков	37,0	54,3	100,0
Работники «НА»-участков	57,5	65,0	100,0
Группы респондентов по доминирующей трудовой мотивации			
Прагматики	55,0	68,3	100,0
Конформисты	26,9	38,5	100,0
В целом по массиву опрошенных	46,5	59,3	100,0

Дискуссия

В настоящее время государственная власть объективно заинтересована в том, чтобы рост человеческого потенциала промышленного производства, формирование новых социальных отношений в сфере труда не только соответствовало, но желательно опережало модернизацию его технической базы. Т. е. наряду с необходимостью обновления технической основы производства, запуска автоматизированных и роботизированных производственных линий и внедрения цифровых технологий в бизнес-среду предприятий, необходимо повышение мотивации и, соответственно, качества труда персонала. В противном случае безразличие персонала к деятельности своего предприятия и его недостаточная мотивация может негативно

влиять на выполнение производственных задач, стоящих перед российскими предприятиями аэрокосмического кластера. Уместно привести мнение известного польского ученого К. Обуховского о том, что мотив сам по себе не является движущим фактором, но он «причина действия в том смысле, в каком, например, нажатие кнопки можно считать причиной полета ракеты» (Обуховский 1972, с. 16). И во многом от менеджмента предприятия зависит нажатие этой «кнопки для запуска», т.е. состояние трудовой мотивации работников и возможность, используя социальные технологии, добиваться результатов в сфере производства качественной продукции.

Малый размер выборки пилотажного исследования не позволяет с уверенностью претендовать

на уровень закономерности для всего аэрокосмического кластера. Все сделанные в этой статье расчеты и выводы с уверенностью можно экстраполировать только на конкретное обследованное предприятие. Тем не менее предварительно можно сказать о существовании социальных резервов, которые можно активировать («нажать кнопку»). Активация таких резервов лежит в двух плоскостях: во-первых, работникам нужна поддержка и уважение со стороны непосредственных руководителей. Особенно дефицит хорошего человеческого отношения чувствуют «конформисты» и занятые на «А» производственных участках. Частично сложившуюся ситуацию можно объяснить объективными процессами, связанными с автоматизацией и роботизацией, когда работник, взаимодействуя с искусственной средой, отчуждается от взаимодействия с другими членами своего коллектива. Но в то же время цифровизация информационных потоков внутри предприятия может помочь преодолеть такое отчуждение. Однако, как свидетельствуют данные исследования, именно среди работников «А»-участков, а также тех, кто относится к группе «конформистов», уровень доступности к цифровой среде предприятия оказался заметно ниже, чем среди занятых на «НА»-участках и относящихся к группе «прагматиков» (см. табл. 7).

Безусловно, трудовая мотивация формируется не только под воздействием цифровой среды,

а под воздействием множества различных факторов. Тем не менее можем ли мы считать, что одним из таких факторов является уровень автоматизации и роботизации рабочего места? Т.е. в нашем случае можем ли мы с уверенностью сказать, что доминирующая мотивация работника обследованного предприятия аэрокосмического кластера зависит от уровня автоматизации участка («А» или «НА»), на котором он работает? Чтобы подтвердить эти положения, можно обратиться к дискриминантному анализу в программе SPSS, который позволяет предсказать принадлежность объектов к двум (или более) непересекающимся группам. Дискриминантный анализ основан на составлении уравнения регрессии, использующего номинальную зависимую переменную. При этом он представляет собой альтернативу множественного регрессионного анализа для случая, когда зависимая переменная представляет собой не количественную, а номинальную переменную (в нашем случае это принадлежность респондента к группе «прагматиков» или «конформистов»). Также важно сказать, что в дискриминантном анализе принимают участие и несколько независимых переменных (предикторов) «с любым типом шкалы» (Таганов 2005, с. 108). Протестировав методом принудительного включения в качестве независимых переменных (предикторов) категорию работника, пол, возраст, уровень дохода и уровень

Таблица 7

Рейтинг наиболее доступных респондентам и используемых при организации работы на предприятии цифровых технологий (в % от количества ответов, ранжировано по мере уменьшения доли ответов по всему массиву опрошенных)

Table 7

Rating of the digital technologies most accessible to respondents and used in the enterprise work organization (in % of the number of responses, ranked as the proportion of responses decreases across the entire poll)

Какие информационные технологии доступны и используются сегодня при организации работы на Вашем предприятии?	Участок		Группа по доминирующему мотиву		Доли ответов в целом по массиву опрошенных
	«А»	«НА»	Прагматики	Конформисты	
Мессенджеры для рабочих коммуникаций	27,9	67,5	50,8	37,5	47,0
Сайт предприятия	32,6	57,5	54,2	20,8	44,6
Социальные сети	27,9	57,5	50,8	20,8	42,2
Электронный документооборот и бухгалтерия	27,9	50,0	44,1	25,0	38,6
Совместная работа с документами	18,6	32,5	28,8	16,7	25,3

Примечания:

1. Отвечая на этот вопрос, респондент мог выбрать любое количество вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

2. В таблице приведены информационные технологии, которые набрали более 25 % ответов по всему массиву опрошенных.

образования, мы не смогли их включить в уравнение регрессии по причине их несоответствия критерию Лямбда Уилкса (Wilks' Lambda), который для этих групп превысил значимость 0,05. В то же время этот критерий имеет значимость меньшую 0,05 (т.е. математически доказано наличие дискриминирующих особенностей этих переменных) для переменных «производственный участок» (0,016) и «стаж работы на предприятии» (0,033).

Расстояние между центроидами групп (средними значениями дискриминантной функции в исследуемых группах) достаточно для расчетов: «прагматики» – 0,206; «конформисты» – (-0,475).

В результате мы можем составить уравнение регрессии на основе нестандартизированных (канонических) коэффициентов дискриминантной функции (множителей при заданных значениях переменных):

производственный участок – 1,419;
стаж работы на предприятии – (-0,407);
константа – (-1,072).

Таким образом, дискриминантная функция в нашем случае будет выглядеть следующим образом:

$D = -1,072 + 1,419x - 0,407t$, где:
 x – производственный участок («А» или «НА»),
 t – стаж работы на предприятии.

Точность прогнозов по составленному уравнению регрессии достаточно высока и составляет 67,4 %.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В целом, по массиву опрошенных наблюдается заметное доминирование материальных оснований трудовой мотивации. Наибольшие доли респондентов полностью согласны с тезисами, что они работают, чтобы «заработать денег» и «обеспечить стабильность своей жизни» – около 2/3 опрошенных. В то же время мотивы любви, уважения и признания оказались наименее востребованными среди всех опрошенных.

2. Можно говорить о существовании 3 основных групп мотивов, формирующих факторы трудовой мотивации работников обследованного предприятия. По результатам факторного анализа это: 1) мотивация профессиональной реализации; 2) материальная мотивация и 3) социально-ориентированная мотивация.

3. По результатам кластерного анализа можно говорить о существовании двух групп работников обследованного предприятия, в зависимости от типа доминирующих мотивов: материально-ориентированные на профессиональную самореализацию – «прагматики» и ожидающие в процессе своей работы одобрения и поддержку от начальства и

своих коллег, а также понимания и оценку заслуг от своих близких – «конформисты».

4. Уровень автоматизации производственного участка влияет (дискриминантный анализ) на тип доминирующей мотивации работника. Среди работников «А»-участков доля «конформистов» заметно выше доли «прагматиков».

5. Среди занятых на «А»-участках и среди группы «конформистов» в большей мере заметно меньше доли удовлетворенных отношениями со своими коллегами и непосредственным руководством, что не в последнюю очередь вызывает у них желание уволиться с нынешнего места работы.

6. Занятые на «А»-участках и «конформисты» заметно в меньшей степени вовлечены в цифровую среду предприятия, что может рассматриваться как проблема, которая имеет практическое решение в рамках реализации концептуальной модели цифрового завода производственного предприятия аэрокосмической отрасли.

Библиографический список

Lewis, R.B. (1972), Motivation model for extension, *Journal of Extensions*, Winter, pp. 23–34.

Maslow, A. (1997), *Motivation and Personality: 3rd edition*, Pearson.

McClelland, D. (1967), *The Achieving Society*, Free Press, New York, USA.

Ramlall, S. (2004), A review of employee motivation theories and their implications for employee retention within organizations, *Journal of American Academy of Business*, Cambridge, vol. 5, Issue 1/2, pp. 52–63.

Rukiūzienė, R. and Bocharov, V. (2016), Monitoring indicators to measure the level of work motivation in industrial and non-industrial organizations, *Regional Formation and Development Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 117–126.

Авдошина Н.В., Егорова С.В., Васькина Ю.В., Зорина С.В., Демина А.И., Нестеров А.Ю. Концептуальная схема социально-психологического мониторинга обучающихся // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 3. С. 87–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.

Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Мотивация труда в трансформирующейся России (аннотированная библиография, 1990-2003 гг.). Москва: Реглант, 2004. 112 с.

Бочаров В.Ю. Мотивация труда // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/motivatsiia-truda-fb3166/?v=7725450> (Дата публикации: 03.07.2023).

Бочаров В.Ю., Климова С.Г., Сизова И.Л. Инновативные ресурсы и траектории российских работников в современных условиях деконверсии сферы труда // Социальное пространство. 2023. Т. 9.

№ 3. DOI: <http://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.5>.
URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29754>.

Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Новые требования к работнику промышленного производства в условиях современной модернизации (социологический анализ) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 3. С. 44–49.

Герчиков В.И. Мотивация, стимулирование и оплата труда. Москва: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2004. 172 с.

Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт: монография / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: ООО «Самарама», 2022. 194 с.

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2003. 484 с.

Институциональные возможности и ресурсы российских работников в поиске согласия: сборник научных статей / под общей редакцией В.Ю. Бочарова, Ю.В. Васькиной, С.Г. Климовой, З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2023. 156 с.

Ключевой вопрос социологии труда: сборник научных трудов / под ред. Е.Г. Антосенкова, Е.Д. Катульского, И.Ф. Беляевой, З.С. Богатыренко. Москва: НИИ труда, 1988. 136 с.

Кревневич В.В. Социальные последствия автоматизации: на материалах междунар. исследовательского проекта «Автоматизация и промышленные рабочие» / отв. ред. Э.В. Клопов. Москва: Наука, 1985. 188 с.

Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. Москва: Наука, 1996. 109 с.

Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. и ред. О.И. Медведь. Москва: Дело, 2007. 665 с.

Мотивация и поведение человека в сфере труда: сборник научных трудов / под ред. Е.Г. Антосенкова, И.Ф. Беляевой, З.С. Богатыренко. Москва: НИИ труда, 1990. 186 с.

Нестеров А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «четвёртое царство» Ф. Дессауэра // Онтология проектирования. 2016. Т. 6. № 3 (21). С. 377–389. DOI: <http://doi.org/10.18287/2223-9537-2016-6-3-377-389>.

Нестеров А.Ю., Дорошин А.В., Никоноров А.В., Сойфер В.А. Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 7–32. DOI: <http://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-2-7-32>.

Обуховский К. Психология влечений человека. Пер. с польского В.И. Могилева / под ред. и с посл. Б.М. Сегала. Москва: Изд-во Прогресс, 1972. 248 с.

Попов А.В. Типология работников как инструмент управления трудовым поведением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. №1(25), С. 162–175.

Реквиц А. Общество сингулярностей. О струк-

турных изменениях эпохи модерна / пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 400 с.

Ручка А.А., Сакада Н.А. Стимулирование и мотивация труда на промышленном предприятии. Киев: Наукова думка, 1988. 224 с.

Сарно А.А. Типы трудовой мотивации и их динамика // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 44–46.

Таганов Д.Н. Статистический анализ в маркетинговых исследованиях. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 162 с.

Ткаченко И.С., Антипов Д.В., Куприянов А.В., Смелов В.Г., Кокарева В.В. Концептуальная модель цифрового завода производственного предприятия аэрокосмической отрасли // Известия Самарского научного центра РАН. 2023. Т. 25. № 3. С. 90–106. DOI: <http://doi.org/10.37313/1990-5378-2023-25-3-90-106>.

Тукумцев Б.Г. Избранные статьи: сборник статей / под ред. В.Ю. Бочарова. Самара: Изд-во Самарского университета, 2023. 648 с.

Тукумцев Б.Г., Бочаров В.Ю. Низкий уровень жизни как социальное препятствие на пути модернизации промышленного производства // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 7–37. DOI: <http://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.vr3x-2v63>.

Тукумцев Б.Г., Бочаров В.Ю. Оценка включенности персонала в деятельность предприятия // Социологические методы в современной исследовательской практике / отв. ред. О.А. Оберемко. Москва: НИУ ВШЭ, 2011. С. 124–129.

Херцберг Ф., Майнер М.У. Побуждение к труду и производственная мотивация // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 122–131.

Шаталова Н.И. Трудовой потенциал работника: проблемы функционирования и развития. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 1998. 235 с.

References

Lewis, R.B. (1972), Motivation model for extension, *Journal of Extensions*, Winter, pp. 23–34.

Maslow, A. (1997), *Motivation and Personality*: 3rd edition, Pearson.

McClelland, D. (1967), *The Achieving Society*, Free Press, New York, USA.

Ramlall, S. (2004), A review of employee motivation theories and their implications for employee retention within organizations, *Journal of American Academy of Business*, Cambridge, vol. 5, issue 1/2, pp. 52–63.

Rukuižienė, R. and Bocharov, V. (2016), Monitoring indicators to measure the level of work motivation in industrial and non-industrial organizations, *Regional Formation and Development Studies*, vol. 19, no. 2, pp. 117–126.

Avdoshina, N.V., Egorova, S.V., Vaskina, Y.V., Zorina, S.V., Demina, A.I. and Nesterov, A.Yu.

(2022), Conceptual framework for students' social psychological monitoring, *Semiotic studies*, vol. 2, no. 3, pp. 87–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-3-87-101>.

Bessokirnaya, G.P. and Temnitsky, A.L. (2004), *Motivation of labor in transforming Russia (annotated bibliography, 1990-2003)*, Raglant, Moscow, Russia.

Bocharov, V.Yu. (2023), Labor motivation, *Big Russian encyclopedia: scientific and educational portal*, [Online], available at: <https://bigenc.ru/c/motivatsiia-truda-fb3166/?v=7725450> (Accessed 03 July 2023).

Bocharov, V.Yu., Klimova, S.G. and Sizova, I.L. (2023), Innovative resources and trajectories of Russian workers in modern conditions of deconversion of the sphere of labor, *Social area*, vol. 9, no. 3. DOI: <http://doi.org/10.15838/sa.2023.3.39.5>, [Online], available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29754>.

Bocharov, V.Yu. and Tukumtsev, B.G. (2015), New requirements for an industrial production worker in the conditions of modern modernization (sociological analysis), *Telescope: Journal of Sociological and marketing research*, no. 3, pp. 44–49.

Gerchikov, V.I. (2004), *Motivation, stimulation and remuneration of labor*, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Dessauer, F. (2022), *Man and space. Experience: monograph*, translated from German by A.Yu. Nesterov, Samarama LLC, Samara, Russia.

Zdravomyslov, A.G. and Yadov, V.A. (2003), *Man and his work in the USSR and after*. 2nd ed., ispr. and add, Aspect Press, Moscow, Russia.

Institutional capabilities and resources of Russian workers in the search for consent: collection of scientific articles (2023), eds. by V.Yu. Bocharov, Yu.V. Vaskina, S.G. Klimova, Z.H. Saraliev, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

The key issue of the sociology of labor: a collection of scientific papers (1988), eds. by E.G. Antosenkov, E.D. Katulsky, I.F. Belyaeva, Z.S. Bogatyrenko, Research Institute of Labor, Moscow, USSR.

Krevnevich, V.V. (1985), *Social consequences of automation: based on the materials of the International research project "Automation and industrial workers"*, ed. by E.V. Klopov, Nauka, Moscow, USSR.

Lapygin, Yu.N. and Eidelman, Ya.L. (1996), *Motivation of economic activity in the conditions of the Russian reform*, Nauka, Moscow, Russia.

Mescon, M., Albert, M. and Hedouri, F. (2007), *Fundamentals of Management*, translated from English and edited by O.I. Medved, Delo, Moscow, Russia.

Motivation and human behavior in the sphere of work: a collection of scientific papers (1990), eds. by E.G. Antosenkov, I.F. Belyaeva, Z.S. Bogatyrenko, Research Institute of Labor, Moscow, Russia.

Nesterov, A.Yu. (2016), Epistemological and ontological problems of the philosophy of technology:

"The Fourth kingdom" F. Dessauer, *Design ontology*, vol. 6, no. 3 (21), pp. 377–389, DOI: <http://doi.org/10.18287/2223-9537-2016-6-3-377-389>.

Nesterov, A.Yu., Doroshin, A.V., Nikonorov, A.V. and Soyfer, V.A. (2022), Evolution of society in the light of philosophy of technology, *Philosophical Sciences*, vol. 65, no. 2, pp. 7–32. DOI: <http://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-2-7-32>.

Obukhovskiy, K. (1972), *Psychology of human drives*, translated from the Polish by V.I. Mogilyov, ed. and with the message of B.M. Segal, Progress Publishing House, Moscow, USSR.

Popov, A.V. (2013), Typology of workers as a tool for managing labor behavior, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 1(25), pp. 162–175.

Requits, A. (2022), *Society of Singularities. On structural changes of the Modern era*, translated from German by T.Y. Adamenko, I.G. Sokolovskaya, Berlin: Directmedia Publishing, Moscow, Russia.

Ruchka, A.A. and Sakada, N.A. (1988), Stimulation and motivation of labor at an industrial enterprise, Naukova dumka, Kiev, USSR.

Sarno, A.A. (1999), Types of labor motivation and their dynamics, *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no. 5, pp. 44–46.

Taganov, D.N. (2005), *Statistical analysis in marketing research*, Peter, St.-Petersburg, Russia.

Tkachenko, I.S., Antipov, D.V., Kupriyanov, A.V., Smelov, V.G. and Kokareva, V.V. (2023), Conceptual Model of the Digital Plant of Manufacturing Enterprises in the Aerospace Industry, *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 25. no. 3. pp. 90–106, DOI: <http://doi.org/10.37313/1990-5378-2023-25-3-90-106>.

Tukumtsev, B.G. (2023), *Selected articles: a collection of articles*, ed. by V.Yu. Bocharov, Publishing House of Samara University, Samara, Russia.

Tukumtsev, B.G. and Bocharov, V.Yu. (2018), Low Standard of Living as a Social Obstacle on the Way of Industrial Modernization, *St.-Petersburg Sociology Today*, no. 10, pp. 7–37, DOI: <http://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.vr3x-2v63>.

Tukumtsev, B.G. and Bocharov, V.Yu. (2011), Assessment of the involvement of personnel in the activities of the enterprise, *Sociological methods in modern research practice*, ed. by O.A. Oberemko, HSE, Moscow, pp. 124–129.

Herzberg, F. and Miner, M.U. (1990), Motivation to work and production motivation *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, no. 1. pp. 122–131.

Shatalova, N.I. (1998), *Labor potential of an employee: problems of functioning and development*, Publishing house Ural. gos. ekon. un-ta, Yekaterinburg, Russia.

Submitted: 11.09.2023

Revised: 25.10.2023

Accepted: 01.12.2023

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст .... (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI ....

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI ....

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

